

МИНИСТЕРСТВО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА

А. З. ЦИСЫК

ЛАТИНСКАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ, АНТИЧНОСТЬ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник избранных научных трудов, опубликованных
доцентом кафедры латинского языка БГМУ А. З. Цисыком
за 50 лет научной и педагогической деятельности

В двух частях

Часть 1

Минск БГМУ 2025

УДК 811.124(082)
ББК 81.2Лат
Ц73

Рекомендовано Научно-методическим советом университета в качестве
сборника научных трудов 17.09.2025 г., протокол № 1

Рецензенты: канд. филол. наук, доц. каф. фонетики и практики английской речи Белорусского государственного университета иностранных языков Е. М. Дубровченко; канд. филол. наук, зав. каф. классической филологии Белорусского государственного университета А. В. Кириченко

Цисык, А. З.

Ц73 Латинская медицинская терминология, античность и современность : сборник избранных научных трудов, опубликованных доцентом кафедры латинского языка БГМУ А. З. Цисыком за 50 лет научной и педагогической деятельности : в 2 ч. / А. З. Цисык. – Минск : БГМУ, 2025. – Ч. 1. – 219 с.

ISBN 978-985-21-2098-2.

Представлены избранные работы по фонетике, акцентологии и орфографии латинских терминов; вопросам истории, этимологии, семантики и функционирования латинских медицинских терминов; вопросам дидактики и методики преподавания дисциплин «Латинский язык», вышедшие в период с 1975 по 2024 год.

Предназначен для студентов и преподавателей.

УДК 811.124(082)
ББК 81.2Лат

ISBN 978-985-21-2098-2 (Ч. 1)
ISBN 978-985-21-2099-9

© Цисык А. З., 2025
© УО «Белорусский государственный
медицинский университет», 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Учителя говорят об учениях.
Настоящие учителя, кроме этого,
Изучают своих учеников.
Но более всего следует изучать учителей
Суфийская мудрость*

Настоящий сборник посвящен 80-летию одного из наиболее выдающихся отечественных ученых-классиков, кандидата филологических наук, доцента Андрея Зиновьевича Цисыка, подготовившего не одну плеяду преподавателей классических языков и античной литературы Республики Беларусь, нашему Учителю.

Сборник содержит избранные работы ученого, вышедшие в период с 1975 по 2024 гг. Работы, вышедшие в различных изданиях Республики Беларусь, Российской Федерации, Украины, адресованы прежде всего молодым исследователям. Именно для них важно ознакомиться с представленными в сборнике трудами, посвященными актуальным до сих пор разнообразным проблемам классической филологии. Переиздаваемые работы А. З. Цисыка посвящены вопросам фонетики, акцентологии и орфографии латинских терминов; вопросам истории, этимологии, семантики и функционирования латинских медицинских терминов; вопросам дидактики и методики преподавания дисциплин «Латинский язык» и «Фармацевтическая латынь»; вопросам, затрагивающим античное литературное наследие и его постантичная рецепция (культура, филология, этика, религия). Этот впечатляющий диапазон демонстрирует высочайшую эрудицию, энциклопедические знания ученого-классика.

Собрав в одном издании самые интересные труды А. З. Цисыка, мы выражаем надежду на то, что высказанные им мысли и идеи заинтересуют еще не одного специалиста и дадут начало новым изысканиям в области классической филологии, а также позволят по-новому осмыслить сделанное А. З. Цисыком для развития отечественной школы классических языков.

*Заведующий кафедрой латинского языка
Н. А. Круглик*

СЛОВО ОТ АВТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ СБОРНИКА

Данный сборник содержит текст научных публикаций доцента кафедры латинского языка Белорусского государственного медицинского университета, которые были опубликованы в различных издательствах России, Беларуси и Украины на протяжении 1975–2024 гг., а также в указанном учреждении высшего медицинского образования Республики Беларусь. В сборник включены только избранные публикации, которые, по мнению автора, наиболее полно представляют весь спектр его научных интересов.

Публикации распределены по четырем разделам, которые в целом отражают основные направления научно-исследовательской работы автора сборника:

- 1) вопросы фонетики, акцентологии и орфографии латинских медицинских терминов;
- 2) вопросы истории, этимологии, семантики и функционирования латинских терминов и имен;
- 3) вопросы дидактики и методики преподавания дисциплин «Латинский язык» и «Фармацевтическая латынь»;
- 4) античное литературное творчество и его рецепция в постантичной Европе (культура, филология, этика, религия).

Названия статей внутри разделов размещены в алфавитном порядке. Статьи сборника отражают результаты оригинальных научных исследований их автора и не дублируются в зарубежных изданиях. Публикация данных статей, раньше напечатанных в нередко труднодоступных изданиях России, Беларуси и Украины в едином сборнике, предоставит уникальную возможность читателю ознакомиться с их содержанием. Думается, что этот сборник будет полезен, прежде всего, преподавателям латинского языка медицинских вузов и учреждений среднего звена медицинского образования, а также всем филологам, лингвистам и культурологам, включая студентов вузов Республики Беларусь, обучающихся по данным специальностям. Не исключено, что содержание многих статей сборника заинтересует и дипломированных врачей, не забывших о том, какое влияние оказала античность на терминологию медицины и морально-этические принципы профессионального поведения каждого врача, отразившиеся не только в традициях «Клятвы Гиппократата», но и в целом комплексе афоризмов и наставлений.

А. З. Цисык

РАЗДЕЛ I

ВОПРОСЫ ФОНЕТИКИ, АКЦЕНТОЛОГИИ И ОРФОГРАФИИ ЛАТИНСКИХ ТЕРМИНОВ. ВАРИАТИВНОСТЬ НЕКОТОРЫХ СОГЛАСНЫХ В РУССКИХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНАХ-ТРАНСЛИТЕРАТАХ ЛАТИНСКОГО И ГРЕЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Как известно, многие медицинские термины в русском языке представляют собой лексические заимствования непосредственно из интернациональной греко-латинской терминологии или через посредство немецкого, французского, а иногда и английского языков. Такие заимствования мы называем транслитератами (от новолат. translitterare — переносить побуквенно), подразумевая под ними лексемы, в которых с помощью отечественной орфографической системы передается буквенно-звуковой состав иностранного слова. При этом мы различаем полные и частичные транслитераты. Полными мы считаем транслитераты, максимально адекватно передающие звуковой состав лексемы оригинала, напр.: лат. sinus — рус. синус; лат. lipoma — рус. липома, лат. paracervix — рус. парацервикс. Частичными транслитератами считаем лексемы, в которых в той или иной мере изменен буквенно-звуковой комплекс слова по сравнению с оригиналом, ср.: лат. frontalis — рус. фронтальный; лат. phlegmone — рус. флегмона; лат. polypus — рус. полип.

Анализ буквенного состава транслитератов показывает, что некоторые буквы латинского алфавита, обычно не имеющие альтернативы произношения в латинских лексемах, в русских транслитератах могут иметь два варианта произношения как в разноморфемных словах, так и в словах с общими морфемами. В частности, такая вариативность наблюдается при адаптации латинских букв **l**, **s** и **h**.

В латинском языке буква **l** произносится всегда в мягком варианте: altus [альтус], locus [люкус], lumen [люмен]. В русском языке существуют две традиции произношения буквы **л** в транслитератах [1, 104]: галактоза, коллатеральный, лабиринт, спланхнология, но: гранулёма, лютеома, лямблиоз, офтальмолог. Иногда даже в сходных позициях наблюдается разницей в произношении: гранулёма — миелома; спондилёз — анкилоз. В отдельных случаях существуют даже равноценные дублиеты с различным произношением буквы **л**: глутаминовый и глютаминовый. Встречаются также случаи, когда в одном и том же греческом или латинском корне буква **л** звучит по-разному: анальгин, но: баралгин, пенталгин.

В некоторых случаях можно говорить об уже сложившейся тенденции к тому или иному способу произношения буквы **л**.

Например, все латинские прилагательные с конечным элементом *-laris* в русских эквивалентах имеют окончание *-лярный*:

лат.	рус.
alveolaris [альвэолярис]	альвеолярный
capillaris [капиллярис]	капиллярный
molaris [молярис]	молярный
perpendicularis [пэрпэндикулярис]	перпендикулярный

Эта же закономерность сохраняется и в существительных, производных от такого рода прилагательных: капилляр, моляр, перпендикуляр.

Таким образом, произношение буквы *л* в транслитератах в некоторых случаях подчиняется определенным закономерностям, но чаще всего оно бессистемно и зависит скорее всего от случайных факторов.

Буква *s* в латинских терминах обычно произносится как звук [з] в положении между гласными и как звук [с] в остальных случаях. Такое же произношение сохраняется обычно и в транслитератах, ср.: лат. *basis* — рус. базис, лат. *sinus* — рус. синус, лат. *synchondrosis* — рус. синхондроз. Однако нередко наблюдаются и отступления от таких соответствий. Во-первых, латинская буква *s* рядом с согласными *l*, *m*, *n* в транслитератах иногда передается звуком [з], ср.: лат. *balsanum* [бальсамум] — рус. бальзам; лат. *plasma* [пласма] — рус. плазма; лат. *tonsillitis* [тонсиллитис] — рус. тонзиллит. Но в этих же позициях буквы *s* встречаем и традиционный вариант произношения, совпадающий в латинском и русском эквивалентах: лат. *syndesmosis* — рус. синдесмоз; лат. *sensorius* — рус. сенсорный; лат. *impulsivus* — рус. импульсивный. В орфоэпии новолатинской терминологии существует и такая закономерность: на стыке префиксальных и корневых морфем буква *s* между гласными произносится как звук [с]:

лат.	рус.
adsorbatio [адсорбцио]	адсорбция
chromosoma [хромосома]	хромосома
desensibilisatio [дэсэнсибилизация]	десенсибилизация

Но эта закономерность в транслитератах не всегда соблюдается:

лат.	рус.
resectio [рэсэцио]	резекция
dysenteria [дисэнтэрия]	дизентерия

Интересно и то, что иногда один и тот же латинский корень или целая лексема могут произноситься в русских транслитератах по-разному, в зависимости от сочетания с той или иной морфемой, сравним:

лат.	рус.	лат.	рус.
sectio [сэцио]	секция	vivisectio [вивисэцио]	вивисекция
resectio [рэсэцио]	резекция	prosector [просэктор]	прозектор

Вариативность произношения буквы *s* в транслитерах латинских терминов можно, по-видимому, объяснить влиянием языков-посредников,

через которые латинская лексика заимствовалась в русский. С этой точки зрения можно определить, что слово резекция, скорее всего, заимствовано через немецкий язык, в то время как вивисекция — непосредственно из научной латыни.

Если в большинстве случаев в наши дни уже невозможно точно проследить историю становления произношения вариантов звуков [ль] / [л] и [с] / [з] в заимствованиях с исходными буквами **l** и **s**, то сегодня при возникновении и закреплении звучания новых терминов такая возможность все-таки существует. Так, в последние годы в научных кругах стало широко известно название бактерии *Helicobacter pylori*, провоцирующей развитие язвы желудка (отметим заодно, что правильное ударение — **pylóri**, т. к. в анат. термине *pylorus* ударение падает на предпоследний слог). В устных и письменных транслитератах этого термина употребляется форма «хеликобактер», что является в корне неправильным в русле уже устоявшейся традиции транслитерирования терминов, имеющих в оригинале начальную букву **h**, поскольку в сочетании со всеми гласными эта буква передается в русском языке буквой **г** и звуком [г], а не буквой **х** и соответственно звуком [х], сравним:

лат.	рус.	лат.	рус.
hallucinatio	галлюцинация	helminthosis	гельминтоз
haemoglobinum	гемоглобин	hormonalis	гормональный
hysterotomia	гистеротомия	humoralis	гуморальный

Кроме того, греческий корень *helic* — от греч. *helix*, *helicos* завиток, спираль, встречается в анатомическом термине *helicotrema*, геликотрема — «отверстие улитки» (уха), и в слове геликоптер (букв. винтокрыл). Сравним также термин гайморит, образованный от фамилии английского анатома *Nighmohre* (XVII век), этот термин образован с учетом общей тенденции произношения транслитерированных терминов, которые начинаются на букву **h**. Таким образом, нам представляется, что имеется достаточно аргументов в пользу произношения упомянутого выше термина именно как геликобактер, а не хеликобактер, и соответственно геликобактериоз, а не хеликобактериоз.

Еще один латинский термин, *halitosis*, хотя и существовал раньше, но употреблялся преимущественно в синонимичном варианте *foetor ex ore* — дурной запах изо рта [4, 166–197; 2, 780], в то время как транслитерат галитоз с тем же значением употреблялся реже: достаточно сказать, что он даже не представлен в таком авторитетном издании, как «Энциклопедический словарь медицинских терминов» [3]. Однако в последнее время в прессе и других средствах массовой информации, а также в научной литературе все чаще встречается вариант *халитоз*. А ведь корень этого слова — производное от латинского глагола *halare* — дышать, выдыхать, от которого и происходит отглагольное существительное *halitus* — дыхание, выдыхание. В связи с этим вспомним, что от этого же глагола с приставкой *in-* —

inhalāre — дышать на что-то, выдыхать, мы имеем производное существительное inhalatio и его русский транслитерат ингаляция, а также названия препарата «Ингалипт». Поэтому нет никаких оснований говорить и писать «халитоз», единственно правильный вариант этого термина — галитоз, как и ингаляция и ингалипт.

Таким образом, введение в обиход новых терминов всегда должно опираться на определенные лингвистические основы. Хотелось бы, чтобы наши коллеги-медики, когда вводят новые термины, почаще консультировались с лингвистами, а не действовали по наитию, совершая ошибки и в произношении, и в грамматике. Очень было бы полезно, если бы при Минздраве Республики Беларусь существовала какая-нибудь структура вроде терминологической комиссии, в которой были бы представлены как медики, так и лингвисты. Эта структура занималась бы унификацией терминологии, а также давала бы компетентные советы по терминологическим вопросам. Печатным органом такой структуры мог бы быть журнал «Вопросы терминологии» или «Терминологический сборник», и такое периодическое издание было бы полезным как для врачей, так и для лингвистов, работающих над теоретическими вопросами медицинской терминологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Забинкова, Н. Н.* О некоторых орфографических вариантах в медицинской терминологии / Н. Н. Забинкова // Проблемы упорядочения медицинской терминологии : тез. докл. всесоюз. науч. конф. по пробл. упорядочения и стандартизации мед. терминологии, Юрмала, 27 февр. – 1 марта 1989 г. – М. : ПК НПО «Созмединформ», 1989. – 352 с.
 2. *Латинско-русско-латышский словарь медицинских терминов* : в 2 т. / сост. К. Рудзитис. – Рига : Лиесма, 1973. – Т. 1. – 1039 с.
 3. *Энциклопедический словарь медицинских терминов* : в 3 т. – М. : Сов. энцикл., 1982. – Т. 1. – 464 с.
 4. *Арнаудов, Г. Д.* Медицинская терминология = Terminologia medica : на пяти яз.: latinum, русский, english, francais, deutsch / Г. Д. Арнаудов ; пер. с болг. В. В. Завьялова. – 4-е рус. изд., испр. – София : Медицина и физкультура, 1979. – XXIV. – 943 с.
- Впервые опубликовано: Достижения медицинской науки 2006 : материалы юбил. науч. сессии, посвящ. 85-летию БГМУ / Белорус. гос. мед. ун-т ; под ред. С. Л. Кабака. – Минск : БГМУ, 2006. – С. 99–102.*

К ВОПРОСУ ОБ УДАРЕНИИ В ЛАТИНСКИХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНАХ, СОЗДАННЫХ НА ОСНОВЕ ГРЕЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ И ЕЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ

Правила ударения в латинском языке сравнительно просты, и в учебниках латинского языка для гуманитарных специальностей им традиционно уделяют мало внимания. Однако и здесь не все однозначно, как показывает ситуация с постановкой ударения в словах, в которых предпоследний гласный находится перед группой согласных muta cum liquida [13]. Но и в ме-

дицинской латыни, где и правил ударения больше, и большее количество исключений из правил, на сегодняшний день существует немало дискуссионных вопросов акцентологического плана в отношении чисто латинских слов [14]. Однако большинство таких вопросов касаются терминов, восходящих к заимствованной греческой лексике, или образованных в постантичное время на основе греческих корневых или аффиксальных словообразовательных элементов. Мы уже обращались в свое время к этой теме [13], однако наша работа еще не могла попасть в Интернет и стать доступной многим читателям. Поэтому считаем уместным еще раз возвратиться к закономерностям акцентологической адаптации греческих заимствований в латинской медицинской терминологии.

В настоящей работе, как и в предыдущей, мы руководствуемся общеизвестным правилом, согласно которому ударение в словах, заимствованных в латынь из греческого языка, определяется по акцентологическим правилам латинского языка [1, с. XVI]. Проанализировав латинизированные грецизмы античного периода римской истории, представленные в латинско-русском словаре И. Х. Дворецкого и Оксфордском словаре латинского языка [3; 19], и сверив эту лексику со словарями греческого языка [4; 18], мы убедились в том, что эта лексика действительно ассимилирована по правилам латинской акцентуации и с учетом изначальной или позиционной долготы или краткости греческого гласного (или дифтонга) в составе предпоследнего слога. Анализ лексического состава латинской медицинской терминологии, образованной в постантичное время, свидетельствует, что по этим же правилам проходила латинизация греческой лексики и в средние века, и в последующие эпохи [7; 11]. Для иллюстрации этих выводов мы приводим рядом примеры как латинизированной немедицинской лексики античного периода, так и сходные примеры лексики, входящей в современные лексиконы латинской медицинской терминологии [1; 9]. Учитывая то, что часть наших читателей не знакома с греческим языком, укажем, что в фонетике этого языка гласные **η** (эта) и **ω** (омикрон) являются долгими, **ε** (эпсилон) и **ο** (омикрон) — краткими, а **α** (альфа), **ι** (иота) и **υ** (ипсилон) могут быть и долгими, и краткими. Дифтонги **αι**, **ει**, **οι**, **ου** являются долгими, как и дифтонги в латинском языке.

Итак, двусложные греческие слова, без каких-либо исключений, ассимилируются в классической и постклассической латыни с ожидаемым ударением на первом слоге:

Греческий этимон	Латинское заимствование	Перевод
ἄστρον	ástrum	звезда
βολβός	búlbus	луковица
Δῆλος	Délos	Делос
χολή	chóle	желчь

Важно учитывать изначальную долготу или краткость гласного первого слога двусложного греческого этимона в том случае, если к его ассимилированному латинскому варианту добавляется предшествующий префиксальный или корневой элемент, сравним:

Греческий этимон	Латинское заимствование	Новое образование
τράγος	trágus	antítrāgus
θέναρ (ĕ)	thénar	hypóthĕnar
κῶλον	cólon	mesocólon
ἕλιξ (ĕ)	hélìx	antíhĕlix
τύφος (ū)	týphus	paratýphus

Больше всего материала для анализа, обобщений и рекомендаций предоставляют нам латинизированные существительные и другие части речи, которые содержат три и большее количество слогов. В таких словах место ударения, согласно правилам латинской акцентуации, определяется долготой или краткостью предпоследнего слога данного слова. Приведем сначала примеры ситуации, когда долгим становится слог, в котором гласный расположен перед двумя или тремя согласными, а также перед буквой ζ, которая считалась в латинской фонетике двойной согласной:

Греческий этимон	Латинское заимствование	Новое образование
διάφραγμα	diaphrágma	диафрагма
Κάναστρον	canístrum	корзина, плетенка, канистра
λαβύρινθος	labyrínthus	лабиринт
ὄρυζα (ū)	orýza	рис

Однако краткий гласный, расположенный в греческом этимоне перед группой *muta cum liquida* (-κλ-, -κρ-, -δρ-, -γρ-, -τρ-) сохраняет, как правило, свою краткость и после ассимиляции в составе латинского лексикона:

Греческий этимон	Латинское заимствование	Перевод
Σοφῶκλῆς	Sóphōcles	Софокл
Ἱπποκράτης (ă)	Hippócrātus	Гиппократ
καθέδρα (ĕ)	cáthĕdra	кафедра, стол преподавателя
Κλεοπάτρα (pă)	Cleópătra	Клеопатра
ποδάγρα (ă)	pódăgra	подагра

В этом плане следует дифференцировать ударение в терминах, включающих латинизированные существительные μέτρον (мера, измерение) и μήτρα (матка). Первое слово в латинских неологизмах centimĕtrum, milimĕtrum, как и в заимствовании античного периода diamĕter (= diamĕtros) сохраняет краткость гласного -ε-, а второе сохраняет долготу гласного -η- в новолатинских терминах hydromĕtra, ruomĕtra etc. Отметим также слово λίτρα → лат. lítra (литра, мера веса), которое в латинских неологизмах millilītrum, decalītrum сохраняет долготу своего гласного -ī-, и слово ἰατρός, в котором предпоследний гласный «альфа» долгий, и его долгота сохраняется в латинских терминах paediātri, psychiāter etc.

Уже эти примеры показывают, что при переходе в латинский язык сохраняется долгота или краткость слога греческого этимона, обусловленная наличием долгой или краткой гласной, и это, соответственно, определяет место ударения в латинском заимствовании:

Греческий этимон	Латинское заимствование	Значение (в медицинской терминологии)
ἔμβολος	émbōlus	эмбол
μασσήτηρ	masséter	жевательная (мышца)
σκότωμα	scotōma	потемнение в глазах, обморок
τύμπανον (ᾶ)	tympanum	барабан

Отдельно приведем примеры для иллюстрации перехода в латинский лексикон греческих слов с дифтонгами -αι-, -ει-, -οι-:

Греческий этимон	Латинское заимствование	Значение
γάγγραινα	gangraēna (= gangrēna)	гангрена
κολοσσαῖος	colossaēus (= colossēus)	колоссальный
μουσαῖος	musaēus	мусический
Εὔβοια	Euboēa	Эвбея
διάρροια	diarrhoēa	диарея, понос
πλατεῖα	platēa	улица
τραχεῖα (ἀρτηρία)	trachēa (artéria)	трахея

Приведенные примеры указывают нам на истоки и причины современного произношения латинских существительных diarrhoēa, trachēa, а также слов perinēum (из греч. περίναλον) и peritonēum (из греч. περιτόναλον). Но они же свидетельствуют, что греческий дифтонг **-αι-**, находящийся в предпоследнем слоге, при латинизации переходит в латинский дифтонг **-ae-** с последующим переходом в долгий **-ē-**, который сохраняет долготу слога, ср.: gangraēna = gangrēna. Подобного рода греческие заимствования с двойным написанием встречаются и в словаре латинского языка И. Х. Дворецкого [3, с. 344] и в Оксфордском словаре латинского языка [19, р. 356]. Особенно много в этих словарях прилагательных с финалями **-aēus/-ēus**, передающих принадлежность к какому-то предмету или субъекту. Широкая распространенность подобной модели латинизации греческих прилагательных в античную эпоху обеспечила продолжение данной традиции и в постантичный период, в частности, при образовании прилагательных в анатомической терминологии со значением «принадлежащий к какой-то структуре», причем в роли этой структуры может быть не только греческое, но и латинское существительное. Как итог этого довольно длительного процесса, в современной Международной анатомической терминологии [8] мы находим группу из 36 прилагательных, которые еще не представлены в лексиконах греческого и латинского языка античного периода: anconēus, carpēus (metacarpēus, radiocarpēus), coccygēus (anococcygēus, iliococcygēus, pubococcygēus, rectococcygēus, sacrococcygēus), glutēus, laryngēus, (prelaryngēus),

meningéus, oesophagéus, (bronchoësofagéus, pleuroësofagéus), peronéus, pharyngéus, (buccopharyngéus, ceratopharyngéus, chondropharyngéus, cricopharyngéus, glossopharyngéus, lateropharyngéus, mylopharyngéus, nasopharyngéus, palatopharyngéus, peripharyngéus, pterygopharyngéus, retropharyngéus, salpingopharyngéus, stylopharyngéus, thyropharyngéus), tarséus, (cuneometatarséus). Следует отметить, что в изданиях Международной анатомической номенклатуры разных лет конечный элемент -éus во всех указанных прилагательных может чередоваться с элементом -aéus, что никоим образом не влияет на место ударения в этих словах, которое остается одним и тем же в обоих случаях. Добавим к этому, что указанное нами ударение в вышеупомянутой лексике зафиксировано и в последнем издании «Анатомического словаря» Т. Г. Казаченок [6, с. 15–496]. Поэтому, как нам представляется, вряд ли найдутся научные основания для пересмотра места ударения во всех этих словах.

Немало ошибок в правильную постановку ударения в латинских терминах вносит перенос места ударения в русском эквиваленте термина на латинский эквивалент слова, сравним хотя бы следующие примеры:

Греческий элемент и его значение	Латинский термин	Русский эквивалент термина
κύτος (ῥ) <i>полость, вместилница, сосуд</i>	erythrócýtus	эритроцýт
πολύπους <i>многоногий, полип</i> (ῥ)	pólýpus	поли́п
φλεγμονή <i>воспаление</i>	phlégmōne	флегмо́на
διάγνωσις <i>распознавание</i>	diagnōsis	диа́гноз
χýμα (ῥ) <i>влага, жидкость</i>	parénchýma	паренхи́ма
γένος <i>род, происхождение</i>	allérgēna	аллерге́ны
φυτόν (ῥ) <i>растение</i>	osteóphýta	остеофи́ты
προστάτης <i>стоящий впереди</i>	próstāta	проста́та

Профилактика подобных явлений должна начинаться еще со студенческой аудитории первого курса, где обучаются будущие биологи, врачи и фармацевты. Естественно, что знания, приобретенные по теме «Правила ударения», должны постоянно подкрепляться и углубляться в течение всего курса латинского языка и соответствующей терминологии. Но для этого и сам латинист должен обладать достаточными знаниями. Если это специалист с классическим образованием, то он должен знать не только основы греческого языка, но и понимать закономерности фонетической ассимиляции греческих слов в латинском языке. Однако если мы заглянем в современный учебник латинского языка, рассчитанный на будущих специалистов в области классических языков [5], то в нем мы не увидим ни одного отдельного занятия, посвященного акцентологическим закономерностям адаптации греческих слов в латинском языке. А ведь только у Овидия в его «Метаморфозах» масса латинизированных греческих названий, которые сложно читать без понимания таких закономерностей. Знакомство с учебными материалами по спецкурсу «Греческие лексические заимствования

в латинском языке» для студентов специальности «Классическая филология» Белорусского государственного университета [2] показывает, что акцентологические аспекты греческих лексических заимствований в этой работе практически не рассматриваются. В учебнике латинского языка для биологов, недавно изданного во Львове [10], радует глаз материал второго занятия, посвященного фонетике греческого языка и передаче греческих слов в латинском языке. Но непонятно, почему в латинизированных грецизмах не указаны долгота и краткость предпоследнего слога, что лишает учащегося возможности определить место ударения в приведенных примерах. В материале об особенностях ударения некоторых латинских и греческих слов [10, с. 26] приводятся только три греческих терминоэлемента (-phōg-, -phīl-, -ptēr), краткий гласный которых, являясь предпоследним гласным слова, определяет место ударения. Однако таких конечных терминоэлементов намного больше, например, в нашем учебнике для биологов, рассчитанном всего на 36 часов аудиторных занятий, таковых представлено 16 [15, с. 15–16]. Не подлежит сомнению, что количество таких единиц следует вводить в состав учебного материала по теме «Ударение» в достаточном количестве, поскольку знание этих частотных элементов очень помогает учащимся правильно определять ударение, не прибегая к словарю.

Если говорить о студентах медицинских и фармацевтических вузов, то идеальным решением проблем, связанных с передачей учащимся достаточного объема знаний, необходимых для осознанного понимания роли греческих языковых элементов в латинской терминологии и фонетических закономерностей их функционирования, было бы введение в начале обучения 36-часового курса «Элементы греческого языка в латинской медицинской и фармацевтической терминологии», о чем мы упоминали недавно [17]. В ожидании реализации этого предложения следует уделять больше внимания грецизмам в материале курса латинского языка и в фонетическом, и в семантическом, и в этимологическом аспектах. Особенно важно включать в учебный материал термины, в которых наблюдаются различия в постановке ударения в латинских и русских вариантах терминов. Кроме этого, важно работать совместно с медико-биологическими и клиническими кафедрами над изданием профильных терминологических словарей, в латинской части которых должны быть в каждом слове проставлены ударения. Это в значительной мере повышает уровень лингвистической грамотности преподавателей медицинских кафедр, а также закрепляет акцентологическую компетентность обучающихся. В частности, кафедра латинского языка БГМУ совместно с кафедрой нормальной анатомии выпустила уже второе издание справочного пособия «Ударение в современной Международной анатомической терминологии» [12]. Аналогичная работа готовится к печати совместно с кафедрой гистологии.

В. Ф. Новодранова, известный лингвист и автор фундаментальной работы «Именное словообразование в латинском языке и его отражение

в терминологии», приводит в этой работе текст рекомендации Международного совещательного комитета по библиографии, документации и терминологии ЮНЕСКО: «В то время как все меньше ученых и инженеров изучают сегодня латынь и греческий, все большее число терминов, образованных на материале этих языков, постоянно добавляется к словарям ученых. Поэтому становится очень важным обучать молодых ученых, по меньшей мере, элементам и правилам научной терминологии» [8, с. 277]. И поскольку мы, латинисты медицинских вузов, ipso facto принимаем практическое участие в реализации этих рекомендаций, нам очень важно помнить не только о надлежащем наполнении, но и о достойном выполнении греческой составляющей этого образовательного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнаудов, Г. Д. Медицинская терминология на пяти языках: Latinum, Русский, English, Francais, Deutsch / Г. Д. Арнаудов ; пер. с болг. В. В. Завьлова. – 3-е рус. изд., испр. – София : Медицина и физкультура, 1964. – XXIV. – 1029 с.
2. Гарник, А. В. Греческие лексические заимствования в латинском языке / А. В. Гарник. – Минск : БГУ, 2015. – 56 с.
3. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь: ок. 50 000 слов. – 3-е изд., испр. / И. Х. Дворецкий. – М. : Рус. яз., 1986. – 840 с.
4. Дворецкий, И. Х. Древнегреческо-русский словарь : в 2 т. / И. Х. Дворецкий ; под ред. С. И. Соболевского. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. Т. 1. – 1043 с.; Т. 2. – 1905 с.
5. Звонська, Л. Л. Латинська мова : підручник / Л. Л. Звонська, В. М. Шовковий. – 2-ге вид., перероб. і доп. – Київ : Знання, 2006. – 711 с.
6. Анатомический словарь : лат.-рус., рус.-лат. / сост. Т. Г. Казачёнок ; под. ред. С. В. Савельева. – М. : ВЕДИ, 2010. – 728 с.
7. Карузин, П. И. Словарь анатомических терминов / П. И. Карузин. – М. : Главнаука ; Л. : Гос. из-во, 1928. – 293 с.
8. Международная анатомическая номенклатура (с офиц. списком рус. эквивалентов) / под ред. Д. Л. Колесникова. – М. : Медицина, 2003. – 224 с.
9. Новодранова, В. Ф. Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии. Laterculi vocum Latinarum et terminorum / В. Ф. Новодранова. – М. : Яз. славян. культур, 2008. – 328 с.
10. Ревак, Н. Латинська мова та основи ботанічної термінології : підручник / Н. Ревак, В. Сулим, О. Назаренко. – Львів : ЛНУ ім. І. Франка, 2014. – 406 с.
11. Латинско-русско-латышский словарь медицинских терминов : в 2 т. / сост. К. Рудзитис. – Рига : Лиесма, 1973–1977. – Т. 1. – 1039 с. ; Т. 2. – 866 с.
12. Ударение в современной Международной анатомической номенклатуре : учеб.-метод. пособие / С. Д. Денисов, А. З. Цисык, Н. А. Круглик, С. К. Ромашкевичус. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : БГМУ, 2011. – 244 с.
13. Цисык, А. З. Некоторые акцентологические проблемы в курсе латинского языка гуманитарных и медицинских вузов / А. З. Цисык // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках : материалы V Респ. науч. конф., посвящ. памяти В. М. Никитевича. – Гродно : ГрГУ, 1996. – С. 296–298.
14. Цисык, А. З. Об акцентической адаптации греческих слов и морфем в составе латинских медико-биологических терминов / А. З. Цисык // Studia philological : сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т ; под. ред. Г. И. Шевченко ; редкол.: А. В. Гарник [и др.]. – Минск : БГУ, 2002. – Вып. 5. – С. 35–51.

15. Цисык, А. З. Некоторые акцентологические вопросы в современной медицинской терминологии / А. З. Цисык, Л. С. Капитула // Научные и методические проблемы медицинской терминологии : материалы междунар. учеб.-науч.-метод. конф. зав. каф. (курсами) латин. яз. и основ терминологии высш. мед. и фармацевт. учеб. заведений / Ульянов. гос. ун-т ; под. ред. В. И. Мидленко. – Ульяновск : Вектор-С, 2009. – С. 24–26.

16. Цисык, А. З. Латинский язык для биологов = Lingua Latina ad biologiam : учеб. / А. З. Цисык, Г. И. Шевченко ; под науч. ред. В. Лысака. – Минск : БГУ, 2015. – 127 с.

17. Цисык, А. З. О содержании и структуре курса древнегреческого языка для студентов медицинского вуза (к постановке проблемы) / А. З. Цисык // Актуальні питання лінгвістики, професійної лінгводидактики, психології і педагогіки вищої школи : зб. ст. І Всеукр. наук.-практ. конф. з міжнар. участю, Полтава, 11–12 травня 2016 р. / ВДНЗУ «Українська медична стоматологічна академія» [та ін.]. – Харків : ТОВ «Тім Пабліш Груп», 2016. – С. 261–269.

18. A Greek-English Lexicon / comp. by H. G. Liddell, R. Scott. – Oxford : Clarendon Press, 1996. – XLV+ XXXVI + 21042 + 320 p.

19. Oxford Latin Dictionary / ed. by R. N. Barrow [et al.]. – Oxford : Clarendon Press, 1968. – XXIII + 2126 p.

Впервые опубликовано: Актуальні питання лінгвістики, професійної лінгводидактики, психології і педагогіки вищої школи : зб. ст. III Міжнар. наук.-практ. конф., 31 трав. – 1 черв. 2018 р., м. Полтава. – Полтава : Аструя, 2018. – С. 368–374.

НЕКОТОРЫЕ ПРАБЛЕМЫ АРФАГРАФІЧНАЙ АДАПТАЦЫ ГРЭКА-ЛАЦІНСКІХ КАРАНЁВЫХ ТЭРМІНАЭЛЕМЕНТАЎ У БЕЛАРУСКАЙ МЕДЫЦЫНСКАЙ ТЭРМІНАЛОГІІ

Сучасная беларуская медыцынская тэрміналогія (і асабліва яе клінічная частка) у асноўным складаецца са слоў, створаных з каранёвых і афіксальных тэрмінаэлементаў (ТЭ), запазычаных з класічных моў [1, 159]. Фармаванне і папаўненне тэрміналагічнага складу беларускай мовы ў выніку пэўных гістарычных умоў адбывалася і адбываецца ў асноўным праз пасрэдніцтва рускай тэрміналагічнай лексікі [1, 59]. Але незалежна ад таго, якім шляхам уваходзяць грэка-лацінскія ТЭ ў склад беларускіх тэрмінаў, — праз транслітэрацыю рускіх слоў ці ў выніку словаўтварэння — працэс іх адаптацыі павінен ісці ў адпаведнасці з правіламі сучаснай беларускай фанетыкі і арфаграфіі ў кірунку да ўніфікацыі і стандартызацыі айчыннай тэрміналогіі. Аднак, праглядаючы навуковую і слоўнікава-даведачную літаратуру, бачым, што сёння, як і шмат гадоў таму, у фанетычнай і арфаграфічнай адаптацыі грэка-лацінскіх ТЭ існуюць пэўныя нявырашаныя праблемы.

У гэтым артыкуле мы разгледзім праблему арфаграфіі каранёвых грэка-лацінскіх ТЭ з галосным -о- ў першым складзе, які быў у словекрыніцы, а пазней увайшоў у складзе інтэрнацыянальных тэрмінаэлементаў амаль ва ўсе еўрапейскія мовы. У беларускай мове ў адпаведнасці з вядомым фанетычным законам «акання» галосны -о- такіх ТЭ ў пэўнай пазіцыі зменьваецца на «а». Аднак у шматскладовых словах такія ТЭ павінны

аднаўляць свой першасны галосны «о», і мэта артыкула — паказаць, пры якіх умовах адбываецца гэты фанетыка-арфаграфічны працэс і чаму яго неабходна заўсёды ўлічваць. Для лепшай ілюстраванасці матэрыялу артыкула лічым мэтазгодным падаць поўны спіс вашэйзгаданых тэрмінаэлементаў у варыянце з літарай **-о-**, які складзены на аснове дадзеных энцыклапедычнага слоўніка медыцынскіх тэрмінаў (ЭСМТ) [2], а таксама прывесці этымоны гэтых ТЭ, звераныя са слоўнікамі старажытнагрэчаскай і лацінскай моў [3; 4], і лацінскія варыянты гэтых ТЭ. У гэты ж спіс уключаем тры ТЭ (додэк-, косм-, протэр-), якія прадстаўлены ў калектыўнай працы інстытута мовознаўства імя Я. Коласа «Тэорыя і практыка беларускай тэрміналогіі» [5]. Адзначым яшчэ, што спіс гэты далёка не поўны: у яго мы ўключылі толькі тыя ТЭ, якія ўжо зафіксаваны ў навуковай літаратуры ў якасці першага складу шматскладовых тэрмінаў (чатыры ці больш складаў).

Беларускі тэрмінаэлемент	Лацінскі ці грэчаскі этымон	Лацінскі ці лацінізаваны грэчаскі ТЭ	Значэнне
1	2	3	4
глоб-	globus, i m	glob-	шар
глобул-	globulus, i m	globul-	шарык
глос-	γλῶσσα ἡ	gloss-	язык
гнот-	γνωτός, ἡ, ὄν	gnot-	вядомы, вызначаны
гол-	ὄλος, η, ὄν	hol-	увесь, цэлы
гом-	ὁμός, ἡ, ὄν	hom-	адзін і той жа, аднолькавы
гоме-	ὁμοίος, α, ὄν	home-	падобны, аднолькавы
гомін-	homo, inis m	homin-	чалавек
гон-	γόνος ὁ	gon-	нараджэнне, размнажэнне
гоні-	γωνία ἡ	goni-	вугал
додэка-	δώδεκα	dodeca-	дванаццать
дром-	δρόνος ὁ	drom-	рух, перамяшчэнне
зо-	1) ζῶη ἡ; 2) ζῶον τό	zo-	1) жыццё; 2) жывёла
зонул-	zoniā, ae f	zonul-	паясок раснічны
кок-	coccus, i m	soc-	кок, шарападобная бактэрыя
кол-, колон-	κόλον τό	col-, colon-	тоўстая альбо абадочная кішка
кольп-	κόλπος ὁ	colp-	похва
коні-	κονία ἡ	coni-	пыл
конх-	κόχρη ἡ	conch-	ракавіна, улітка
копр-	κόπρος ὁ	copr-	кал
кортык-	cortex, icis m	cortic-	кара (мозгу альбо наднырачная)
косм-	κόσμος ὁ	cosm-	космас
кост-	costa, ae f	cost-	рабро
коф-	κωφός, ἡ, ὄν	coph-	глухі, глухата

1	2	3	4
лоб-	lobus, i m	lob-	доля, частка
лог-	λόγος ό	log-	мова
лок-	locus, i m	loc-	месца
мон-	μόνος, η, ον	mon-	адзін
морф-	μορφή ή	morph-	форма
мот-	motus, us m	mot-	рух
ноз-	νόσος ό	nos-	хвароба
ном-	νόμος ό	nom-	заканамернасць, парадак
норм-	norma, ae f	norm-	норма
о-	ών τό	o-	яйка
ов-	ovum, i n	ov-	яйка
окул-	oculus, i m	ocul-	вока
оксі-	όξύς, εἶα, ύ oxygenium, i n	oxy-	1) кіслы; 2) кісларод
оле-	oleum, i n	ole-	масла
ом-	ώμος ό	omo-	плячо
оніх-	ώνυξ, όνυχος ό	onych-	ногаць
онк-	όγκος ό	onc-	пухліна
онт-	ών, ούσα, όν	ont-	які (што) існуе, існаванне
опт-	όπτός, ή, όν	opt-	зрок, зрокавы
оптык-	όπτικός, ή, όν	optic-	зрок, зрокавы
орбіт-	orbīta, ae f	orbit-	вачніца
орган-	όργανον τό	organ-	орган
орт-	όρθός, ή, όν	orth-	1) прамы; 2) належны
орхі-	όρχις ή	orchi-	яйка
осм-	ώσμός ό	osm-	ціск
остэ-	όστέον τό	oste-	косьць
от-	ούς, ώτός τό	ot-	вуха
полі-	πολύς, πολλή, πολλύ	poly-	шматлікі
полі(я)-	πολιός, ά, όν	poli-	шэры
пор-	porus, i m	por-	праход, адтуліна
прокт-	πρωκτός ό	proct-	прамая кішка
протэр-	πρότερος, α, ον	proter-	першы, больш ранні
прот-	πρωτός, η, ον	prot-	першы, першасны
скот-	σκότος ό	scot-	цемната
сома-, сомат-	σώμα, σώματος τό	soma-, somat-	цела, цялесны
спонгі-	σπογγία ή	spongi-	губка, губчатая косьць
спондыл-	σπόνδυλος ό	spondyl-	пазванок, пазваночнік
спор-	σπόρα ή	spor-	спора
стом-, стомат-	στόμα, στόματος τό	stom-, stomat-	рот
ток-	τόκος ό	toc-	роды
токс-	τόξον τό	tox-	атрута, яд, атручэнне
токсік-	τοξικός, ή, όν	toxic-	атрута, яд, атручэнне
том-	τόμος ό	tom-	разрэз, зрэзаны слой

1	2	3	4
тон-	τόνος ό	ton-	напружанасць
топ-	τόπος ό	top-	месца
тромб-	θρόμβος ό	thromb-	тромб
троп-	τρόπος ό	trop-	напрамак, спосаб дзеяння
троф-	τροφή ή	troph-	жыўленне
трох-	τρόχος ό	troch-	кругавы рух
фон-	φωνή ή	phon-	гук
фосфар-	φοσφόρος ό	phosphor-	фосфар
фот-	φῶς, φωτός	phot-	святло
холе-	χολή ή	chole-	жоўч
хлор-	χλόρος, ά, όν	chlor-	хлор
хондр-	χόνδος ό	chondr-	храсток
хром-, хромат-	χρῶμα, χρώματος τό	chroma-, chromat-	колер
хрон-	χρόνος ό	chron-	час

Такім чынам, у спісе 85 тэрмінаэлементаў. Некаторыя з іх з’яўляюцца варыянтамі асноўнага караня, пашыранага з дапамогай дадатковага складу асновы ці суфікса, і захоўваюць ягонае значэнне: сом, сомат — цела; тох, токсік — атрута, атручэнне. У словах-крыніцах некаторых ТЭ націск падае не на першы склад, але ў аднаскладовых ТЭ гэты націск аўтаматычна перамяшчаецца на галосны -о-: *ὀρθός* > *órth-* > *óрт-*; *πρωτός* > *próct-* > *прóкт-* і гэтак далей. У двухскладовых і шматскладовых ТЭ націск часцей за ўсё таксама перамяшчаецца на першы склад пад уплывам акцэнталагічнай нормы ў лацінскіх дзвюхскладовых структурах, у тым ліку і ў тэрмінаэлементах, якія набываюць пэўную марфалагічную самастойнасць: *πολύς* > *róly-* > *пóлі-*; *φοσφόρος* > *phósphor-* > *фóсфар-*. Тэрмінаэлемент **холе-** таксама атрымлівае націск на першым складзе ў шматскладовых (больш за тры склады) тэрмінах, як і лацінізаваны тэрмін *chóle* (напрыклад, *хóлелітыяз*, *холецыстастома*). Аднак калі ён, будучы на першым месцы тэрміна, аб’ядноўваецца з іншымі каранямі ў новы складаны ТЭ, то націск са складу **хо-** перамяшчаецца на другі склад і адпаведна -о- змяняецца на -а-: *халангіёма*, *халедахотамія* і гэтак далей.

Апошнія прыклады вяртаюць нас да асноўнай тэмы артыкула — да праблемы захавання галоснага -о- ў першым складзе тэрмінаэлементаў шматскладовых слоў. Зразумела, што ў двух-, трох- ці чатырохскладовых тэрмінах галосны -о- кожнага з вышэйпералічаных у табліцы ТЭ пераходзіць у -а-, калі асноўны націск у слове падае на другі ці трэці склад: *гласіт*, *анколаг*, *анкалогія*, *храмагены*. Але зусім іншая сітуацыя ўзнікае, калі ў шматскладовым тэрміне націск падае на чацвёрты склад ці далей. У гэтым выпадку заканамерна ўзнікае неабходнасць дадатковага (пабочнага) націску і адпаведна аднаўляецца і галосны -о- першага складу, як гэта звычайна адбываецца ў шматскладовых словах з беларускімі каранямі ў якасці

складовых частак шматскладовых слоў: плод > пладавод > плодасушылка; горны > гарнарудны > горнавыратавальнік.

Як адзначаюць даследчыкі фанетыкі беларускай мовы, узнікненне пабочнага націску мае ў сваёй аснове перш за ўсе тэндэнцыю да пэўнай перыядычнасці ў чаргаванні націскных і ненаціскных складоў у моўнай плыні, але значную ролю адыгрывае адносная марфалагічная самастойнасць пэўных словаўтваральных сродкаў [6]. Калі б у такіх шматскладовых словах адсутнічаў пабочны націск, то націскному складу папярэднічалі б чатыры склады ці больш, у той час як свайго роду крытычнай велічынёй адлегласці паміж двума націскнымі ў рытмічна арганізаваным тэксце з'яўляецца велічыня ў два–тры склады [7, 274]. Асабліва апраўдана выкарыстанне пабочнага націску ў спецыяльнай, у тым ліку ў тэрміналагічнай лексіцы: з'апапалеанталогія, ф'онакардыяграма і г. д. [8, 28]. Такім чынам, існуюць навукова абгрунтаваныя падставы для ўжывання ў шматскладовых тэрмінах аднаго, а часам і двух дадатковых націскаў, і калі такі націск выкарыстоўваецца ў першым складзе, у тэрмінаэлеменце павінен захоўвацца галосны **-о-**, што мы звычайна і назіраем у справачна-даведачнай літаратуры: **бранхаскоп**, але **бронхапнеўманія**, **пратаплазма**, але **протафібрылы**, **храмагенны**, але **храмацыстаскапія**. Аднак гэта відавочна простая і, як ніжэй мы яшчэ скажам, вельмі важная для тэрміналогіі фанетыка-арфаграфічная заканамернасць пакуль што не стала нарматыўнай для ўсіх аўтараў айчыннай навуковай і навукова-даведачнай літаратуры. Чытаючы яе, назіраем, што адзін і той жа тэрмінаэлемент і ў той жа акцэнталагічнай пазіцыі арфаграфічна афармляецца па-рознаму. Так, у руска-беларуска-лацінскім слоўніку «Біялагічная тэрміналогія і наменклатура» сустракаем тэрміны **гомазігота** і **гамаморфізм** (ТЭ **гом-**), **хондрыякінез** і **хондрыясома** (ТЭ **хондр-**) [9, 59]. У «Слоўніку іншамоўных слоў» А. М. Булькі бачым тэрміны **артагенез** і **ортасіфон** (ТЭ **орто-**), **фанендаскоп** і **фонастэнія** (ТЭ **фон-**) [10, I, 138; II, 139, 539, 582]. Больш за тое, у апошнім выданні некаторыя тэрміны пададзены ў двух варыянтах, што недапушчальна ў тэрміналогіі: **бранхаграфія** і **бронхаграфія**, **гамагенат** і **гомагенат** [10, I, 246, 249, 310, 394]. Назіраюцца і факты неаднолькавага арфаграфічнага афармлення аднаго і таго ж тэрміна ў розных крыніцах. Напрыклад, у руска-беларускім трохтомным слоўніку бачым тэрміны **гемеапатычны**, **храмацыстаскапія** [11, I, 320; III, 697], а ў руска-беларускім медыцынскім слоўніку — **гемеапатычны**, **храмацыстаскапія** [12, 18; 69].

Яшчэ больш здзіўляе тое, што значная група тэрмінаэлементаў з галосным **-о-** ў першым складзе амаль ва ўсіх айчынных выданнях, уключаючы і такую грунтоўную працу, як «Тэорыя і практыка беларускай тэрміналогіі», зусім страціла гэтую літару і афармляецца толькі з літарай **-а-**, незалежна ад месца націску ў шматскладовых тэрмінах.

Прыводзім спіс гэтых ТЭ разам з прыкладамі іх выкарыстання ў саставе шматскладовых тэрмінаў, якія сустракаюцца ў вышэйцытаванай навукова-даведачнай літаратуры:

Тэрміны	Варыянт ТЭ ў дадзеных тэрмінах	Першапачатковы правільны варыянт дадзенага ТЭ	Правільны варыянт тэрміна і месца націску
ааспарангіт	а-	о-	а́аспарангіт
анкадыягностыка	анка-	онка-	а́нкадыягно́стыка
арганапластыка	арган-	орган-	а́рганапла́стыка
астэахандрапатыя	астэ-	остэ-	а́стэахандрапа́тыя
касмабіялогія	казма-	косм-	а́космабіяло́гія
марфаструктуры	марфа-	морф-	а́морфастру́ктуры
самататрапін	самат-	сомато-	а́самататрапі́н
стаматаскоп	стамат-	стомат-	а́стаматаско́п
таксааскарыдоз	такс-	токс-	а́таксааскарыдо́з
таксікаінфекцыі	таксік-	токсік-	а́таксікаінфе́кцыі
храматаграфія	храмат-	хромат-	а́храматагра́фія

Ва ўсіх тэрмінах першай калонкі першы склад аформлены недакладна, паколькі з улікам дадатковага націску, які адчуваецца тым выразней, чым больш складоў у слове, у гэтым складзе павінен аднавіцца галосны **-о-** (а́морфастру́ктуры, а́нкадыягно́стыка, а́рганапла́стыка, а́таксікаінфе́кцыі). Таму цяжка зразумець, чаму ў адных выпадках правіла пабочнага націску ўлічваецца, а ў другіх — зусім ідэнтычных — ігнаруецца, і чаму вельмі значная група тэрмінаў не падпарадкоўваецца тым жа фанетыка-арфаграфічным правілам, якім падпарадкоўваюцца зусім аднолькавыя па марфалагічнай структуры іншыя ТЭ.

Як нам здаецца, адной з асноўных прычын недакладнага выкарыстання арфаграфічнай формы тэрмінаэлементаў з галосным **-о-** з'яўляецца тое, што гэтую форму запазычваюць з тэрмінаў, якія першымі ўваходзяць ва ўжытак, маючы ў сваім складзе арфаграфічна зменены тэрмінаэлемент. Напрыклад, першымі з'явіліся тэрміны *анкалогія* і *анколаг*, і пасля гэтага ва ўсіх іншых тэрмінах, незалежна ад акцэнталагічнай сітуацыі, таксама выкарыстоўваюць ТЭ **анк(а)-**. Аднак кожны ТЭ валодае пэўнай тэрмінаўтваральнай самастойнасцю — ён не абмяжоўвае свае структурныя словаўтваральныя магчымасці і здольны ўваходзіць у склад шматлікіх і розных па марфалагічнай структуры назоўнікаў і прыметнікаў [13, I, 88]. Таму ў адных выпадках мы ўжываем тэрміны анколаг, анкавірусы, анкасфера, а ў іншых — заканамернымі і дакладнымі павінны быць тэрміны онкагенетыка, онкатэрапія, онкахірург. Блытаніна з варыянтамі **а/о** ў ТЭ, паказаных вышэй, у значнай ступені абумоўлена тым, што навукова-метадычная літаратура па выкарыстанні грэка-лацінскіх ТЭ ці, як іх часцей называюць, інтэрнацыянальных словаўтваральных элементаў, у айчыннай лінгвістыцы проста адсутнічае. Вось і ў апошняй, найбольш грунтоўнай працы ў гэтай

галіне «Тэорыя і практыка беларускай тэрміналогіі» ў раздзеле «Мовазнаўчая праблематыка ў тэрміналогіі» [14, 128–170] нічога не гаворыцца аб праблеме чаргавання літар **о/а** ў грэка-лацінскіх тэрмінаэлементах. Не дае ніякіх тлумачэнняў аб ужыванні варыянтаў тэрмінаэлементаў з галоснымі **о/а** і А. М. Булыка ў заўвагах у сваім «Слоўніку іншамоўных слоў» [15, 3–6], хоць на старонках гэтага слоўніка ён ужо вылучае 7 пар такіх варыянтаў (гома- – гама-, гомеа- – гамеа-, мона- – мана-, полі- – палі-, прота- – прата-, хрома- – храма-, хрона- – храна-). Аднак у тым жа слоўніку можна і неабходна вылучаць значна большую колькасць такіх пар.

Імкненне да выкарыстання варыянту тэрмінаэлемента з літарай **-а-** можа мець і палітычныя падставы: некаторыя лічаць, што ўсё тое, што блізка па форме да рускай тэрміналогіі, патрэбна змяніць. Але сур'ёзнай навучы такія спекуляцыі не ўласцівыя, і нават у такой працы, як «Русізмы ў біялагічнай і хімічнай тэрміналогіі», яе аўтар піша: «Шматварыянтнасць напісання каранёў іншамоўных слоў не спрыяе замацаванню беларускай мовы ва ўсіх сферах нашага жыцця і, у першую чаргу, у сферы навукі... Пры вымаўленні складаных слоў, адным са складнікаў якіх з'яўляецца карань з літарай **-о-** у першым складзе, трэба выкарыстоўваць падвойны націск» [16, 168]. Трэба толькі пагадзіцца з такім меркаваннем.

Сапраўды, праблема захавання літары **-о-** ў першым складзе тэрмінаэлементаў грэка-лацінскага паходжання мае не толькі чыста фанетычныя ці арфаграфічныя аспекты. Кожны такі ТЭ — частотны знакава-сэнсавы сігнал, які дае пэўную сталую інфармацыю, і калі ў яго форме нешта змяняецца, то адпаведна пагаршаецца ступень яго ўспрымання. У прыватнасці, нематываванае замена літары **-о-** на **-а-** часта вядзе да квазіаманіміі і сэнсавы блытаніны. Як, напрыклад, магчыма зразумець сэнс тэрміна «арганапластыка»? Як ведаем, існуюць словы «арган» і «орган» з розным лексічным значэннем і ўжыткам. Чытаючы ці чуючы фанетыка-арфаграфічную адзінку «арганапластыка», рэцыпіент, безумоўна, перш за ўсё падумае аб слове «арган», і ў яго ўспрыманні агульнае значэнне тэрміна складваецца як «пластыка (ці пластычная аперацыя) органа». А вось больш дакладнае арфаграфічнае афармленне гэтага тэрміна — органапластыка — здымае ўсе сумненні пры ідэнтыфікацыі сэнсу слова. Як паказвае дакладны аналіз спісу тэрмінаэлементаў, які мы прыводзілі ў пачатку артыкула, колькасць такіх квазіаманімічных пар, як орган(а)- (ад арган) і орган(а)- (ад орган) даволі значная.

Акрамя сэнсавы блытаніны нематываванае замена **-о-** на **-а-** часта ўтрымлівае і адмоўны экспрэсіўна-эмацыянальны аспект: якія асацыяцыі могуць узнікнуць у таго, хто чытае ці чуе такія, напрыклад, словы, як анкапрафілактыка, архістамія, какаінфекцыя, калатамія? А між тым арфаграфічна больш дакладныя варыянты *онкапрафілактыка*, *орхістамія*, *кокаінфекцыя*, *колатамія* нагадваюць рэцыпіенту стандартныя ТЭ онк-, орхі-, кок-, кол- і дапамагаюць лепш зразумець агульны сэнс слова.

Адзначым, што пытанні належнага выкарыстання грэка-лацінскіх ТЭ ў беларускай медыцынскай і біялагічнай тэрміналогіі ўжо ўзнімаліся на нацыянальных канферэнцыях «Праблемы беларускай навуковай тэрміналогіі» (1994, 1995) і міжвузаўскай канферэнцыі «Беларуская медыцынская адукацыя» (1990), на якіх, у прыватнасці, выказваў свае прапановы і аўтар гэтага артыкула. Паколькі матэрыялы дзвюх апошніх канферэнцый не былі надрукаваны, лічым мэтазгодным прывесці ў гэтым артыкуле нашы асноўныя прапановы.

1. Настойліва рэкамендаваць укладальнікам слоўніка-даведачнай і вучэбнай літаратуры афармляць шматкладовыя тэрміны з улікам правіла пастаноўкі дадатковага націску дзеля захавання літары -о- ў першым складзе. Лічыць арфаграфічна недакладнымі тэрміны тыпу анкапрафілактыка, органапластыка, астэадыстрафія, какаінфекцыя, саматаскапія, спандылаартрыт і ўсе іншыя падобныя да іх.

2. Тэрміналагічнай камісіі па медыка-біялагічных навукх пры Міністэрстве адукацыі Рэспублікі Беларусь арганізаваць сумесна з вядучымі дзяржаўнымі лінгвістычнымі ўстановамі абмеркаванне праблем арфаграфічнай уніфікацыі тэрмінаў, у тым ліку і тэрмінаў з грэка-лацінскімі тэрмінаэлементамі.

Праблема ўніфікацыі правілаў выкарыстання варыянтаў ТЭ з галоснымі **о/а** патрабуе належнай увагі і хутчэйшага вырашэння ў сувязі з тым, што ў краіне рыхтуецца дзяржаўны праект стандартызацыі корпусу асноўных тэрмінаў, у тым ліку і ў галіне аховы здароўя [17, 23–24]. Таму будзе вельмі шкада, калі тыя фанетыка-арфаграфічныя недакладнасці, пра якія мы гаварылі вышэй, атрымаюць адлюстраванне ў дзяржаўным стандарце.

ЛІТАРАТУРА

1. *Антанюк, Л. А.* Беларуская навуковая тэрміналогія: фармаванне, структура, упарадкаванне, канструяванне, функцыянараванне / Л. А. Антанюк. – Мінск : Навука і тэхніка, 1987. – 238 с.
2. *Энциклопедический словарь медицинских терминов: около 60 000 терминов : в 3 т / гл. ред. Б. В. Петровский.* – М. : Сов. энцикл., 1982–1984. – 3 т.
3. *Дворецкий, И. Х.* Древнегреческо-русский словарь: около 70 000 сл. : в 2 т. / И. Х. Дворецкий ; под ред. С. И. Соболевского. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. – 2 т.
4. *Дворецкий, И. Х.* Латинско-русский словарь: около 50 000 сл. / И. Х. Дворецкий. – 3-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1986. – 843 с.
5. *Тэорыя і практыка беларускай тэрміналогіі* / Г. У. Аршанкова, А. М. Булыка, У. В. Люшцік, А. І. Падлужны ; навук. рэд. А. Г. Падлужны. – Мінск : Беларус. наука, 1999. – 173 с.
6. *Беларуская мова: цяжкія пытанні фанетыкі, арфаграфіі, граматыкі* / А. І. Падлужны, Л. Т. Выгонная, Г. К. Усціновіч [і інш.] ; пад рэд. А. І. Падлужнага. – Мінск : Народ. асвета, 1987. – 141 с.
7. *Фанетыка беларускай літаратурнай мовы* / І. Р. Бурлыка, Л. Ц. Выгонная, Г. В. Лосік [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1989. – 335 с.

8. *Биологическая терминология и номенклатура: слов. русско-белорусско-латинский, белорусско-русский: ок. 15 000 терминов / сост. В. А. Радкевич [и др.]. – Минск : Вышэйшая школа, 1993. – 478 с.*

9. *Слоўнік іншамоўных слоў: каля 25 000 слоў і тэрмінаў : у 2 т. / склад. А. М. Булыка. – Мінск : Беларус. энцыкл., 1999. – 2 т.*

10. *Русско-белорусский словарь: ок. 110 000 : в 3 т. / АН Беларуси, Ин-т языкознания им. Я. Коласа. – 4-е изд., испр. и доп. – Минск, 1993. – 3 т.*

11. *Русско-белорусский медицинский словарь: ок. 16 000 сл. / сост. С. М. Грабчиков. – 6-е изд. – Минск : Народ. асвета, 1993. – 224 с.*

12. *Головня, А. Н. Системное образование и функционирование сложных слов в терминологии / А. Н. Головня // Язык и социум : материалы IV Междунар. науч. конф., Минск, 1–2 дек. 2000 г. : в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : Л. Н. Чумак (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2001. – Ч. 1. – С. 88.*

13. *Мішын, Л. Русізмы ў біялагічнай і хімічнай тэрміналогіі / Л. Мішын // Праблемы беларускай навуковай тэрміналогіі : матэрыялы першай нацыян. канф., Мінск, 4–6 мая 1994 г. / рэдкал. : (адказ. рэд.) З. Санько [і інш.]. – Мінск : ТБМ, 1995. – 340 с.*

Упершыню апублікавана: Studia philologica : сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т ; под общ. ред. Г. И. Шевченко. – Минск : БГУ, 2001. – Вып. 4. – С. 64–72.

ОБ АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ГРЕЧЕСКИХ СЛОВ И МОРФЕМ В СОСТАВЕ ЛАТИНСКИХ МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Как известно, греческий язык античного периода сыграл исключительно важную роль в формировании интернациональной медицинской лексики. Современные Международные медико-биологические номенклатуры на латинском языке (анатомическая, гистологическая, биологическая и др.) содержат значительное количество греческих лексических элементов, в том числе неогрецизмов и гибридных греко-латинских лексем, созданных в постантичное время. Процесс терминопоза в медицинских и биологических науках продолжается: по наблюдениям специалистов, ежегодно на базе греческих и латинских морфем возникает около тысячи новых терминов [1].

В последнее время в отечественной лингвистике постепенно растет количество работ, посвященных исследованию греческих лексико-морфемных элементов в латинской медико-биологической терминологии [2]. При этом обычно исследуются проблемы структуры, семантики и функционального использования греческих морфем в составе различных подсистем медицинской латыни. Однако практически вне внимания исследователей остаются проблемы акцентологической адаптации греческих морфем: и в научной, и в учебно-методической литературе об этих проблемах говорят крайне мало [3]. Причины того, что акцентологические проблемы медико-биологической латыни являются второстепенными для многих исследователей, как нам представляется, заключается, прежде всего, в том, что лексика медико-биологических номенклатур на латинском языке используется в основном для письменной номинации терминов и значительно реже — для номинации

артикуляционно-фонетической, речевой. Однако даже прочтение «про себя» любого термина требует с точки зрения языковой и терминологической грамотности правильного акцентологического оформления каждого слова [4]. Это зачастую нелегко сделать отечественным специалистам медико-биологических наук, весьма поверхностно знакомым с акцентологическими правилами, действующими в современной научной латинской терминологии. В словарно-справочной литературе обычно также не приводятся критерии определения ударения в латинских терминах [5], тем более что считается, что знаки краткости и долготы слога, употребляющиеся в учебной литературе по медицинской латыни, сложны для типографского набора. Проще всего в таких случаях было бы воспользоваться знаком ударения, но и этот общепринятый в терминологической практике прием употребляется не всегда или употребляется с неточностями [6]. А ошибки акцентологического характера в словарно-справочной литературе обусловлены как недостаточной компетентностью составителей такой литературы [7], так и акцентологической интерференцией, возникающей в эквивалентных лексемах-терминах под влиянием лингвистически более активных лексико-терминологических систем [8]. В роли последних по отношению к международной латинской терминологии всегда выступали терминосистемы современных национальных языков, ибо их преимущество состоит в активном, коммуникационно-речевом факторе употребления.

В сложившихся условиях нужны, как нам представляется, углубленные исследования акцентологических проблем медико-биологической латыни, на основании которых можно было бы выработать единые методические рекомендации как для учебных целей, так и для терминографической практики, ибо отдельные аспекты акцентологии до сих пор не унифицированы даже в традиционных университетских курсах латинского языка [9]. Настоящая статья преследует цель внести посильный вклад в решение сформулированных выше задач.

Нашу работу целесообразно начать с анализа латинизированных греческих слов, содержащих два слога. На первый взгляд, здесь нет неясных вопросов, ибо уже в античную эпоху все греческие двусложные слова латинизировались по единому правилу: независимо от места ударения в греческом этимоне латинизированное слово следовало акцентологическим нормам для двусложных слов латинского языка, т. е. ударение всегда падало на 2-й слог от конца слова. Об исключениях из этого правила для чтения латинизированных грецизмов не упоминается ни в учебной литературе, ни в научной, поэтому в соответствии с указанным выше правилом прочитывается вся двухсловная лексика, заимствованная из греческого языка. В частности, в латинско-русском словаре А. М. Малинина [10], содержащем наиболее употребительную лексику античного периода с указанием греческих заимствований, обнаруживается около 170 интересующих нас лексем, подавляющее количество которых — существительные.

В современной латинской медико-биологической лексике, в том числе и во всех неологизмах, сохраняются, по единодушному мнению отечественных и зарубежных специалистов, все акцентологические правила классической латыни, которые закономерно распространяются на латинизированные грецизмы, неогрецизмы и гибридные латиногреческие лексические образования [11]. Так, латинские двусложные термины греческого происхождения мы всегда произносим с ударением на первый слог, хотя у этимонов этих слов ударение и падает на последний слог: *ácte* (< ἀκτή), *íchor* (< ἰχώρ), *hýmen* (< ὑμήν), *rháphe* (< ῥαφή), *dártos* (< δαρτός), *néphros* (< νεφρός). Поэтому нет никаких оснований делать исключение из этого общего правила и, в частности, произносить слово **chole** по акцентологическим нормам его греческого этимона (χολή), как рекомендуют авторы некоторых изданий [13]. Термин **chole conservata medicata** (желчь медицинская консервированная) употребляется в медицинской практике уже несколько десятилетий, заменив предыдущее название *biliarinum* (билиарин), а слово **chole** приводится в учебной литературе наряду с другими существительными 1-го греческого склонения без ссылок на его особый акцентологический статус.

Таким образом, двусложные слова-термины греческого происхождения, употребляющиеся самостоятельно или в составе многословных наименований, всегда должны прочитываться по правилам латинской акцентуации. В тех же случаях, когда транслитерированное греческое слово приводится в качестве этимона термина или терминоэлемента, оно сохраняет свое первоначальное ударение. Однако такие слова не встречаются в номенклатурах, а приводятся только в специальной научной или учебной литературе.

Переходя к трехсложным и многосложным словам-терминам, имеющим греческие этимоны или созданным в постантичное время из греческих морфем, следует отметить, что для таких лексических образований сохраняется следующее правило латинской акцентуации: при долготе второго слога от конца слова на него падает ударение, а при его краткости — падает на третий слог от конца слова. Определяющее значение при этом играют или изначально долгота, или краткость этого гласного, или его долгота или краткость в силу особых правил латинской акцентуации. И здесь следует подчеркнуть, что при латинизации греческих слов всегда, начиная с античного периода, скрупулезно учитывалась долгота и краткость предпоследнего слога греческого этимона, как свидетельствует акцентологический анализ латинизированных греческих слов в уже упомянутом словаре А. М. Малинина и в других латинско-русских словарях. Такой учет качества гласного в слоге позволял определить место ударения и в обычной прозаической речи: наличие изначально долгих греческих гласных η (эта) и ω (омега) и удлиненных α (альфа), ι (йота), υ (ипсилон) или любого дифтонга во втором открытом слоге от конца слова в греческом этимоне всегда давало основание определять здесь место ударения в латинизированной лексеме, а наличие в таком открытом слоге кратких гласных α, ε, ι, υ опре-

деляло место ударения на третьем слоге от конца слова. При этом помним, что греческий дифтонг **αι** при латинизации превращается в латинский ди-граф **ae**, а дифтонг **οι** — в диграф **oe**:

Греческий этимон	Латинизированный грецизм	Греческий этимон	Латинизированный грецизм
οἴδημα	oedēma	γάγγραινα	gangraēna
ρίζωμα	rhizōma	οἰσοφάγος	oesóphāgus
πρόγνωσις	prognōsis	φοσφόρος	phósphōrus

Эти же правила действительны и для слов, сохраняющих греческие окончания:

Греческий этимон	Латинизированный грецизм
συστολή	sýstōle
ὀλέκρανον	olécrānon
ἄζυγος	ázÿgos

Для правильной постановки ударения в Genetivus singularis латинизированных существительных III склонения обязательно следует учитывать долготу и краткость второго гласного от конца слова в форме Gen. Sing. греческого этимона:

Греческий этимон в формах Nom. sing. и Gen. sing.	Латинизированный грецизм в Nom. sing. и Gen. sing.
κόκκυξ, κόκκυγος	coccyx, coccygis
θώραξ, θώρακος	thorax, thorācis
ἴρις, ἱρίδος	iris, írīdis
οὐρητήρ, οὐρητήρος	urēter, uretēris
αἰθήρ, αἰθέρος	aether, aéthēris
ἥπαρ, ἥπατος	hepar, hépātis

Нередко двухсложные слова-термины греческого происхождения переходят в разряд трехсложных и многосложных слов, соединяясь с префиксальными или корневыми морфемами. В этих случаях для правильной постановки места ударения важно определить квантитативность предпоследнего слога в греческом этимоне данного латинизированного грецизма, в соответствии с которой и будет определяться место ударения в новом композитном образовании:

Латинизированный грецизм	Греческий этимон	Композитное образование
cōlon	κόλον	mesocōlon
hēlix	ἕλιξ	ánthēlix
thēnar	θέναρ	hypóthēnar
trāgus	τράγος	antítřagus
trēma	τρήμα	helicotrēma
tÿphus	τÿφος	paratÿphus

Многие греческие существительные употребляются в качестве конечных терминоэлементов многословных латинских терминов, принимая окончания латинских существительных и прилагательных I, II и III склонений. При чтении таких терминов чаще всего наблюдаются случаи акцентологической интерференции, обусловленной влиянием орфоэпических норм, действующих в русской или других национальных терминосистемах, ср.: *urólithus* (греч. λίθος) — уролит, *monocýtus* (греч. κύτος) — моноцит, *galactostāsis* (греч. στάσις) — галактостаз и т. д. Поэтому мы считаем целесообразным отметить важнейшие конечные терминоэлементы греческого происхождения, в которых второй гласный от конца слова долог или краток. Итак, долгим бывает предпоследний гласный в составе следующих терминоэлементов:

Латинский конечный терминоэлемент	Греческий этимон	Пример термина с данным терминоэлементом
-agōgus	ἀγωγή	cholagōgus
-cēle	κήλη	laryngocēle
-centēsis	κέντησις	thoracocentēsis
-mētra	μήτρα	peomētra
-poēsis	ποίησις	erythropoēsis
-rhēxis	ῥήξις	ophthalmorrhēxis
-sōma	σῶμα	chromosōma

Кратким предпоследний гласный бывает в составе следующих терминоэлементов:

Латинский конечный терминоэлемент	Греческий этимон	Пример термина с данным терминоэлементом
-cerālus	κεφαλή	dolichocéphālus
-encepālon	ἐγκέφαλος	rhinencéphālon
-cýtus	κύτος	monócýtus
-dēsis	δέσις	arthródēsis
-gāmus	γάμος	heterógāmus
-genēsis	γένεσις	pathogēnēsis
-gēnum/ -gēnus	γένος	allérgēnum
-līthus	λίθος	urólīthus
-lŷsis	λύσις	pneumólŷsis
-phāgus	φάγος	bacterióphāgus
-phīlus	φίλος	hygróphīlus
-phōbus	φόβος	hydróphōbus
-phōrus	φορός	oóphōrus
-phŷsis	φύσις	apóphŷsis
-phŷton	φυτόν	acróphŷton
-pōdus	πούς, ποδός	tetrápōdus
-schīsis	σχίσις	cranióschīsis
-spōra/-spōrus	σπορά/σπορός	conidióspōra/heteróspōrus

Латинский конечный терминологический элемент	Греческий этимон	Пример термина с данным терминологическим элементом
-stāsis	στάσις	galactóstāsis
-stōma	στόμα	cholecystóstōma
-trōpus	τρόπος	psychótrōpus
-tŷpus	τύπος	isótŷpus

Акцентологический анализ указанных конечных терминологических элементов в составе латинских медико-биологических терминов показывает, во-первых, что морфем с кратким гласным в открытом предпоследнем слоге намного больше, чем с долгим. Однако более важной нам представляется вторая закономерность, которая последовательно наблюдается в многосложных терминах, содержащих греческие корневые морфемы: последние сохраняют долготу или краткость своих гласных во всех типах морфологической адаптации. Эта закономерность последовательно действовала еще в античное время, как показывают наблюдения над латинскими композитными существительными и прилагательными греческого происхождения (ср.: *lōgōgrāphus* — *philōlōgus*). Она же наблюдается и в латинских многоморфемных лексических образованиях постантичного времени независимо от области их употребления — будь то медико-биологические номенклатуры или новолатинские тексты [17]. Поэтому совершенно не обоснован тот разнобой в ударениях, который нередко допускают составители словарей по отношению к терминам, содержащим в предпоследнем слоге одну и ту же морфему греческого происхождения, так как подобные термины во всех подсистемах медико-биологических наук должны быть унифицированными по месту ударения. Ничем, кроме акцентологической интерференции, нельзя объяснить то, что, например, в терминах *mutagena*, *oestrogena* ударение проставляют правильно (*mutágena*, *oestrógena*), а в терминах *allergenum*, *Haematogenum* — на втором слоге от конца слога (*allergénium*, *Haematogénium*) [18], тем более, что у прилагательных с конечным морфемно-флективным формантом *-genus* ударение в тех же словарях обычно определяется правильно: *allérgenus*, *haematógenus*, *homógenus*, *mutágenus* и т. д. Чаще всего неправильное ударение встречается в фармацевтических терминах, а к тому же в последнее время в некоторых учебных изданиях по фармацевтической латыни рекомендуют во всех новолатинских композитных фармацевтических наименованиях с окончанием **-um** ставить ударение на предпоследнем слоге [19]. Не говоря уже о том, что в сознании учащихся такая рекомендация может распространяться на все термины с **-um**, включая большое количество однокорневых слов-терминов греческого происхождения (*balsānum*, *sacchārum*, *amŷlum*, *oxŷdum* и др.), она в корне неправильна по отношению к многоморфемным наименованиям, содержащим в предпоследнем слоге греческую морфему с изначально кратким гласным (*-dēs-*, *-gĕn-*, *-gŏn-* и др.). Не подлежит никакому сомнению, что в таких наименованиях, как *Haematógenum*, *Haemódesum* ударение всегда должно

падать на предпредпоследний слог. А вот в слове *Polygōnum* (букв. «многоугольник»), первой части названий растений *Polygōnum bistorta* «змеевик», *Polygōnum carneum* «горец мясокрасный» и *Polygōnum hydropiper* «перец водяной» морфема *-gōn-* восходит к существительному *γωνία* «угол», поэтому ударение здесь падает на второй слог от конца слова. В связи с этим крайне важно, чтобы учебно-справочные издания не дезориентировали читателя, предлагая различные подходы к определению места ударения, а ориентировались именно на количественность предпоследнего слова с учетом греческого этимона. Наиболее оптимальным средством для достижения этой цели было бы издание хорошо комментированного обратного словаря латинской медико-биологической терминологии, но это дело еще не скорого будущего.

Практически полной акцентологической стандартизации поддаются латинизированные слова с суффиксально-флективными комплексами *-ēma*, *-iāsis*, *-ōma*, *-ōsis*, *-ītis* (существительные) и *-iācus*, *-īcus* (прилагательные), которые латинизированы по изложенным выше правилам:

Греческие этимоны	Латинские заимствования
ἐμπύημα	<i>empyēma</i>
λεοντίασις	<i>leontīāsīsis</i>
γλαύκωμα	<i>glaukōma</i>
πρόγνωσις	<i>prognōsis</i>
πλευρίτις	<i>pleurītis</i>
καρδιακός	<i>cardiācus</i>
ἥπατικός	<i>hepātīcus</i>

Как исключение из акцентологической модели данной группы следует рассматривать слово *éczēma* (из греч. ἔκζεμα или ἔκζεσμα).

Четкой акцентологической дифференциации требуют термины с суффиксально-флективным комплексом *-esis*. Он генетически восходит или к греческому форманту *-ησις* (*anamnēsis* от греч. ἀνάμνησις, *diurēsis* от греч. διούρησις), или к форманту *-εσις* (*diāthēsis* от греч. διάθεσις, *pathogēnēsis* от греч. πάθος + γένεσις). В подобных случаях в словарях следует предоставлять информацию о дифференциации долготы и краткости предпоследнего гласного «е» в составе терминов с конечным формантом *-esis*, тем более что в русских эквивалентных терминах ударение всегда падает на последний слог, ср.: диатез, парез, диурез, патогенез и др.

Особо следует остановиться на проблеме правильной акцентуации большой группы латинских терминов-существительных, которые в русском варианте имеют стандартное окончание *-ид* (аденоиды, ризоид, эллипсоид и т. д.) и обозначают «образование, имеющие вид или свойства чего-то». Все эти термины образованы путем морфологической и фонетической адаптации греческого финального суффикса *-ειδής* (от греч. εἶδος — вид, образ, свойство), служившего финалью композитных прилагательных (*αἱματοειδής* — похожий на кровь, *ρομβοειδής* — похожий на ромб и т. д.

При переходе в латинскую именную систему такие прилагательные становились или равносложными существительными женского рода III склонения с конечным суффиксально-флексивным компонентом *-īdes* (*rhizoīdes, is f*; *adenoīdes, um f*), или существительными среднего рода II склонения с конечным формантом *-oīdum* (*haploīdum, i n*; *lipoīda, um n*, или прилагательными III склонения с окончанием *-īdes* в *Nom. sing.*, общим для всех родов (*rhomboīdes, is* ромбовидный; *thyreoīdes, is* щитовидный и т. д.). Отметим, что такие прилагательные в анатомо-гистологической терминологии в последние десятилетия трансформировались в прилагательные I–II склонений с окончаниями *-ideus, -idea, -ideum*: *rhomboideus, a, um*; *thyreoideus, a, um*. Если возвратиться к существительным с флексивной финалью *-oīdes* или *-oīdum*, то очевидно, что гласный *-ī-* долгот в обоих случаях, поскольку он происходит от греческого дифтонга *-ει-*. Однако если в первом случае словари отмечают долоту данного гласного, определяя этим ударение на 2-м слоге от конца слова (*adenoīdes, rhizoīdes*), то в терминах с формантом **-oidum** ударение обозначается над гласным *-o-*, что закономерно предполагает краткость гласного **-i-** в предпоследнем слоге. Но такое изменение количественности данного гласного фонетически ничем не обосновано и, по всей вероятности, может считаться результатом фонетической интерференции, о которой мы уже упоминали выше. Ибо действительно трудно понять логику составителей словарей, если они, приводя рядом два синонимичных термина *rhizoīdes* и *rhizoīdum*, первый рекомендуют произносить с ударением на предпоследнем слоге, а второй термин — на третьем слоге от конца слова [20]. Поэтому мы рекомендуем последовательно соблюдать научно обусловленную акцентуацию и произносить все латинские термины с конечным формантом **-oidum** и его парадигматический вариант **-oida** только с ударением на слог с гласным «**i**».

В контексте фонетической и акцентологической адаптации греческой морфемы *-ειδης-* интересно присмотреться к термину *Iōdum* (йод). В словарно-справочной литературе приводятся два варианта этимона данного термина: *ιοειδής* и *ιώδης* со значением «фиолетовый» [21]. Второй вариант не вызывает никаких вопросов с точки зрения его фонетической и акцентологической адаптации в латинской терминологии, даже если эта адаптация и шла опосредованно через французский язык: созданный французскими учеными на базе греческого слова *ιώδης* термин **iode** затем был латинизирован в **iodum** по аналогии с названиями других химических элементов [22]. Однако могло ли греческое слово *ιοειδής* превратиться в латинское **iodum**? Ведь по правилам перехода греческих букв, передающих гласные и дифтонги, в соответствующие латинские буквы греческое слово *ιοειδής* при латинизации должно было превратиться в форму *ioīdes*, подобно другим греческим прилагательным со значением «похожий на..., -видный», которые латинизировались в европейской медико-биологической терминологии: *arachnoīdes, deltoīdes, rhomboīdes* и др. [23]. Кроме того, слияние

группы гласных **-οει** в **ω** в фонетике греческого языка не допускалось: **ο+ει** могло давать варианты **οι** или **ου**, но только не **ω** [24]. Таким образом, выводить **iodum** из **ἰοειδής** нет фонетических оснований. Остается предположить, что, приводя **ἰοειδής** в качестве этимона слова **iodum**, подразумевают лексико-семантическое тождество слов **ἰοειδής** и **ἰώδης**. На первый взгляд, так могло бы быть, поскольку в греческом языке прилагательные со значением «похожий на..., -видный» нередко имеют два семантически равноценных варианта: или с финалью **-ειδής** или с финалью **-ώδης**, ср.: похожий на кровь — **αἵματοειδής** и **αἱματώδης**, похожий на ромб — **ῥομβοειδής** и **ῥομβώδης** [25]. Однако в случае с прилагательным «похожий по цвету на фиалку, фиолетовый» такого лексического параллелизма не наблюдается: если **ἰοειδής** в древнегреческом лексиконе действительно имеет значение «похожий на фиалку, фиолетового цвета, темно-синий», то **ἰώδης** подобного значения не имеет. Перевод этого слова дает четыре варианта: 1) зеленоватый, желто-зеленый; 2) цвета ржавчины, ржавый; 3) ядовитый; 4) терпкий [26]. Все эти значения зависят от того, к основе какого слова присоединяется морфема **-ώδης**, и здесь с полным основанием следует рассматривать существительные-омонимы **ὁ ἰός** — ржавчина, зеленоватый налет на меди или бронзе и **ὁ ἰός** — яд, общим дериватом которых является лексема **ἰώδης**. Однако последнюю лексему нельзя вывести от существительного **τὸ ἴον** — фиалка, так как среди приведенных выше четырех значений слова **ἰώδης** нет ни одного, семантически связанного со словом **τὸ ἴον** — фиалка. Остается предположить, что форма **ἰώδης** действительно была отождествлена по смыслу с формой **ἰοειδής** и на этой почве **ἰώδης** дало начало французскому неологизму **iode**.

С XVII в. в анатомической терминологии употребляются прилагательные (около 30) с конечным формантом **-ideus**, который образован от греческой морфемы **-ειδής** путем замены конечной группы **-ης** в **-eus**: **clinoeides** > **clinoideus**, **deltoeides** > **deltoideus**, **mastoides** > **mastoideus** и др. [27]. Иногда в учебно-справочной литературе даются рекомендации произносить такие термины с ударением на втором слоге от конца слова **-de-**, подразумевая, что он долгий. Однако такая акцентуация не может иметь каких-либо научных оснований, так как гласный **-e-** слога **-de-** мог бы быть долгим только в том случае, если бы конечный формант греческих этимонов со значением «похожий на..., -видный» имел форму ***εἰδεῖος**, а не **-ειδής**.

От наименований, включающих морфемный элемент **-id-**, генетически связанный с греческим суффиксоидом **εἶδής**, следует отличать латинские названия анионов с финалью **-idum**. Краткий суффикс **-id-**, используемый здесь, тоже греческого происхождения, однако он восходит к конечному суффиксоиду **-ιδής**, который указывал на потомство по предкам или на принадлежность к какому-то роду или группе [29], например, **Κρονίδης** — Кронид, сын Крона, **Ὀμηρίδαί** — Гомериды, певцы, подражавшие Гомеру или исполнявшие его произведения. В химической терминологии данный

суффикс *-īd-* указывает на соединение каких-то элементов с другим, основным и как бы «отцовским» и родовым по отношению к ним элементом. Например, хлориды — это бескислородные соединения хлора с другими элементами (NaCl, CaCl и др.). В латинских названиях таких соединений гласный *-i-* в составе данного суффикса *-īd-* всегда краток, поэтому ударение в данных терминах всегда должно падать на третий слог от конца слова: *brómīdum*, *chlórīdum*, *súlfīdum* и т. д. Подобным образом этот же греческий суффикс *-īd-*, соединяясь с гласным «ипсилон» греческой морфемы *-οῦ-*, части новолатинского термина *Oxygenium* (кислород), входит в состав термина *oxŷdum* и его производных *hydroxŷdum* и *peroxŷdum*.

При определении места ударения в латинизированных грецизмах обычно учитывается правило сокращения гласного перед гласным, свойственное латинской акценологии:

Греческий этимон	Латинизированный вариант
ἄλoη	álōē
βακτηρίoν	bactérĭum

Существуют, однако, и исключения из данного правила. Уже в античный период латинского языка встречались случаи, когда при латинизации греческого слова его дифтонг во втором слого от конца слова превращался в долгий гласный, который не сокращался перед другим гласным: *choréa* (из *χορεΐα*), *Augéas* (из *Αὐγεΐας*) и др. По сходной акцентологической модели на базе греческих этимонов образовывались в постантичное время и некоторые медико-биологические термины. Это в основном прилагательные и три существительных, употребляющиеся в анатомической и гистологической терминологии. Большинство из них образованы от этимонов с ударным дифтонгом *-aĩ-* в предпоследнем слого: *glutéus* (из *γλουταῖος*), *pharyngéus* (из *φαρυγγαῖος*) и т. д. Нам представляется, что с целью избежать разнобоя в учебно-справочной литературе следует определить список терминов с указанными особенностями в постановке ударения, который должен учитываться всеми авторами учебной и учебно-справочной литературы. В этот список, с учетом ныне действующей Международной анатомической номенклатуры, должны войти существительные *perinĕum*, *peritonĕum*, *trachĕa* и прилагательные *anconeus*, *coscygeus*, *esophageus*, *gluteus*, *laryngeus*, *meningeus*, *peroneus*, *pharyngeus*.

Больше всего отступлений от латинского правила краткости гласного перед гласным наблюдается в латинских клинических терминах с конечным формантом *-ia*. Его гласный «*i*» образовался или из греческого дифтонга *-ei-* (*therapia* из *θεραπεία*, *iatria* из *ιατρεία*), или передает греческую «йоту» своего этимона (*agonia* из *ἀγωνία*, *erythropenia* из *ἐρυθρός* + *πενία*). Уже в античное время при латинизации греческих слов с дифтонгом «*εί*» в предпоследнем слого происходило превращение данного дифтонга в долгий гласный «*ī*», который не сокращался перед последующим флективным «*a*»: *politĭa* из

πολιτεία, elegīa из ἐλεγεία. Эта тенденция сохранилась и в постантичный период латинизации греческих слов и морфем в практике терминопоза: phytotherapia (φυτόν + θεραπεία), orthopaedia (ὀρθός + παιδεία) и т. д. В подобно-го рода лексических образованиях ударение исторически мотивированно.

Итак, большинство латинских клинических терминов с окончанием -ia или образованы от греческих этимонов, содержащих гласную «йота» (arrhythmia из ἀρρυθμία, dyskinesia из δυσκίνησις), или были созданы в постантичное время от греческих основ с помощью греческого суффикса -ία, у которого был фонологически адекватный латинский вариант (ср.: concordia, scientia и др.). В античный период все латинизированные грецизмы, имевшие изначальную «йоту» в предпоследнем слоге перед «альфой», получили ударение на третьем слоге от конца слова: história из ἱστορία, theogónia из θεογονία и т. п. Но так как процесс терминопоза во всех отраслях наук о природе и человеке в странах Европы, в том числе и медико-биологических и чисто медицинских, проходил в основном в последние пятьсот лет и шел параллельно с укреплением национальных языков, то новые научные понятия и отражающие их термины, создаваемые с помощью греческих терминосоставителей, нередко возникали сначала в национальных терминосистемах, и уже затем фиксировались в латинских медицинских лексиконах. В таких условиях латинские термины нередко испытывают воздействие фонетической и акцентологической интерференции [30]. Именно под воздействием акцентологических норм французского и немецкого языков, служивших основными источниками заимствований клинических терминов в русском языке, в отечественной теории и практике преподавания и использования латинской клинической терминологии наметилась тенденция к произношению клинических терминов, имеющих окончание -ia, с ударением на предпоследнем слоге, состоящем из гласного -i-: abulía, microsporía, rhinoscopía [31]. Однако эта тенденция не является абсолютной, как можно судить на основе анализа лексики тех словарей, в которых обозначено ударение в латинских словах. Наиболее непоследователен в этом отношении «Латинско-русский медицинский словарь» С. И. Вольфсона, в котором термины на -ia совершенно бессистемно в одних случаях даются с ударением на предпоследнем слоге, а в других — на третьем слоге от конца слова, ср.: angiopathía, atrepsía, craniometría, embryotomía, но: displásia, dysbásia, erythromegália, haemorrhágia. Более последовательны в своих акцентологических концепциях составители «Русско-латинского словаря для ботаников». В данном словаре, независимо от места ударения в русских терминах на -ия, в их латинских эквивалентах ударение всегда удерживается на третьем слоге от конца слова: антропохория — anthropochória, гидрофобия — hydrophóbía, микотрофия — microtróphia. Интересно отметить, что нередко даже в русских вариантах терминов на -ия отмечается разницей в постановке ударения. Так, в отмеченном выше словаре для ботаников мы встречаем термины гетерохромия, гиперплазия, полисоматия, которые

в «Энциклопедическом словаре медицинских терминов» (ЭСМТ) представлены с ударением на предпоследнем слоге: гетерохром^ия, гиперплази^ия, полисомати^ия.

Составители украинско-латинско-английского толкового словаря пытаются следовать «классическим» нормам определения ударения над предпоследним гласным «i» в латинских терминах: там, где этот гласный образовался из дифтонга, сохраняется и ударение (aërotherapⁱa, pharmacopsychiatri^a), в остальных случаях ударение определяется на третьем слоге от конца слова (perom^elia, siderop^enia). Данный подход к акцентуации в латинских терминах на **-ia** нам представляется научно обоснованным, особенно, если учесть, что терминов и терминологических элементов с изначально долгим **-i** в предпоследнем слоге сравнительно немного и их несложно запомнить. Однако, исходя из классического афоризма «usus magister est optimus», в терминоведении необходимо учитывать сложившиеся традиции и складывающиеся тенденции, привнося в те и другие определенное упорядочивающее начало. В частности, следует отметить определенные тенденции к семантико-акцентологической дифференциации некоторых латинских клинических наименований с конечным элементом **-ia** [32]. Так, конечный терминологический элемент **-pathia** в составе терминов со значением «заболевание» обычно фиксируется с ударением на 2-м слоге от конца слова: encephalopathⁱa, mastopathⁱa, perihoropathⁱa. В составе же терминов, относящихся к психологии и психиатрии, данный терминологический элемент прочитывается с ударением на 3-м слоге от конца слова: antipathⁱa, arathⁱa, empathⁱa, telepathⁱa. Подобным же образом акцентологически дифференцируются термины с конечным терминологическим элементом **-graphia** и **-metria**: в терминах со значением «вид медицинского обследования или измерения» ударение падает на 2-й слог от конца слова (fluorographⁱa, cholecystographⁱa, spirometri^a, pelviometri^a), в других же случаях ударение падает на предпредпоследний слог (topographⁱa, stereometri^a). В терминологическом элементе **-phonia** ударение падает на предпоследний слог в терминах с медицинским значением (aphonⁱa, dysphonⁱa) в других же случаях ударение падает на предпредпоследний слог (cacophonⁱa, symphonⁱa). Намечалась также тенденция к акцентологической дифференциации терминов с конечным терминологическим элементом **-mania**: в профессиональных психиатрических терминах ударение падает на предпоследний слог (narcomanⁱa, pyromanⁱa), в общелитературном же употреблении, в том числе и на русском языке, ударение определяется в соответствии с ударением в исходном существительном: наркомáн > наркомáния (narcomanⁱa), пиромáн > пиромáния (pyromanⁱa). Всегда сохраняют ударение на третьем слоге от конца слова термины с конечным терминологическим элементом **-logia** (anaesthesiológⁱa, valeológⁱa) и термин anatómⁱa. Можно привести еще ряд терминов греческого происхождения с конечным элементом **-ia**, в которых закрепилось ударение на третьем слоге от конца слова: alopécⁱa, hemicránⁱa, melanchólⁱa и др.

Таким образом, нам представляется, что в данное время есть два пути решения проблемы с постановкой ударения в латинских терминах греческого происхождения с конечным элементом **-ia**. Первый, обоснованный научно, требует ориентироваться на количественность гласного «i» в зависимости от его дифтонговой или обычной природы. Второй основан на методе формальной аналогии и не требует никакого акцентологического обоснования, в чем, собственно, и состоит его привлекательность. Нам же представляется, что в каждом отдельном случае следует применять дифференцированный подход с учетом как историко-фонетических сведений, так и складывающихся акцентологических тенденций, не лишаясь при этом четких лингвистических основ и традиций.

До сих пор мы говорили о проблемах постановки ударения в открытом слоге, ибо этот акцентологический вариант действительно наиболее многоаспектен и проблематичен. Остается рассмотреть особенности акцентологической адаптации греческих морфем, содержащих закрытый слог во втором слоге от конца латинизированных слов-терминов. Такая позиция создавалась тогда, когда гласный предпоследнего слога находился перед двумя и больше согласными, кроме сочетаний *ch, ph, rh, th*, которые передают звучание греческих букв χ (хи), φ (фи), ρ (ро), θ (тхета). За исключением позиции перед такими четырьмя сочетаниями, в подобных случаях закрытый слог всегда считался долгим независимо от количественности его гласного. Поэтому слова или термины, у которых после предпоследнего гласного следует группа из двух или трех согласных (кроме *ch, ph, rh, th*), как правило, удерживают ударение на втором слоге от конца слова: *diaphrágma* (из *διάφραγμα*), *crystállus* (из *κρύσταλλος*), *emplástrum* (из *ἔμπλαστρον*).

В какой-то мере исключением из этого правила можно считать определение акцентуации в морфемах, в которых после гласного следует группа согласных *muta cum liquida*. В этих случаях слог перед данным сочетанием считается открытым (*e-phe-dra, ru-o-me-tra, pae-di-a-tri*), а долгота или краткость предпоследнего слога определяется изначальной количественностью его гласного в греческом этимоне (*ἑφέδρα > éphēdra, μήτρα > ruomētra, ἰατήρ > paediāter*). Определение количественности гласного перед группой *muta cum liquida* в греческом этимоне позволяет правильно поставить ударение в терминах с данной группой согласных, созданных в постантичное время с помощью греческих морфем. Например, термин **subnītras** содержит морфему **-nitr-**, которая восходит к этимону **vīτρον**, а поэтому ударение в данном термине должно падать на третий слог от конца слова (**súbnītras**).

Правило закрытого слога действует во всех парадигмах латинских имен греческого происхождения, ср.:

Греческий этимон в Nom. и Gen. sing.	Латинское заимствование в Nom. и Gen. sing.
ἄτλας, ἄτλαντος	atlas, atlántis
λάρυγξ, λάρυγγος	larynx, larýngis
φάλαγξ, φάλαγγος	phalanx, phalángis

Поэтому следует признать необоснованными попытки авторов некоторых изданий сохранить в родительном падеже латинизированных грецизмов ударение греческих этимонов (lárungis, phárungis и др.) [33]. Ведь тогда трудно понять, почему у двух приведенных выше терминов ударение должно быть на третьем слоге от конца слова, а у однотипных форм meninges, phalangis — на втором, так как во всех подобных случаях предпоследний слог в латинских словах становится долгим даже вопреки краткости его гласного [34]. Долгим, согласно, латинской акцентологии, считается и слог перед так называемыми «двойными» согласными греческого алфавита ξ (кси) и ζ (дзета), переходящими в латыни в «х» (икс) и «z» (зету): chemotáxis, ophthalmorrhéxis. Исключений из данного правила не наблюдается.

Рамки статьи позволили нам рассмотреть только самые общие закономерности акцентологической адаптации греческих морфем в составе современных медико-биологических терминов. Однако независимо от масштабов исследования проведенная работа еще и еще раз убеждает нас в исключительной важности знаний основ древнегреческого языка для каждого, кто желает профессионально пользоваться этой терминологией, знать ее истоки и закономерности как образования, так и функционирования. И сегодня, как и 300 лет назад, мы можем сказать вместе с великим М. В. Ломоносовым: «Для терминов во многих науках: в физике, в химии, астрономии и особенно в анатомии, в ботанике и во всей медицине греческий язык весьма надобен» [35].

ЛИТЕРАТУРА

1. Чернявский, М. Н. Краткий очерк истории и проблем упорядочения медицинской терминологии / М. Н. Чернявский // Энциклопедический словарь медицинских терминов. – М., 1984. – Т. III. – С. 240.
2. Новодранова, В. Ф. Латинские основы медицинской терминологии (именное словообразование) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В. Ф. Новодранова. – М., 1989.
3. Беляев, Р. С. Ономазиологический анализ греко-латинских терминоэлементов (на материале латинской клинической терминологии) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р. С. Беляев. – Киев, 1990.
4. Проблемы упорядочения медицинской терминологии : тез. докл. Всесоюз. науч. конф. по проблемам упорядочения и стандартизации медицинской терминологии. – М., 1989.
5. Угрюмов, А. А. Вопросы фонетики и орфографии в латинском языке в приложении к медицинским терминам / А. А. Угрюмов. – М., 1950.
6. Ahrens, G. Naturwissenschaftliches und medizinisches Latein / G. Ahrens. – Leipzig, 1960.
7. Энциклопедический словарь медицинских терминов. – М., 1982–1984. – Т. 1–3.

8. *Фениш, Х.* Карманный атлас анатомии человека на основе Международной номенклатуры / Х. Фениш (при участии В. Даубера). – Минск, 1996.
9. *Arnaudov, D.* Terminologia polyglotta / D. Arnaudov. – Sofia, 1979.
10. *Rudzitis, K.* Terminologia medica / K. Rudzitis. – Riga, 1973–1977. – Т. 1–2.
11. *Александровский, Б. П.* Краткий учебный словарь клинических терминов с их переводным и толковым значением / Б. П. Александровский, В. Г. Соколовский. – Киев, 1969.
12. *Вольфсон, С. И.* Латинско-русский медицинский словарь / С. И. Вольфсон. – М., 1957.
13. *Казаченок Т. Г.* Анатомический словарь. Латинско-русский. Русско-латинский / Т. Г. Казаченок. – Минск, 1990.
14. *Українсько-латинсько-англійський медичний тлумачний словник.* – Львів, 1995. – Т. 1–2.
15. *Цисык, А. З.* Словообразовательные элементы и слова древнегреческого происхождения в «Словаре иностранных слов» / А. З. Цисык. – М., 1989. – 624 с.
16. *Studia philological* : матеріялы «круглага стала» філолагаў-класікаў г. Мінска, прысвечанага навуковай дзейнасці прафесара Я. І. Парэцкага. – Мінск, 1993. – С. 28.
17. *Цисык, А. З.* Межъязыковая интерференция в русской и латинской медицинской терминологии / А. З. Цисык // *Studia philologica* (филологические штудии) : сб. науч. ст. – Мінск, 1996. – С. 38–41.
18. *Нидерман, М.* Историческая фонетика латинского языка / М. Нидерман. – М., 194 с.
19. *Тронский, И. М.* Историческая грамматика латинского языка / И. М. Тронский. – М., 1960.
20. *Соболевский, С. И.* Грамматика латинского языка. Часть теоретическая. Морфология. Синтаксис / С. И. Соболевский. – М., 1950.
21. *Safarewicz, J.* Historische Lateinische Grammatik / J. Safarewicz. – Halle (Salle), 1989.
22. *Малинин, А. М.* Латинско-русский словарь / А. М. Малинин. – М., 1961.
23. *Дворецкий, И. Х.* Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. – М., 1986.
24. *Słownik łacinsko-polski* / pod red. M. Plezi. – Warszawa, 1959–1979. – Т. 1–5.
25. *Латинский язык и основы медицинской терминологии* / под ред. М. Н. Чернявского. – Минск, 1989. – С. 30–34.
26. *Ahrens, L.* Cursus latinus medicinalis / L. Ahrens, J. Bruss, O. Ortl. – Leipzig, 1987. – S. 143–145.
27. *Вольфсон, С. И.* Ук. соч. – С. 72.
28. *Коржинский, Я. И.* Ук. соч. – С. 57.
29. *Казаченок, Т. Г.* Фармацевтический словарь. Латинско-русский. Русско-латинский / Т. Г. Казаченок. – Минск, 1991. – С. 46.
30. *Чернявский, М. Н.* Латинский язык и основы фармацевтической терминологии / М. Н. Чернявский. – М., 1994. – С. 79–80.
31. *Карузин, П. И.* Словарь анатомических терминов / П. И. Карузин. – М., Л., 1928. – С. 17–28.
32. *Українсько-латинсько-англійський медичний тлумачний словник.* – Львів, 1995. – Т. 1. – С. 71, 474; Т. 2. – С. 122.
33. *Чернявский, М. Н.* Латинский язык и основы фармацевтической терминологии / М. Н. Чернявский. – С. 120.
34. *Кирпичников, М. Э., Забинкова Н. Н.* Ук. соч. – С. 605.
35. *Чернявский, М. Н.* Ук. соч. – С. 184.
36. *Українсько-латинсько-англійський медичний тлумачний словник.* – Т. 1. – С. 557.
37. *Arnaudov, G.* Op. cit. – P. 249.

38. Шанский, Н. М. Этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. – М., 1994. – С. 115.
39. Соболевский, С. И. Древнегреческий язык / С. И. Соболевский. – М., 1948. – С. 12.
40. Auerbach, M. Gramatyka grecka / M. Auerbach, M. Golias. – Warszawa, 1962. – S. 14.
41. Debrunner, A. Griechische Wortbildunglehre / A. Debrunner. – Heidelberg, 1917. – S. 195.
42. Słownik grecko-polski / pod red. Z. Abramowiczówny. – Warszawa, 1990. – Т. 2. – S. 504.
43. Ahrens, G. Op. cit. – S. 56.
44. Славятинская, М. Н. Учебник древнегреческого языка / М. Н. Славятинская. – М., 1993. – Ч. II. – С. 179.
45. Arnaudov, G. Op. cit. – P. XVII.
46. Латинский язык и основы медицинской терминологии / под ред. М. Н. Чернявского. – Минск, 1989. – С. 30–31.
47. Васильева, Л. И. Пособие по клинической терминологии / Л. И. Васильева, Л. М. Окатова. – Минск, 1989. – С. 8–9.
48. Боголепов, В. М. Латинский язык / В. М. Боголепов. – М., 1955. – С. 295, 303.
49. Васильева, Л. И. Пособие по латинскому языку для студентов-стоматологов / Л. И. Васильева, Л. М. Окатова. – Минск, 1985. – С. 78–79.
50. Латинский язык / под общ. ред. В. Н. Ярхо, В. Н. Лободы. – М., 1983. – С. 19–20.
51. Бешенковская, Е. Б. Автографы Ломоносова в университетской библиотеке в Хельсинки / Е. Б. Бешенковская, Е. С. Кулабко // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология : ежегодник. 1974. – М., 1975. – С. 177.
- Впервые опубликовано: Studia philologica : сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т ; под общ. ред. Г. И. Шевченко. – Минск, 1998. – Вып. 3. – С. 35–51.*

ОБ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ УНИФИКАЦИИ В ЛАТИНСКИХ ЭКВИВАЛЕНТАХ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ С ФИНАЛЯМИ -ЗИРОВАТЬ / -ЗОВАТЬ / -ЗИРУЮЩИЙ / -ЗУЮЩИЙ / -ЗИРОВАННЫЙ / -ЗОВАННЫЙ / -ЗАЦИЯ

Латынь, несмотря на бытующее мнение о ней как о «мертвом» языке, продолжает свою жизнь и в наши дни. «Древняя латынь становится активным языком», констатируют «Известия» вместе с автором заметки «Латынь снова в моде» [11]. Подтверждением этих слов может служить и быстрое увеличение групп общения на латинском языке в интернете [6], и движение «Новая латынь» (*Latinitas viva*), и возобновление изучения латыни в школах, лицеях и гимназиях. Однако не менее актуальна роль латыни как научно-информационного и терминологического языка, особенно в биологии и медицинских науках, которые по своей социальной значимости закономерно выходят в наши дни на первое место среди других естественно-научных дисциплин.

Информационно-терминологический язык биологии и медицины — это прежде всего термины, составленные из существительных и прилагательных, служащие для устной или письменной номинации научных понятий — как предметных, так и абстрактных. При этом описание объекта или явле-

ния может носить и расширенный характер, как это принято в медицинских и ботанических диагнозах [2; 12].

Лексический состав медико-биологических наук постоянно расширяется. Если в составе Международной (латинской) анатомической номенклатуры, изданной в 1980 г., числилось 5640 терминов [8], то в аналогичного рода издании 2003 г. [9] уже 7428 названий. Если в известном фармацевтическом справочнике М. Д. Машковского «Лекарственные средства» издания 1986 г. представлено 1230 названий лекарственных препаратов, то в последнем издании данного справочника [7] таких названий в два раза больше. При этом в фармацевтику активно проникают слова из бытовой лексики (лак, гель, леденец, пакет, салфетка и др.).

Активный рост медико-биологической терминологии и увеличение ее веса в общей массе новолатинского тезауруса обусловили появление нового типа латинско-русских и русско-латинских словарей, в которых, наряду с лексикой античного периода, представлена и новолатинская лексика, отражающая наиболее распространенные медико-биологические понятия [4; 5]. Однако во всех этих словарях, включая «Русско-латинский словарь для ботаников» [3], в котором впервые были представлены не только узкоспециальные, но и многие современные общеупотребительные понятия, в недостаточной мере отражена общенаучная и бытовая лексика, особенно глаголы и причастия. Ощущается объективная необходимость словаря, прежде всего русско-латинского, который, не будучи перегруженным узкоспециальной терминологией (в частности, названиями лекарств), содержал бы широкий слой общемедицинской и бытовой лексики, включая новолатинские глаголы и причастия. Такой словарь служил бы, во-первых, своего рода эталоном для использования слов в новых терминах, поскольку латинские эквиваленты современных понятий нередко представлены лексическими вариантами в различных словарях. Например, латинский эквивалент слова гель представлен вариантами **gelum** [15, 1, 721], **gelium** [7, 2, 271], **gelatum** [13, 1, 339]. Во-вторых, данный словарь оказал бы помощь всем, кто составляет диагнозы и эпикризы на латинском языке. Необходимость в такого рода переводах — требование времени: в последние годы участились поездки наших соотечественников в страны Западной Европы с целью консультации или лечения, и при этом нередко в зарубежных клиниках требуют предоставить на латинском языке подробное описание истории болезни и процесса ее лечения. Опыт работы с подобными переводами дает нам основание, в частности, высказать некоторые соображения в отношении орфографического оформления на латинском языке лексики, содержащей финали **-зировать / -зывать, зирующий / -зующий, -зированный / -зованный/, -зация.**

Данная лексика практически не представлена в латинских словарях, включая медицинские, в то время как она довольно частотная и ее количество продолжает увеличиваться. Для сравнения отметим, что если в прило-

жении к монографии Н. С. Авиловой, исследовавшей глаголы с заимствованной основой в современном русском языке, приведено 230 глаголов с финалью -зировать / -зывать [1, 230–245], то в «Обратном словаре русского языка» [10], который увидел свет через 7 лет, представлено уже 300 глаголов подобного вида. Очевидно, что в наши дни количество этих глаголов возросло еще больше, и, особенно, тех, которые передают узкоспециальные понятия: анкилозировать, лиофилизировать, тубулизировать и т. д. Не менее частотная медицинская лексика с финалью -зация: **девитализация, демеркуризация, некротизация, стенозация** и т. д. Этим, как и многих других слов с финалью -зация еще нет в упомянутом выше «Обратном словаре русского языка», что тоже свидетельствует о значительном росте количества данного вида лексики за последние десятилетия. Однако меньше всего представлены во всех видах словарей причастия с финалями -зирующий / -зующий и -зирванный / -зованный, которые находят особенно широкое распространение в медицинской литературе: **анастомозирующий, парализующий, тонизирующий, тимостабилизирующий, парализованный, протезированный, пастеризованный, стенозированный** и т. д.

Существительные, глаголы и производные от них причастия, содержащиеся в русском варианте финали -зация, -зировать / -зывать, -зирующий / -зующий, -зирванный / -зованный без особых сложностей поддаются латинизации по известным морфологическим образцам классической латинской грамматики, например: **стерилизация** — *sterilisatio, onis f*; **стерилизовать** — *sterilisāre*; **стерилизующий** — *sterilīsans, ntis*; **(про)стерилизованный** — *sterilisātus, a, um*; **склерозация** — *sclerosatio, ōnis f*; **склерозировать** — *sclerosāre*, **склерозирующий** — *sclerōsans, ntis*; **склерозированный** — *sclerosātus, a, um*.

Проблема, однако, в том, что в научной литературе нет единства в употреблении букв «s» или «z» в финалях лексики отмеченного вида.

Сторонники употребления буквы **z** во всех разновидностях финалей интересующей нас новолатинской лексики (-zatio, -zare, -zans, -zatus) руководствуются, видимо, тем, что хронологически первичный пласт подобной лексики — существительные, которые восходят к греческим глаголам, содержащим суффикс -ιζ-, ср.: ὑβρίζω — *hybridizatio*, ἑλληνίζω — *hellenizatio* и т. д. Такая орфография подобного рода новолатинских существительных в значительной мере подкрепляется и современными орфографическими нормами английского языка, где определенные глаголы и существительные, образованные на основе как латинских, так и греческих корней, содержат букву **z**, ср.: *organize* *организовывать* — *organization* — *организация* (греч. ὄργανον), *sterilize* — но *sterilisatio* (лат. *sterilis*).

Именно такими соображениями можно, по-видимому, объяснить то, что, например, в журнале «Vox latina», одном из печатных органов сторонников движения «Latinitas viva», рекомендуется писать *mobilizare, organizatio, saecularizare, saecularizatio* и т. д. [16, 71–79].

Авторы «Русско-латинского словаря для ботаников», которым первым среди отечественных лингвистов пришлось решать проблему употребления букв *s* или *z* в рассматриваемой нами группе лексики, в определенной мере уже отходят от рассмотренного выше универсализма в употреблении буквы *z*. Им представляется, что данная буква должна быть в словах с греческим корнем, в словах же с латинским корнем должна употребляться буква *s* [3, 24–25]: *iodizatio* (ἰοδειής), но *naturalisatio* (*naturālis*). Однако здесь же делается интересная оговорка: исключения составляют термины, имеющие устойчивую орфографическую традицию: анастомозирующий — *anastomōsans, ntis* (от ἀναστόμωσις — *устье*). Здесь, во-первых, уместно поставить вопрос: а каков критерий определения устойчивости подобного рода орфографической традиции? К тому же немало случаев, когда длительное время сохраняется ошибочная традиция написания или произношения заимствованного слова под влиянием различного вида интерференционных явлений. Вот и авторы «Русско-латинского словаря для ботаников» в некоторых случаях, по-видимому, сомневаются в этих критериях, если считают нужным написать *acclimatisatio*, хотя в данном слове и используется греческая лексема κλίμα, κλίματος.

Между тем, в медицинской литературе уже давно сложилась устойчивая традиция употребления во всех разновидностях интересующих нас финалей буквы *s*, независимо от того, с греческим или латинским корнем данная финаль употребляется: *hepatisatio* (ἥπαρ, ἥπατος), *ionisatio* (ἰών, ἰώνος), *dehelmentisatio* (ἔλμις, ἔλμινθος), *desensibilisatio* (*sensibilis*), *sterilisatio* (*sterilis*) и т. д. [14; 15]. И такая традиция, на наш взгляд, имеет под собой, по крайней мере, два основания.

Во-первых, практически все глаголы с финалями *-изировать /-изовать* — это транслитераты соответствующих глаголов французского и немецкого языков, где эти глаголы были образованы от греческих или латинских основ, ср.: греч. ὀργανον — фр. *organiser, organisation*, рус. *организовать, организация*; нем. *organisieren, Organisation*; лат. *sterilis* — фр. *stériliser, sterilisation*; нем. *sterilisieren, Sterilisation*.

Общеизвестный факт, подтверждаемый также в монографии Н. С. Авилевой [1], что до XIX в., когда в основном формировался лексикон общенаучной и бытовой лексики, глаголы на *-зировать / -зовать* заимствовались именно из немецкого и французского языков, где последовательно употребляется буква *s* во всех интересующих нас финалях. Очевидно, что и новолатинская лексика, возникающая на базе таких слов, тоже должна содержать букву *s*: *organisāre* — *organisatio*, *sterilisāre* — *sterilisatio* etc. Обратим также внимание на то, что все новолатинские глаголы, даже если они представляют собой латинизацию немецких глаголов с финалью *-ieren*, становятся глаголами 1-го спряжения, и это касается всех типов глаголов, а не только тех, которые в немецкой и французском языках имеют финали *-sieren* или *-ser*, ср. *adsorbieren, adsorber* — *adsorbāre, granulieren, granuler* — *granulāre* etc.

Во-вторых, для современных деривационных процессов в медико-биологической терминологии характерно то, что основным и центральным понятием этого процесса становится номинативный термин-существительное, от которого начинают образовывать причастия, глаголы и даже существительные. В частности, одной из самых продуктивных моделей образования номинативных терминов в клинической медицине являются существительные с финалью *-ōsis*: *ankylōsis*, *helminthōsis*, *necrōsis*, *thrombōsis* etc. Например, существительное анкилоз (*ankylōsis*, *is f* от греч. ἀγκύλωσις из ἀγκύλος — кривой, изогнутый) порождает сначала причастие анкилозирующий (*ankylōsans*, *ntis*), а затем появляется и глагол анкилозировать — *ankylosāre*. Понятие тромбоз (*thrombōsis*, *is f* от греч. θρόμβος — ком, сгусток) дает основу для возникновения понятия тромбозирующий (*thrombōsans*, *ntis*), которое, в свою очередь, служит основой для появления глагола тромбозировать. Таким образом, в современном терминопозе фактически нарушается традиционная лексико-морфологическая схема деривации, свойственная морфологии классической латыни, при которой основным первичным звеном словообразования был глагол, от основ которого образовывались причастия, которые, в свою очередь, служили для отглагольного словообразования. В греческом языке эта схема короче, чем в латинском; она исключает причастия, которые не латинизируются и не являются продуктивными для образования терминов-существительных, ср.: греч. νεκρόω — умерщвлять → νεκρός — омертвление; ἀγκυλόω — изгибать → ἀγκύλωσις — изгиб. Следует также иметь в виду, что во многих случаях современные латинские термины на *-ōsis* образованы от основ греческих существительных и прилагательных и не являются латинизированными транслитератами греческих отглагольных существительных, как в случаях с терминами *ankylosis* или *nekrosis*. Например, термин *sclerosis* образован от основы прилагательного σκληρός — твердый, *thrombosis* от основы существительного θρόμβος, *mucosis* — от основы существительного μύκης — гриб и т. д. Очевидно, что терминах подобного рода финаль *-osis* унифицируется по долготе предпоследнего гласного *-o*, ориентируясь на стандартный суффикс *-ōsis* всех новолатинских терминов.

В классической схеме латинского отглагольного словообразования, которая в основном сохраняется и в новолатинской лексике, значительно выше количество номинативных дериватов за счет причастий, ср.:

solvo, *ēre solvens*, *ntis* — растворяющий, растворять; *solūtus*, *a*, *um* — растворенный; *solutio*, *onis f* — раствор

doso, *āre dosans*, *ntis* — дозирующий (новолат. *dosātus*, *a*, *um* — дозированный; *dosatio*, *ōnis f* — дозация, дозировать); *dosātor*, *oris m* — дозатор

steriliso, *āre sterilīsans*, *ntis* — стерилизующий (новолатин. *sterilisātus*, *a*, *um* — простерилизованный; *sterilisatio*, *onis f* — стерилизация, стерилизовать)

Подводя итог сказанному выше, считаем, что есть все основания для унификации латинских эквивалентов финалей -зировать / -зывать, -зирующий / -зующий, -зированный / -зованный, -зация.

Во всех латинских эквивалентах этих финалей следует употреблять букву «s» независимо от греческой или латинской основы слова. И такую традицию, которая отражена в известных словарях медицинских терминов (Арнаудова, Рудзитиса и др.), следует распространить и на новолатинскую лексику социального, лингвистического и других слоев лексики. Нас радует то, что такая точка зрения, в отличие от авторов и редакторов журнала «Vox latina», близка и составителям современных русско-латинских словарей, хотя и слов с интересующей нас лексикой в этих словарях крайне мало: например, в словаре А. В. Подосинова, Г. Г. Козлова, А. А. Глухова, А. М. Белова [5] мы нашли всего пять лексем с финалью -зация: мобилизация (mobilisatio), реализация (realisatio), организация (organisatio), цивилизация (civilisatio), глаголы же с финалью -зировать / -зывать и вовсе не представлены.

Тем не менее, надеемся, что составители русско-латинских словарей в дальнейшем будут не только обогащать свой лексикон столь частотной современной лексикой, но и придерживаться той орфографической концепции, обоснованию которой мы посвятили данную статью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авилова, Н. С.* Слова интернационального происхождения в русском литературном языке нового времени (глаголы с заимствованной основой) / Н. С. Авилова. – М. : Наука, 1967. – 246 с.
2. *Даведнік* напісання дыягназаў асноўных захворванняў унутранных органаў на беларускай, расійскай і лацінскай мовах : метад. дапаможнік для медыч. ін-таў / Мінскі дзярж. медыч. ін-т. – Мінск : МДМІ, 1994. – 50 с.
3. *Русско-латинский словарь для ботаников* / сост. М. Э. Кирпичников, Н. Н. Забинкова. – Л. : Наука, Ленинград. отд-ние, 1977. – 855 с.
4. *Латинско-русский словарь*: более 24 000 ст. и прил. / авт.-сост. К. А. Тананушко. – Минск : Харвест печ., 2002. – 1037 с.
5. *Латинско-русский и русско-латинский словарь* / сост. А. В. Подосинов [и др.]. – 3-е изд. – М. : Флинта ; Наука, 2007. – 740 с.
6. *Майорова, А.* Латинский on-line / А. Майорова // Известия. – 2000. – 14 декабря.
7. *Машковский, М. Д.* Лекарственные средства : в 2 т. / М. Д. Машковский. – 14-е изд., перераб., испр. и доп. – Харьков : Новая волна, 2000. – 2 т.
8. *Международная анатомическая номенклатура* (с офиц. списком рус. эквивалентов) / под ред. С. С. Михайлова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Медицина, 1980. – 240 с.
9. *Международная анатомическая терминология* (с офиц. списком рус. эквивалентов) / под ред. Л. Л. Колесникова. – М. : Медицина, 2003. – 244 с.
10. *Обратный словарь русского языка*: ок. 125 000 сл. / науч. ред. совет изд-ва «Советская энциклопедия»; Вычислит. центр АН СССР. – М. : Сов. энцикл., 1974. – 944 с.
11. *Позднякова, Л.* Латынь снова в моде / Л. Позднякова // Известия. – 2004. – 14 августа.
12. *Прохоров, В. П.* Ботаническая латынь : учеб. по биол. и пед. спец. / В. П. Прохоров. – М. : Академия, 2004. – 271 с. (Высш. проф. образование. Естеств. науки).

13. *Українсько-латинсько-англійський медичний тлумачний словник: близько 33 000 термінів* : в 2 т. – Львів : Буксар, 1995. – Т. 2.

14. *Арнаудов, Г. Д.* Медицинская терминология = Terminologia medica : на пяти яз.: latinum, рус., english, francais deutsch / Г. Д. Арнаудов ; пер. с болг. В. В. Завьялова. – 4-е рус. изд., испр. – София : Медицина и физкультура, 1979. – XXIV. – 943 с.

15. *Латинско-русско-латышский словарь медицинских терминов* : в 2 т. / сост. К. Рудзитис. – Рига : Лиесма, 1973–1977. – Т. 1. – 1039 с. ; Т. 2. – 866 с.

Впервые опубликовано: Studia philologica : сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т ; под общ. ред. Г. И. Шевченко. – Минск : БГМУ, 2005. – Вып. 6. – С. 129–135.

О ТРАНСЛИТЕРИРОВАНИИ ЛАТИНСКИХ ДИФТОНГОВ «AU» И «EU» В КОНТЕКСТЕ АФОРИСТИКИ И МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНОВ

Дифтонги **au** и **eu** в латинских письменных текстах имеют двойное происхождение: латинское или греческое. Если проанализировать лексику с латинскими дифтонгами по латинско-русскому словарю И. Х. Дворецкого [8], то окажется, что с начальным дифтонгом **au** в латинском языке античного периода имеется 166 имен нарицательных и 44 имени собственных. Кроме этого, имеются имена с начальным элементом **cau-** (50 нарицательных и 8 собственных), имена с начальным элементом **gau-** (13 и 3 соответственно), имена с начальным **rau-** (17 и 3 соответственно). Только несколько латинских слов содержат дифтонг **eu-**: *eheu*, *heu*, *neuter* (*neutra*, *neutrum*), *seu*. Остальные слова с таким дифтонгом — это нарицательные или собственные имена греческого происхождения. Несмотря на то, что передача этих двух дифтонгов в русских эквивалентах соответствующих слов имеет довольно длительную традицию, существует ряд проблем, которые и сегодня требуют лингвистического анализа, осмысления и разработки определенных разъяснений и рекомендаций.

В частности, проблема графической передачи дифтонгов **au** и **eu** возникает при составлении транслитерированных эквивалентов звучания латинских изречений. Такая проблема возникла перед нами при подготовке к печати транслитерированного текста латинской части восьмязычного словаря фразеологических эквивалентов в словах, содержащих данные дифтонги [7]. Дело в том, что в сборниках латинских афоризмов, изданных как в советское, так и в постсоветское время, наблюдаются два основных подхода при транслитерировании слов с указанными дифтонгами. Чаще всего они транслитерируются как *áу/яу* и *éу/эу* с ударением на первой части дифтонга. В качестве примера приведем сборники С. Б. Барсова [2] и В. П. Сомова [18]. Например, “*Aures habent, et non audiunt*” — [*áурэс хáбэнт, эт нон áудиунт*]. Во втором случае указанные дифтонги транслитерируются как *áv/яв* и *év/эв* с ударением на первой части дифтонга. Например, в сборнике Ю. С. Цыбульник [12]: “*Audi multa, loquere pauca*” — [*áвди мýльта, лóквэрэ*

пáвка]. К сожалению, встречаются и такие сборники латинских изречений, в которых данный вопрос решается бессистемно и некомпетентно. Например, во внешне прекрасно изданном сборнике Алексея Корнеева «3000 латинских крылатых выражений» [11] встречаем сплошь и рядом примеры неправильного транслитерирования: *audaces* — [аўдацес], *audire* — [аўдирэ], *Aurora* — [аўрора], *cautela* — [каўтэля], и очень редко можно встретить правильный вариант: *faustum* — [фáустум].

Признавая на основе традиции допустимыми два первых варианта (áу/'яу и áв/'яв), попытаемся все же найти для этого определенные лингвистические обоснования.

Прежде всего, посмотрим информацию об интересующих нас дифтонгах в учебно-справочной литературе. Ян Сафаревич в «Исторической латинской грамматике» пишет: «Дифтонг *au* произносился, вероятно, так, как мы это делаем и сейчас, то есть как сочетание «а» с неслоговым «у». Хотя античные грамматики не оставили нам никакого описания произношения данного дифтонга, однако из косвенных примеров можно обосновать наше современное произношение». Для этого ученый ссылается, в частности, на тот факт, что латинские слова античного периода с дифтонгом *au* передавались греческим дифтонгом *αυ*, имеющим аналогичное звучание, ср. лат. *Claudius* и его греческий аналог *Κλαύδιος*. Подобным же образом объясняется современное произношение латинского дифтонга *eu* [20, с. 32–36].

В отечественной учебной литературе по грамматике латинского языка мы находим аналогичное объяснение произношения интересующих нас дифтонгов, — где очень кратко, а где чуть поподробнее. Так, у С. И. Соболевского в «Грамматике латинского языка. Теоретическая часть. Морфология и синтаксис. [17, с. 8] читаем: *au* произносится как [ау], и *eu* как [эу] с кратким, т. е. неслоговым «у». В учебнике Я. М. Боровского и А. В. Болдырева «Латинский язык для гуманитарных факультетов университетов [6, с. 23] приводится аналогичная информация, только над транслитерированными [ау] и [эу] дается дужка, подчеркивающая их слитное произношение. В. Н. Ярхо и В. И. Лобода в учебнике для студентов педагогических университетов иностранных языков [12, с. 16] уточняют, что дифтонги *au* и *eu* произносятся как односложное [áу] и ['эу] с энергичным ударением на первом гласном. Еще больше выделяют лидирующую роль первого элемента — гласных «а» и «э» при произношении данных дифтонгов А. Н. Попов и П. М. Шендяпин [15, с. 194], которые лидирующую роль данных гласных закрепляют графически, указывая, что дифтонги *au* и *eu* произносятся как русское [а^у] и [э^у], причем «у» является неслоговым звуком. А. М. Белов, рассматривая произношение латинских дифтонгов [3, с. 39], называет гласные «а» и «е» в составе дифтонгов *au* и *eu* их ядром, т. е. основным элементом, который особо выделяется при произношении, в отличие о второго элемента, звучание которого весьма редуцировано. Поэтому Я. М. Боровский [1, с. 887] с полным основанием отмечает следующее: «...*au* и *eu* про-

износились как сочетание «а» и «е» с неслоговым «и». Упомянуть об этих сочетаниях как о дифтонгах приходится только потому, что мы сохраняем о них по традиции графический вариант «и», хотя последовательнее было бы писать «v». В связи с этим уместно привести мнение М. Е. Ниссенбаума, автора фундаментального учебника латинского языка для юристов: «Второй звук, входящий в дифтонги au и eu, не образует слога и поэтому сближается при произношении с согласным звуком. Кстати, ряд слов, заимствованных из латинского языка и содержащих дифтонги au и eu, пишется по-русски не через «у», а через «в»: Аврора, Европа» [15, с. 20]. К последним словам данного автора следует сделать дополнительное разъяснение в том плане, что все личные имена латинского происхождения с дифтонгом au, представленные в словаре классических древностей Фридриха Любкера, передаются в современной русскоязычной версии передачи античных имен через «ав» (Август, Клавдий), а личные имена греческого происхождения с дифтонгом eu — в большинстве случаев через «ев» (Европа, Еврипид), но иногда через «эв» (Эвридика, Эвтерпа) [6]. Впрочем, мы оставляем за рамками нашего исследования собственные имена, которые содержат интересующие нас дифтонги, поскольку в афоризмах они практически не встречаются.

Таким образом, можно не удивляться, если в современных учебниках латинского языка, рассчитанных на студентов-классиков [10, с. 28], читаем, что дифтонг au произносится как латинское [av/u], дифтонг eu как [ev/u]. Следовательно, мы вправе транслитерировать приводимое здесь в качестве примера слово augeo как [áугэо] или как [ávгэо]. На то, что при передаче на русский язык дифтонгов au и eu второй их элемент **и** звучит чаще как «в», чем как «у», раньше всего начали указывать авторы учебной литературы по медицинской латыни [4, с. 13]. И действительно, надлежащее прочтение данных дифтонгов изначально подразумевает редукцию второго их элемента до звука, близкого к «в», в то время как любая попытка искусственного продления звучания этого элемента сближает его со звуком [y], что в корне искажает звучание дифтонга, ибо его однослоговое звучание превращается в двуслоговое. Вот почему попытки транслитерации в форме ау/эу, а тем более без проставления ударения на первой гласной, не являются, на наш взгляд, предпочтительными, а тем более, оптимальными.

Приведенные выше материалы и комментарии позволяют нам утверждать, что выбранный нами вариант транслитерирования латинских дифтонгов au и eu в форме «ау» и «эу» находит полное обоснование в научной и методической литературе. Мало того, мы считаем, что данный вариант больше соответствует особенностям русской просодии и орфоэпии. Соответственно этой позиции мы и оформляли транслитерацию дифтонгов в приводимых афоризмах нашей работы: *audi multa, loquere pausa* [áуди мўльта, лéквэрэ паўка] [7, с. 11].

Если перейти к медицинской лексике, то из многолетнего опыта преподавания медицинской латыни можно сказать, что мы объясняем студентам-медикам произношение латинских или латинизированных греческих дифтонгов **au** и **eu** по правилам, изложенными в учебной литературе по медицинской латыни [4, с. 11–13; 19, с. 29–37], которые совпадают с изложенными выше правилами произношения латинских дифтонгов. Так, транслитерация слова **cauda** на доске представляется в форме [káуда] подобно представленному выше слову [пáука], **clausus** — в форме [кля́узус], **neutrum** — в форме [нэ́утрум], **pneumon** — в форме [пнэ́умон]. Отметим также, что белорусскоязычными студентами этот фонетический материал воспринимается особенно легко на фоне присутствия в белорусском языке буквы **ў**, которая передается звуком, средним между гласным «у» и согласным «в», — сравним латинское слово **caudalis**, русское **каудальный** и белорусское **каўдальны**, новолатинское **Eucaryota**, русское **Эукариоты** и белорусское **Эўкарыёты**.

Рассмотрим сейчас, каким образом транслитерируются дифтонги **au** и **eu** в русскоязычной медико-биологической и клинической лексике в эталонных справочных изданиях последнего времени, в частности, в «Большом энциклопедическом словаре медицинских терминов» под редакцией Э. Г. Улумбекова [5]. Отметим, что впервые попыталась найти определенные закономерности в этом вопросе еще на материале трехтомного «Энциклопедического словаря медицинских терминов» (ЭСМТ) [20] Н. Н. Забинкова, указав на определенные различия в передаче на русский язык указанных дифтонгов [9, с. 102–104].

Латинские медицинские термины с дифтонгом **au** передаются в словарях наших дней на русском языке, как и 30 лет назад, преимущественно или через «ав» или «ау». Выбор именно такого, или иногда и другого варианта, на наш взгляд, определяется, прежде всего, определенной традицией. Только этим можно объяснить присутствие рядом терминов латинского происхождения «австралопитек» (от лат. **australis** — южный) и «аускультация» (от лат. **ausculto** — вслушиваться, внимательно выслушивать). При этом, как видим, не учитываются и аспекты эвфонии, так как с этой точки зрения букву «в» перед группой из четырех согласных в слове «австралопитек» надлежало бы заменить буквой «у». Определенный элемент логической дифференциации можно определить при выборе написания «ав» или «ау» в словах, включающих греческий образовательный элемент **auto-** (от греч. **autos** — сам, собственный, такой же). Если транслитерируются слова с данным элементом, содержащие значение «автоматическое т. е. самостоятельное движение или выполнение какой-то функции», что логически увязывается с понятием «автомат» или «автоматика», то по аналогии со словами «автомат» и «автоматический» употребляется вариант «ав», например: авторегуляция — саморегуляция, авторентген — передвижная рентгеновская станция, предназначенная для рентгенологических исследований в полевых

условиях. Если же транслитерируются слова с данным элементом, указывающие на принадлежность к некоему субъекту, то в этом случае используется вариант «ау», например: аутогипноз — гипноз, вызываемый у самого себя по своей воле; аутокость — кость больного, используемая для аутопластики (пластической операции с использованием тканей собственного организма). Отметим, что количество терминов с вариантом «ау» преобладает — 90 против 30 терминов с вариантом «ав». Интересно также отметить, что именно с вариантом «ау» в последнее время возникают неологизмы, относящиеся к медицинской теории и практике: это, кроме упомянутого выше слова «автокость», и слово «автокровь» — кровь больного, и аутоэротизм (синоном термина «нарциссизм») — форма полового извращения, при которой сексуальное удовлетворение достигается созерцанием собственного обнаженного тела, и др.

В словах латинского происхождения, в которых дифтонг *au* выступает на втором месте после согласного, как правило, используется вариант «ау»: гаустра (лат. *haustum* — карманообразная полость ободочной кишки от лат. *haurio*, *haustum*, *īre* — черпать, вбирать в себя), каудальный (лат. *cauda* — хвост) — хвостовой. Аналогично передается данный дифтонг в словах греческого происхождения: каузалгия (греч. *kausis* — жжение + греч. *algos* — боль) — жгучие боли в области поражения периферического нерва, таутомерный (греч. *to autó* — то же самое + греч. *meros* — часть) — относящийся к одной и той же части. Отметим также, что вариант «яу», который звучит в латинских терминах после буквы «*l*», в русских эквивалентах терминов звучит как «ау», ср.: *glaucoma* (греч. *glaukós* — голубовато-зеленый) — глаукома, *claustrophobia* (лат. *claustrum* — засов, закрытое помещение + греч. *phóbos* — страх, боязнь) — клаустрофобия, навязчивый страх закрытых помещений.

Если говорить о передаче дифтонга *eu* латинских терминов в письменных вариантах их русских эквивалентов, то материал используемого нами «Энциклопедического словаря медицинских терминов» показывает, что в этих эквивалентах встречаются различные орфографические варианты. Потому целесообразно рассмотреть все возможные случаи транслитерации данного дифтонга в составе словообразовательных элементов более подробно.

Дифтонг «*eu*» только один раз встречается в словообразовательных элементах латинского происхождения — в корне **neutr-** от лат. *neuter* — ни тот, ни другой, нейтральный. Однако этот элемент передается в русских эквивалентах латинских терминов вариантом *нейтр-*, ср.: *neutrophilus*, *i m* (*neutr-* + греч. *phileo* — любить) — нейтрофил); нейтрофильный лейкоцит; *neutrophilus*, *a, um* — нейтрофильный, хорошо окрашивающийся нейтральными красителями.

В русских эквивалентах латинских терминов, включающих начальный греческий корневой элемент *eu-* (от греческого наречия *eu-* — хорошо, пра-

вильно, надлежащим образом), могут выступать орфографические варианты «эв», «эй» и «эу». Каких-либо логических предпосылок для выбора того или иного орфографического варианта не существует, и следует только запоминать эти варианты как данность. Сравним: eucalyptus (греч. eu — хорошо + kallupto — закрывать) — эвкалипт, дерево, в цветках которого бутоны хорошо скрыты за чашелистиками; euphoria (греч. eu — хорошо + phoreo — переносить, выдерживать) — эйфория, повышенное благодушное настроение, сочетающееся с беспечностью и недостаточной критической оценкой своего состояния; eugnathia (греч. eu — надлежащим образом + греч. gnathos — челюсть) — эугнатия, правильное развитие и функционирование зубов и челюстей. Можно еще отметить, что вариант эу- встречается у подавляющего количества терминов (34), вариант эв- — у пяти, и вариант эй- — только у трех.

При передаче греческого корневого элемента -geus- (от греч. geusis — вкус) всегда употребляется вариант «ев»: ageusia (a — греч. приставка со значением отрицание, отсутствие + новолат. -geusia от греч. geusis — вкус) — агевсия, отсутствие вкусовых ощущений; dysgeusia (dys — греч. приставка со значением расстройство+ новолат. -geusia от греч. geusis — вкус) — дисгевсия, расстройство вкусовых ощущений.

Греческий элемент leuc- передается в русских эквивалентах латинских терминов как лейко-: leucocytus (греч. leukos — белый + kytos — ячейка, клетка) — лейкоцит, белая кровяная клетка; leucolysis (греч. leukos — белый + греч. lysis — разрушение) — разрушение лейкоцитов.

Греческий элемент neur- (от греч. neuron — нерв) передается как «невр» — в 31 термине, обычно в том случае, когда речь идет о нервах или о расстройствах, связанных с нервной системой: neuralgia (neur- + греч. algia — боль) — невралгия, интенсивная боль, распространяющаяся по ходу ствола нерва. Если речь идет о нервных клетках и тканях, то обычно используется вариант нейр-: neurosecretio (neur- + лат. secretio — выделение) — нейросекреция, процесс образования и выделения нейрогормонов клетками гипоталамуса. Сравним также термины **неврогенный** и **нейрогенный**. В том и другом случае термин состоит из греч. neur- + греч. -genes — возникающий, порождаемый. И тем не менее термин **неврогенный** имеет значение «происходящий из элементов нервной системы», а **нейрогенный** — «происходящий из нервной ткани» или «относящийся к нейрогенезу» (формированию системы нервных клеток в процессе зарождения и развития организма). Однако семантическое обоснование выбора вариантов транслитерации данного дифтонга не является абсолютным, если сравнить термин *нейросухожильный* — относящийся к нервам и сухожилиям, и термин *нейротрипсия* (neur- + греч. tripsis — растирание, раздавливание) — раздавливание нерва для выключения его функции. Наблюдается, по сравнению с ЭСМТ, и рост количества эквивалентных семантически терминов с вариантами невр- и нейр-: невральный = нейральный, невропатия = нейропатия.

В целом, можно констатировать тенденцию к росту преобладания варианта нейр- над вариантом невр- в самых различных подсистемах медицинской терминологии.

Дифтонг eu в греческих корневых словообразовательных элементах pneum-, pseud-, rheum- передается в русских эквивалентах латинских терминов как «ев»: pneumonia (греч. pneumónes — легкие) — пневмония, воспаление легких; pseudoaesthesia (греч. pseudés — ложный + греч. aísthesis — ощущение) — псевдоэстезия, субъективное ощущение, не обусловленное реальным стимулом; rheumatólogus (греч. rheuma, rheúmatos — поток, течение, паталогическое выделение + греч. lógos — слово, предмет, учение) — ревматолог, специалист в диагностике и лечении ревматических заболеваний.

Как показало наше исследование, отражение в русской медицинской лексике латинских дифтонгов au и eu, как и их латинизированных греческих эквивалентов, в большинстве случаев не подчиняется той унификации, которую можно применить при транслитерации латинских крылатых выражений. Это можно объяснить тем, что, в отличие от последних, процесс закрепления письменных вариантов русских транслитератов латинских медицинских терминов осуществлялся в течение ряда столетий и испытывал влияние многих объективно-исторических и чисто индивидуально-субъективных факторов. Несомненно, необходимо периодически обсуждать орфографическую и морфолого-семантическую форму всех подсистем медицинской терминологии, но жаль, что такое обсуждение практически не проводится научной общественностью ни в Украине, ни в России, ни тем более в Беларуси, в которой меньше всего медицинских вузов и биологических факультетов университетов. Впрочем, и за советское время состоялась всего одна научная конференция по проблемам упорядочения и стандартизации русскоязычной медицинской терминологии — в далеком уже 1989 г. в латвийском городе Юрмала. Думается, назрело время проведения такого рода терминологических конференций и в России, и в Украине, и в Беларуси, ибо за 30 лет многое поменялось и в форме, и в содержании, и в восприятии медицинских терминов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Словарь латинских крылатых слов* / сост. : Н. Т. Бабичев, Я. М. Боровский ; под ред. Я. М. Боровского. — 2-е изд., стер. — М. : Рус. яз., 1986. — 960 с.
2. *Латынь на все случаи жизни* / сост. С. В. Барсов. — М. : АСТ [и др.], 2005. — 431 с.
3. *Белов, А. И. Ars grammatica. Книга о латинском языке* / А. И. Белов. — М. : Греко-латин. каб. Ю. А. Шичалина, 2007. — 488 с.
4. *Боголепов, В. М. Латинский язык : учеб. для медиков.* — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Медгиз, 1955. — 335 с.
5. *Большой энциклопедический словарь медицинских терминов: более 100 000 терминов* / под ред. Э. Г. Улумбекова. — М. : ГЭОТАР-Медиа, 2012. — 2263 с.
6. *Боровский, Я. М. Латинский язык для гуманитарных факультетов университетов* / Я. М. Боровский, А. В. Болдырев. — 4-е изд., доп. — М. : Высшая школа, 1975. — 479 с.

7. *Вечные слова*: восьмизычный словарь фразеологических эквивалентов: ок. 600 латин. пословиц, поговорок, изречений / Н. А. Гончарова [и др.]. – Минск : Белорус. ассоц. «Конкурс», 2012. – 272 с.
 8. *Дворецкий, И. Х.* Латинско-русский словарь: ок. 50 000 слов. – 3-е изд., испр. / И. Х. Дворецкий. – М. : Рус. яз., 1986. – 840 с.
 9. *Забинкова, Н. Н.* О некоторых орфографических вариантах в медицинской терминологии // Проблемы упорядочения медицинской терминологии : тез. докл. Всесоюз. науч. конф. по пробл. упорядочения и стандартизации мед. терминологии, г. Юрмала, 27 февр. – 1 марта 1989 г. – М. : ПК НПО «Союзмединформ», 1989. – 352 с.
 10. *Звонська, Л. Л.* Латинська мова : підручник / Л. Л. Звонська, В. М. Шовковий. – 2-ге вид., перероб. і доп. – Київ : Знання, 2006. – 711 с.
 11. *Корнеев, А.* 3000 латинских крылатых выражений / А. Корнеев. – Донецк : БАО, 2011. – 304 с.
 12. *Крылатые латинские выражения* / авт.-сост Ю. С. Цыбульник. – М. : Издательство АСТ ; Харьков : Фолио, 2003. – 830 с.
 13. *Латинский язык* : учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» / под общ. ред. В. Н. Ярхо, В. И. Лободы. – 3-е изд., перераб. – М. : Просвещение, 1983. – 319 с.
 14. *Любкер, Ф.* Реальный словарь классических древностей : в 3 т. / Ф. Любкер : пер. с нем. – М. : Олма Пресс, 2001. – 3 т.
 15. *Ниссенбаум, М. Е.* Via Latina ad jus = Латинская дорога к праву / М. Е. Ниссенбаум. – М. : Юристь, 1996. – 560 с.
 16. *Попов, А. И.* Латинский язык: Элементарный курс. Хрестоматия. Грамматика. Словари / А. И. Попов, П. М. Шендянин. – 4-е изд. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. – 388 с.
 17. *Соболевский, С. И.* Грамматика латинского языка: Теоретическая часть. Морфология и синтаксис : учеб. пособие для высш и сред. спец. учеб. заведений / С. И. Соболевский ; Рос. акад. образования, Сев.-Зап. отд-ние. – СПб. : Алетей, 1998. – 430 с. (Сер «Библиотека русской педагогики»).
 18. *По-латыни между прочим* : слов. латин. выражений / авт.-сост. В. П. Сомов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юристь, 1997. – 344 с.
 19. *Цисык, А. З.* Латинский язык = Lingua Latina : учеб. / А. З. Цисык. – Минск : Новое знание, 2017. – 456 с.
 20. *Энциклопедический словарь медицинских терминов* : в 3 т. / гл. ред. Б. В. Петровский. – М. : Сов. энцикл., 1982–1984. – Т. 3.
 21. *Safarewicz, J.* Historische lateinische Grammatik / J. Safarewicz. – Halle (Saale) : Niemeyer Verl., 1969. – 304 s.
- Впервые опубликовано: Актуальні питання лінгвістики, професійної лінгводидактики, психології і педагогіки вищої школи : зб. ст. V Міжна. наук.-практ. конф., 19–20 листоп. 2020 р., м. Полтава. – Полтава : Аструя, 2020. – С. 113–120.*

РАЗДЕЛ II ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ЭТИМОЛОГИИ, СЕМАНТИКИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛАТИНСКИХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНОВ. ГЛАГОЛ «FACERE» И ЕГО ДЕРИВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ В АНТИЧНОЙ ОБЩЕЛИТЕРАТУРНОЙ И ПОСТАНТИЧНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ЛАТЫНИ

В курсах терминологической латыни весьма важно понимать механизмы лексической деривации и их лингвистические истоки. В рамках исследования этой темы мы уделим сегодня внимание деривационной потенции латинского глагола **facere**, дериваты которого прослеживаются как в лексиконе античной латыни, так и в современном медицинском дискурсе. Учитывая наш первоочередной интерес к теоретическим аспектам преподавания латинской медицинской терминологии, мы будем рассматривать лексико-семантическое поле исследуемых дериватов, прежде всего, в медицинском контексте.

Слово **facio, feci, factum, facere** в лексиконе латыни античного периода принадлежит к самым частотным и богатым по значению глаголам [1, с 37; 2, с. 315–316]. Его основа настоящего времени **faci-** стала производящей основой для образования ряда существительных и прилагательных античного времени: **facinus, ōris n** (действие, поступок), **facilis, e** (легкий) *et cetera*. В свою очередь, на основе прилагательного **facilis** возникают новые существительные, наиболее известным из которых оказалось **facultas, ātis f** (возможность, способность, умение), давшее начало известным новоевропейским словам «факультет», «факультативный», «факультатив». Еще большей словообразовательной продуктивностью обладает основа супина данного глагола **fact-**: **factio, ōnis f** (действие, политическая группировка и еще восемь значений), **factor, ōris m** (мастер, создатель, отсюда интернациональное значение «фактор»), **factum, i n** (сделанное, поступок, факт), **factura, ae f** (изготовление, производство), **facticius, a, um** (искусственный, неестественный) *et cetera*.

Морфологической разновидностью глагола **facere** является его форма страдательного залога **fio, factus sum, fiēri** — случаться, происходить, совершаться. Эта форма достаточно употребительна в поэтических и прозаических текстах, однако совершенно непродуктивна в отношении лексической деривации, во всех разновидностях которой производящие основы связываются с глаголом **facere**.

Уже в классической латыни глагол **facere** получает расширение семантики в соединении с приставочными компонентами. В этих случаях он соединяется с основами других частей речи и в таких двухкомпонентных образованиях сохраняет свою форму, сравним: **liqueo** (*быть жидким*) + **facio**

> liquefacio, liquefēci, liquefactum, ěre 3 (плавить, расплавлять); rarus (*редкий*) + facio > rarefacio > rarefacio, rarefēci, rarefactum, ěre 3 (разрезать, разрыхлять).

Но чаще всего глагол facere соединяется с латинскими приставками, и в таких конструктах его основа faci- приобретает форму **fici-** [1]:

ad + facio > afficio, affēci, affectum, afficere (причинять, поражать. изнурять и еще семь значений);

con + facio > conficio, confēci, confectum, conficere (изготавливать, совершать, доставлять и еще около двадцати значений);

de + facio > deficio, defēci, defectum, deficere (отпасть, оказываться недостаточным, приходить в упадок);

ex + facio > efficio, effēci, effectum, efficere (изготавливать, производить и еще восемь значений);

in+ facio > inficio, infēci, infectum, inficere (смешивать, пропитывать, окрашивать, заражать);

inter + facio > interficio, interfēci, interfectum, interficere (истреблять, убивать, лишать чего-то);

ob + facio > officio, offēci, offectum, officere (преграждать, препятствовать, вредить);

per + facio > perficio, perfēci, perfectum, perficere (изготавливать, обрабатывать, совершать, достигать);

prae + facio > praeficio, praefēci, praefectum, praeficere (ставить во главе, делать начальником);

pro + facio > proficio, profēci, profectum, proficere (идти вперед, достигать, приносить пользу);

re + facio > reficio, refēci, reffectum, reficere (снова делать, восстанавливать, укреплять);

sub + facio > sufficio, suffēci, suffectum, sufficere (покрывать краской, пропитывать, быть достаточным, хватать).

Согласно исследованию М. Ф. Резниковой, глаголы, сложные с facere в значении активного и пассивного залогов (с помощью форм facio и fio) насчитывают больше 90 единиц. Эти глаголы послужили основой для образования большого числа номинативной лексики с самой различной семантикой, и большинство таких лексем вошли в западноевропейские языки и через них были заимствованы и русским языком. С точки зрения современного лексического фонда медицинской латыни и медицинских интернационализмов нам важно привести в качестве примера хотя бы несколько отглагольных именных конструктов упомянутых выше глаголов:

afficio, affēci, affectum, afficere > affectus, us m (переживание, душевное волнение, аффект);

deficio, defēci, defectum, deficere > defectus, us m (недостаток, дефект);

efficio, effēci, effectum, efficere > effectus, us m (исполнение, осуществление, воздействие, эффект);

inficio, infēci, infectum, inficēre > infectio, ōnis f (инфекция, заражение);
liquefacio, liquefēci, liquefactum, ěre > liquefactio, ōnis f (разжижение).

В классической латыни получили распространение и композитные глаголы с конечным компонентом **-fīco**, восходящем к **facēre**: glorifīco, āvi, ātum, āre 1 (восхвалять), purifīco, āvi, ātum, āre, āre 1 (очищать), signifīco, āvi, ātum, āre 1 (обозначать) et cetera. В постантичное время по данной модели продолжают образовываться новые для античного лексикона глаголы, например ossifīco, āvi, ātum, āre 1 (создавать костную ткань), rectificō, āvi, ātum, āre (очищать), unifīco, āvi, ātum, āre 1 (унифицировать, придавать единую форму) et cetera. На их основе возникает и номинативная лексика, сравним:

ossifīco, āvi, ātum, āre 1 > ossificatio, ōnis f (оссификация, образование костной ткани);

rectifīco, āvi, ātum, āre 1 > rectificatio, ōnis f (ректификация, повторная дистилляция жидкостей).

Кроме участия в глагольных лексических модификациях, глагол **facēre** путем фонетико-морфологической трансформации своей первичной производящей основы послужил основой для образования большого количества словообразовательных элементов в лексике классической и постклассической латыни. Такие модифицированные терминологические элементы были изучены и систематизированы В. Ф. Новодрановой в монографии «Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии» [4]. В третьей главе этой работы «Рефлексы латинского именного словосложения в медицинской терминологии» ее автор определяет все конечные терминологические элементы, образующие композитные существительные и прилагательные, которые восходят к глаголу **facēre** [4, с. 251–261]. В монографии такие элементы обозначаются как «девербальные базисы сложных существительных» (с. 166 след.), «девербальные ономазиологические базисы» (с. 252), «ономазиологические базисы, мотивированные глаголом **facēre**» (с. 255). В. Ф. Новодранова определяет 20 таких девербальных базисных конечных терминологических элементов в составе композитных существительных и 18 — в составе композитных прилагательных [4, с. 255]. При этом автор монографии не всегда приводит пример лексики с включением такого «девербального базиса», хотя такие примеры, на наш взгляд, можно было бы разместить в виде приложения к материалу соответствующего раздела монографии, и этот материал, несомненно, был бы интересен всем лингвистам, интересующимся латынью. Поэтому мы сочли целесообразным разместить в нашей работе перечень некоторых наиболее частотных девербальных базисов, мотивированных глаголом **facēre**, и привести примеры соответствующей лексики как из указанной монографии, так из словарей общелитературной латыни И. Х. Дворецкого [2] и медицинской терминологии Р. Рудзитиса [5]. Это, на наш взгляд, позволит представить более полную картину употребления интересующей нас лексики как в античной латыни, так и в современном медицинском дискурсе.

В таблице группы наиболее продуктивных латинских девербальных базисов существительных у В. Ф. Новодрановой представлены четыре конечных терминоэлемента, образующих композитные существительные, однако в них отсутствует деривационный элемент **-fex**. С учетом того, что в своем исследовании В. Ф. Новодранова этот элемент считает одним из наиболее частотных (4-е место при наличии 18 лексем), мы посчитали целесообразным дополнить эту таблицу данным элементом. Все эти элементы придают термину значение «образование», «воздействие», «результат действия», который и включает в себе их первичный лексический элемент **facĕre**:

Латинский терминоэлемент	Пример термина	Перевод
-factio	rarefactio, ōnis f vasifactio, ōnis f	рарефакция, разрежение процесс образования нового кровеносного сосуда
-fex	artĭfex, ĭcis m opĭfex, ĭcis m	мастер, творец творец, создатель
-ficatio	classificatio, ōnis f dentificatio, ōnis f	классификация, распределение предметов или явлений по классам, группам и разрядам дентификация, образование зубов
-ficium	maleficium, i n veneficium, i n	насилие, нанесение ущерба отравление
-fĭcum	somnifĭcum, i n (sc. remedium)	снотворное (средство)
-ficus	venefĭcus, i m	отравитель

В таблице группы наиболее продуктивных латинских девербальных базисов прилагательных у В. Ф. Новодрановой представлены шесть конечных элементов со значением «действующий на что-то», «имеющий определенный образ действия», «имеющий характер образования», «придающий форму»:

Латинский терминоэлемент	Пример термина	Перевод
-faciens	liquefaciens, entis	разжижающий
-factĭvus	vasifactĭvus, a, um	стимулирующий образование новых кровеносных сосудов
-ficans	ossificans, ntis	образующий костную ткань
-ficātus	cornificātus, a, um falsificātus, a, um	ороговевший поддельный, подложный
-ficiālis	artificiālis, e	искусственный, изготовленный человеком
-fĭcus	mollifĭcus, a, um morbifĭcus, a, um opifĭcus, a, um	смягчающий болезнетворный, патогенный самостоятельно изготовленный

Нам представляется, что конечный элемент **-fīcum**, включенный в первую таблицу, было бы предпочтительнее включить во вторую таблицу в форме **-fīcus, a, um**, поскольку он формирует прилагательные типа *morbifīcus, a, um* (болезнетворный, патогенный), *somnifīcus, a, um* (снотворный) et cetera, а затем на их основе — субстантивированные прилагательные. Ведь представленное в таблице монографии в качестве примера существительное *somnifīcum, i n* (sc. *remedium*) является по существу субстантивированной формой прилагательного *somnifīcus, a, um*. Точно таким же субстантиватом является добавленное нами в таблицу существительное **venefīcus, i m**. Стоило бы включить во вторую таблицу и конечный элемент **-factus, a, um**, представленный в термине **artefactum, i n** артефакт, поскольку последний широко употребляется в медико-биологической и культурологической литературе [3, с. 89].

Таким образом, мы убедились в том, что глагол **facēre** оказался весьма продуктивным источником образования новой как глагольной, так и номинативной лексики еще в античный период латинского языка. Но и в постантичной латыни, и в наши дни он в виде модифицированных словообразовательных элементов продолжает оставаться источником и новых глаголов, и новых номинативных форм, в том числе в латинской медицинской терминологии. Думается, что подобного рода лексикологическая информация будет полезной преподавателям филологической и медицинской латыни и в аудиторной, и во внеаудиторной работе при обсуждении словообразовательных и этимологических аспектов учебного материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончарова, Н. А. Функционально-семантическая характеристика латинского глагола *facēre* (на материале классической латыни) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.14 / Н. А. Гончарова ; Киев. гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко. – Киев, 1974. – 178 с.
 2. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь: ок. 50 000 сл. / И. Х. Дворецкий. – 3-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1986. – 840 с.
 3. Толковый словарь иноязычных слов: наиболее употребительная иноязычная лексика, вошедшая в русский язык в XVIII–XX и начале XXI века: ок. 25 000 сл. и словосочетаний / авт.-сост. Л. Н. Крысин. – М. : Эксмо, 2009. – 939 с. (Б-ка словарей).
 4. Новодранова, В. Ф. Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии. *Laterculi vocum Latinarum et terminorum* : монография / В. Ф. Новодранова ; РАН, МГМСУ, Ин-т языкознания. – М. : Яз. славян. культур, 2008. – 321 с. (*Studia philologica*).
 5. Rudzitis, K. Terminologia medica : in 2 vol. / K. Rudzitis ; cur. E. Pondere. – Riga : Liesma, 1973–1977. – Vol. 2.
- Впервые опубликовано: Преподавание иностранных языков в поликультурном мире : традиции, инновации, перспективы : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию каф. иностр. яз., Минск, 23–24 марта 2023 г. / Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка ; редкол. : В. Д. Старичёнок (отв.ред.) [и др.]. – Минск : БГПУ, 2023. – С. 186–190.*

ГРЕКО-ЛАТИНСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

Пополнение лексического состава любого языка за счет иноязычных заимствований — объективный процесс, который происходит на протяжении всей истории существования языка и служит предметом пристального внимания лингвистов. В 70-х годах Институтом русского языка был задуман периодический — раз в 6–8 лет — выпуск словарей-справочников под названием «Новые слова и значения», в которых планировалось регистрировать и толковать новые лексемы, возникающие как внутри самого русского языка, так и путем заимствований. Всего вышло два таких сборника — в 1968 и 1984 гг. [5; 6]. Такого рода издания, несомненно, оказали помощь всем исследователям неологизмов и заимствований. Однако с прекращением их выпуска каждому, кто интересуется новой лексикой, приходится самому по крупицам выискивать интересующий его материал и вести свою личную картотеку.

Анализ газетных и журнальных публикаций Республики Беларусь и Российской Федерации показывает, что пополнение лексического состава русского языка иноязычными заимствованиями за последние десятилетия проходило в основном двумя путями. Первый — это адаптация лексики из германских и романских языков, причем основная масса слов здесь принадлежит, несомненно, английскому языку. Второй путь — это продолжение многовековой традиции лексико-морфологических заимствований из классических языков — древнегреческого (далее всюду греческого) и латыни. Наиболее последовательно эта традиция соблюдается в биологических и медицинских науках: в 80-е годы прошлого века, согласно данным М. Н. Чернявского [9, III, 420], в этих науках ежегодно появлялось до тысячи новых терминов, создаваемых на основе лексических и морфологических элементов, заимствованных из классических языков. Есть все основания считать, что данная тенденция сохраняется и в наши дни: это подтверждает лексический состав современных публикаций в любом медицинском издании, где встречаются специальные термины типа наркозо-респираторная аппаратура, онкопрофилактика, коррекция иммунного баланса, антибиотикорезистентность, антиоксидантный комплекс, кривбриоформно-морулярный вариант и т. п., которых еще не было в публикациях 70–80 годов. Все эти термины, как и многие другие, созданы на основе греческих и латинских лексико-морфологических элементов.

Интересно отметить, что многие профессиональные медицинские термины в последнее время нередко переходят в разряд обыденной бытовой лексики. Это происходит из-за роста встречаемости тех или иных явлений медицинского характера в повседневной реальности и соответственно расширения сферы употребления соответствующей лексики. Так, например,

расхожими стали выражения типа «Ты меня до инфаркта доведешь!», «Это же настоящая шизофрения!», «Ребенок получил большую психическую травму»; часто звучат слова аллергик, астматик, гипертоник, диабетик, инсульт, наркоман, невроз, психоз и др. Слово аллергия, например, стало обозначать особую и неспецифическую реакцию организма не только на конкретный аллергенный фактор (пыльцу, холод, шерсть животных и др.), но и на любые вещи, например: «У нее аллергия на детский сад», — говорит мать о своей дочери или: «У меня аллергия на эту программу», — говорит муж жене. Следует отметить, что термин *аллергия* (от греч. ἄλλος — другой, иной + -εργία от τὸ ἔργον — действие, деятельность) за последние десятилетия практически вытеснил термин *идиосинкразия* (от греч. ἴδιος — особый + σὺγκρασις — смешение), обозначающий практически то же понятие, что и аллергия. В связи с этим вспомним сцену из культового, как теперь говорят, фильма «Семнадцать мгновений весны», где Штирлиц на предложение Мюллера выпить водки отвечает, что у него на водку идиосинкразия. Штирлицу наших дней, несомненно, пришлось бы сказать: «У меня на водку аллергия».

За последние десятилетия появилось немало заимствований греко-латинского происхождения и в области общественно-бытовой лексики. Однако далеко не всегда такие слова, уже не один год встречающиеся в прессе и электронных средствах массовой информации, находят своевременное отражение в словарно-справочной литературе. Например, в таком авторитетном московском издании 2001 года, как «Толковый словарь иностранных слов» [4], еще не представлены следующие частотные слова последних десятилетий: конфискат, нанотехнология, нострификация, политкорректность, транспарентный, харизма и др. Учитывая то, что перечисленная лексика не представлена и во многих других словарях, считаем целесообразным дать ее этимологический анализ.

Слово *конфискат* представляет собой транслитерат латинского существительного *confiscātum*, субстантивированного причастия прошедшего времени страдательного залога *confiscātus* от глагола *confisco*, āvi, ātum, āre I — конфисковывать, изымать имущество в пользу государства (лат. *fiscus* — государственная казна). По аналогичной модели образованы от латинских глагольных основ и затем ассимилированы в русском языке транслитераты аттестат, конгломерат, концентрат, фальсификат и др.

Слово *нанотехнология* образовано путем сложения основ греческих существительных ὁ νῆνος — карлик, ἡ τέχνη — искусство, мастерство и ὁ λόγος — наука, раздел науки. В современной науке словообразовательный элемент *нано-* обозначает миллиардную часть какой-либо единицы измерения: наносекунда — миллиардная часть секунды, нанограмм — миллиардная часть грамма. Под нанотехнологиями понимают, прежде всего, технологии работы с микроскопическими объектами с помощью нанороботов, о чем, между прочим, не только составлены сюжеты многих фантасти-

ческих фильмов, — по нанотехнологиям в прошлом году в Российской Федерации, например, принята вполне реальная и конкретная программа научно-исследовательской деятельности.

Существительное *нострификация* составлено из двух латинских компонентов: *nostrī* (от *nostrum* — наше) и конечного словообразовательного элемента *-ficiatio*, производного от глагола *-fico*, употребляющегося только в роли финали сложносоставных глаголов и семантически эквивалентного глаголу *facio* — делать (ср. *purifico* — очищать, *sacrifico* — приносить в жертву) и т. п. Слово *нострификация* буквально значит «делание нашего» и обозначает процедуру признания Высшей аттестационной комиссией одной страны диплома о защите диссертации, выданного ВАКом другой страны. Это существительное образовано по словообразовательной модели, известной уже в античное время (*purificatio* — очищение, *sacrificatio* — жертвоприношение и т. п.) и получившей широкое распространение в латыни постантичного времени (*classificatio*, *falsificatio*, *qualificatio*, *stratificatio* и др.).

Слово *политкорректность*, которое употребляется главным образом в СМИ, имеет значение не «политическая корректность», как кажется на первый взгляд, исходя из наших привычных понятий *политрук*, *политинформация* или даже недавно появившихся понятий *политтехнология* и *политтехнолог*. Данный термин обозначает способ социального поведения или общения, при котором стремятся избегать всего, что может быть оскорбительным для тех или иных лиц по признаку расы, пола, религии, возраста и других личностных или социальных признаков данной личности. Значение морфемы *полит-* в данном случае кажется не адекватным смыслу, заключенному в понятии «политика» (греч. *πολιτικός* — гражданский, государственный, общественный) и представленного в привычных заимствованиях, приведенных выше. Поэтому данную морфему в слове *политкорректность*, как кажется, можно было бы связать с английским прилагательным *polite* — вежливый, обходительный и, исходя из такой семантики, попытаться связать ее с греческим прилагательным *πολίτης* — городской, образованный (сравним латинское прилагательное *urbanus*, имеющее значение не только «городской», но и «вежливый», и «культурный»). Однако сходные лексические параллели не всегда родственны генетически: английское *polite* — вежливый, обходительный, оказывается, происходит не от греческого *πολίτης*, а от латинского *polītus* — *отшлифованный, утонченный* [16]. В современном английском есть также слова *politic* — разумный, обдуманный и *political* — политический. Поэтому при столь значительном диапазоне семантики заимствований, связанных этимологически с античными морфемами *полит-*, *политик-*, *polit-* в английском языке, следует тщательно присмотреться, в форме какой морфемы (греческой или латинской) выступает английская морфема в эквиваленте русского слова «политкорректность». Здесь, по данным англо-русского словаря В. К. Мюллера [11], возможны два лексических варианта: *political correctness* и *politically correct*. И тут неожиданно

выясняется, что в английском варианте употребляется тот греческий этимон (πολιτικός), которому с точки зрения семантики и этимологии нет места в русском эквиваленте, но который в английском эквиваленте интересующего нас выражения изменил свою семантику и приобрел этический смысл. Таковы, как видим, бывают этимологические лабиринты, сквозь которые необходимо пробираться исследователю, чтобы проследить путь античных заимствований в современных языках. К счастью, этот путь не всегда столь извилист и сложен: и в английских, и в русских эквивалентах исследуемого нами выражения без особых затруднений определяются латинские истоки слов correct, correctness и корректность: это причастие прошедшего времени *correctus* от глагола *corrigo, correxī, correctum, ёге* — исправлять.

Слово *транспарентный* в наши дни обычно связывают со словом *выборы*. Это прилагательное восходит к средневековой латыни, где оно выступает как причастие *transpārens* от глагола *transpareo, transparēre* — быть прозрачным. Затем через французский язык (*transparent*) оно было заимствовано в русский в форме существительного *транспарант*, и только сравнительно недавно, уже через английский (*transparent*), появилось в форме прилагательного *транспарентный* — открытый для наблюдения.

Существительное *харизма* и производное от него прилагательное *харизматический* (*харизматичный*) пришли к нам из греческого языка, где существительное τὸ χάρισμα имело значение «дар», «милость», и прежде всего по отношению к человеку, которого боги наделяют и одаривают этими милостями. В наши дни слово *харизма* употребляется в значении «особая одаренность и привлекательность» и употребляется по отношению к лицам, претендующим на лидерство в общественной деятельности. Так, для политика быть харизматичным лидером или обладать харизмой — значит обладать суммой внутренних и внешних качеств, которыми можно легко привлекать массы.

Немало слов, полузабытых в советский период нашей истории, возвращаются в последние десятилетия в общеупотребительный лексикон. Среди них, например, такие слова как *апатриды, инаугурация, ипотека, мартиролог, субсидии*.

Апатридами (греч. приставка ἀ-, ἀν — отсутствие + ἡ πατρίς, πατρίδος — родина) в наше время называют лиц без гражданства. К таковым, например, относятся многие лица некоренной национальности, оставшиеся жить после распада Советского Союза в странах Балтии.

Инаугурация — это торжественная церемония вступления в должность нового президента страны. Данное слово происходит от латинского существительного *inauguratio*, первоначально обозначавшего церемонию присвоения римскому царю (до республиканского периода) полномочий жреца-авгура, название которого восходит к словам *aves gerere* «вести птиц», т. е. освящать и одобрять начало какого-то значимого события гаданием по полету жертвенных птиц [1, 443].

Ипотека (от греч. ἡ ὑποθήκη — залог, заклад) — денежная ссуда, выдаваемая банком под залог недвижимого имущества. Общий греческий морфемный элемент -тека (ἡθήκη — букв. вместилище, хранилище) четко прослеживается в таких, казалось бы, далеких друг от друга по смыслу понятиях, как аптека, дискотека, картотека, пинакотека, ипотека и др.

Слово *мартиролог* (от греч. ὁ μάρτυς, μάρτυρος — мученик + ὁ λόγος — слово) в средние века имело значение «список христианских мучеников». В прошлом веке его стали понимать, как список (перечень) лиц, погибших в результате репрессий сталинского и фашистского режимов.

Словом *субсидия* или чаще во множественном числе *субсидии* (от латинского существительного subsidium — поддержка, помощь) называется денежная или иная помощь государства каким-то лицам или учреждениям.

Интересно отметить, что в разговорном языке нередко возникают своеобразные гибриды из основ русских и греческих слов. Например, в ряду достаточно серьезных по смыслу понятий криотрон, плазмотрон, синхрофазотрон, где финаль -трон восходит к греческому существительному ὁ θρόνος — кресло, сидение, трон, затем (научн.) установка, приспособление появляется слово *лохотрон*, т. е. способ вытряхивать деньги из лохов (наивных простачков). Вслед за словами *аргонавт*, *акванавт*, *космонавт* появляется иронический неологизм *алконавт* с понятным для всех значением. Среди огромного количества слов с конечным элементом *-логия* появляется презрительно-ироническое слово *трепология*, т. е. пустая болтовня, рядящаяся в тогу наукообразности.

Продолжается процесс перехода прилагательных с некоторыми продуктивными в словообразовательном отношении латинскими суффиксами в разряд существительных. Процессу такой субстантивации, в частности, активно подвергаются заимствованные через французский язык или непосредственно из латыни прилагательные с суффиксом *-al-*, причем такие субстантивированные прилагательные могут иметь значение или действующего лица, или места (приспособления) приспособления для выполнения действия. При этом некоторые из таких субстантиватов, обозначающих действующие лица, могут возникать и с морфологическим приращением в виде приставки *не-*, ср.:

Латинское прилагательное	Русский эквивалент	Субстантивированное существительное
astralis	астральный	астрал
bisexualis	бисексуальный	бисексуал
extremalis	экстремальный	экстремал
marginalis	маргинальный	маргинал
portalis	портальный	портал
terminalis	терминальный	терминал
legalis	легальный	нелегал
formalis	формальный	неформал

Обращает на себя внимание семантическая и морфологическая продуктивность данной системы пополнения лексики русского языка на базе латинских и новолатинских прилагательных. Если в начале 70-х годов в словарно-справочной литературе фиксировалось около 60 подобных заимствований [5, 444–445], то в наши дни таковых во много раз больше. При этом внутри данной группы заимствований можно выделить несколько семантических подгрупп. Первая из них включает названия лиц с какими-то характерными особенностями (либерал, маргинал, провинциал, профессионал). Вторая объединяет названия терминов различных наук (ареал, астрал, дифференциал, номинал). Третья подгруппа включает названия объектов (минерал, квартал, материал, мемориал). Четвертая включает названия собирательного свойства (криминал, официал, персонал, трибунал). Интересно отметить, что внутри некоторых указанных подгрупп наблюдается дифференциация морфологии и семантики одних и тех же существительных, что свидетельствует о продуктивности и развитии данной модели словообразования, ср.: «Оригинал этого издания стал библиографической редкостью» и «Он — большой оригинал»; «Этот человек — универсал» и «Этот универсал Стефана Батория можно найти в отделе рукописей». Или сравним употребление слова *радикал* в математике, химии и социально-политической сфере. Бывают случаи, когда субстантивированное прилагательное выступает в форме и мужского, и женского рода, например, финал (конец действия) и финаль (конечный элемент слова), но чаще всего такие субстантиванты выступают только в форме мужского (мануал, оригинал, портал, универсал) или только женского рода (вертикаль, диагональ, магистраль, пастораль, спираль).

Отмечается и такое интересное явление, когда некоторые суффиксы, восходящие к латинским или греческим прототипам, присоединяются к корням исконно русских слов. Например, в ряду латинизмов аспирант, конкурсант, лаборант, симулянт, фигурант появляются слова интересант, подписант, покупант, продавант, пресмыкант и др. Или же в ряду слов, содержащих латинский модифицированный суффикс -бель- (из лат. -bilis), — комфортабельный, операбельный, транспортабельный — начинают встречаться такие слова как носибельный, продавабельный, читабельный и др. Больше всего в этом плане можно сказать о суффиксе греческого происхождения -ист-, который через посредство латинского и французского языков вошел в состав заимствований в русский язык, не только сохранив свою первичную семантику *nominis agentis* (*баллетрист, маринист, планерист*), но и в сотни раз превзойдя свои античные этимоны по количеству лексем [8, 360–363]. Он прекрасно прижился в русском языке, расширил свою семантику и теперь с его участием рождаются все новые и новые слова: наряду с официально-нейтральными названиями (*особист, протоколист, резервист*), обозначениями рода занятий (*таксист, программист, шахматист*) или принадлежности к какой-то социальной группе (*антиглобалист, реци-*

дивист, социалист) появляется много эмоционально окрашенной лексики типа *аккуратист, дофенист, пофигист, приколист* и др.

Нередко в словах иностранного происхождения так называемая народная этимология усматривает какой-то вроде бы знакомый лексический элемент и привязывает к нему смысл всего слова. Так, список платежей за коммунальные услуги называется *жировка*, и многие граждане увязывают этот термин со словом *жир*, не особо вникая в его настоящую этимологию. А между тем слово *жировка* — это обрусевший вариант итальянского финансового термина *giro*, обозначающего денежный оборот или обращение и восходящего к греческому существительному ὁ ὕβρος — круг, окружность, затем круговорот [12, 653].

К сожалению, иногда и в словарно-справочной литературе встречаются ошибочные толкования этимологии заимствованных слов. Например, в упомянутом выше «Толковом словаре иноязычных слов» при толковании этимологии и значения слова *симпозион* говорится, что это слово буквально значит «соположение» [4, 640]. Однако автор этого толкования ошибается, так как греческое слово *συμπόσιον* переводится как *совместная выпивка*, в котором приставка *συμ-* имеет значение «совместное действие», а *-πόσιον* этимологически и семантически идентично существительному *ἡ πόσις* — *питье, попойка* [13, 1658]. Очевидно, что в данном случае вместо греческого этимона *πόσις* использовали слегка похожую на него по форме и смыслу латинскую лексему *positio* — *расположение, положение*.

В «Этимологическом словаре русского языка» под редакцией Н. М. Шанского при толковании слова «авгур» вторую его часть *-гур* связывают с морфемой *-gur*, подразумевая часть латинского слова *gurgulio* со значением «горло, глотка, гортань» [10, I, 27]. Однако, учитывая значение слова «авгур», его часть *-гур*, несомненно, предпочтительнее связать не с указанной частью тела жертвенных птиц (*avis*), а со словом *gerere* — *вести, провожать взглядом, наблюдать*, тем более, что имеются свидетельства того, что первоначально латинское слово *augur* имело форму *auger* [1, 43]. И если ошибки этимологического плана допускают авторы таких солидных лингвистических изданий, то в публикациях научно-популярного или учебно-справочного характера подобного рода ошибок можно встретить намного больше. Вот перед нами книга А. Г. Ильяхова «Античные корни русского языка. Этимологический словарь», изданная в Ростове известным издательством «Феникс» [3], которая пестрит ошибками культурно-исторического и лингво-этимологического характера. Например, на странице 21 нам сообщают, что в Древней Греции слово *altaria* означало «возвышение, используемое для жертвоприношений», хотя это чисто латинское слово, производное от прилагательного *altus* — *высокий* [15, 110]. На странице 23 читаем, что название первой буквы греческого алфавита «альфа» в переводе с греческого означает «честь», хотя этому противоречат данные всех лексиконов греческого языка. На странице 29 нам объясняют, что происхождение слова

апелляция своими конями уходит в Древнюю Спарту, где существовал «высший орган судебно-исполнительной власти *Apella*, или «Народный возглас», хотя слово *apellatio* чисто латинское и буквально значит «обращение с речью». В Спарте же слово ἡ ἀπέλλα обозначало то же, что в Афинах ἡ ἐκκλησία, то есть народное собрание [14, I, 120].

На первый взгляд, вышедший недавно в свет «Краткий толковый словарь медицинских терминов» [7] мог бы претендовать на роль авторитетного учебно-справочного издания хотя бы внушительным списком использованной литературы и теми действительно актуальными задачами, которые декларируются во «Введении» к этому словарю. Но, как говорится, дьявол кроется в деталях, а именно в них авторы данного издания неоднократно демонстрируют ошибочность своих утверждений. Уже в этом «Введении» на странице 6 нам сообщают, что о римских врачах Тиберии и Нероне, хотя в историю под этими именами вошли только римские императоры I века нашей эры, но не врачи. Затем на странице 13 читаем, что слово *asistens* (ассистент) происходит от латинской приставки *as-* (вариант приставки *ad-*) со значением «около, возле» и глагола *sum, esse* — быть, присутствовать. На самом же деле часть *-sistens* — это причастие настоящего времени от глагола *sisto, sistere* со значением «становиться», «останавливаться», и в целом слово *assistens* обозначает буквально «стоящий или находящийся рядом». На странице 28 читаем, что слово манипуляция (*manipulatio*) произошло от латинского *manus* (рука, а точнее — кисть руки) и греческого глагола *pello*. Однако на самом деле слово *manipulatio* — производное от слова *manipūlus* (варианты *maniplus, manipulus, manipellus*), вторую часть которого составляет морфема, производная от глагола *pleo, plēre* — наполнять [15, 1073–1074]. На странице 36 находим, что слово теория произошло от греческого слова *theos* — бог + финаль *-ia*. Но, согласно данным этимологических словарей, греческое существительное ἡ θεωρία, несомненный этимон нашего слова *теория*, связано со словами ὁ θεωρός — наблюдатель и глаголом *θεωρέω* — смотреть, рассматривать.

Давно подмечено: получить объективные комментарии об античном мире можно только в том случае, если комментатор — филолог-классик, а не дилетант, получающий информацию из вторых, а то и из третьих рук. Для Республики Беларусь, в которой уже более 15 лет существует отечественный центр подготовки филологов-классиков, пора получать научно-популярные и одновременно научно достоверные источники информации об античности от своих специалистов-античников, не полагаясь на сомнительные поделки вроде работы А. Г. Ильяхова. И первым шагом в этом направлении должна стать подготовка к печати работы, посвященной античному наследию в нашей речи, — работы, которая стала бы настольной книгой для лингвистов, журналистов и представителей многих других специальностей. В частности, это мог бы быть, например, словарь-справочник, подобный книге «Латинское наследие в русском языке», изданный

в Москве в 2002 г. [2]. Этимология слов интересует практически каждого, кто умеет читать, поэтому выход в свет уже не статьи, не брошюры, а весомой книги стало бы важной вехой в творческой деятельности наших отечественных филологов-классиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Велишский, Ф. Ф.* Быт греков и римлян / Ф. Ф. Велишский ; пер. с чеш. И. Я. Ростовцева. – Прага : Тип. И. Мелиткий и Новак, 1878. – XVI. – 670 с.
 2. *Латинское наследие в русском языке : слов.-справ. / авт.-сост. : А. И. Воронков, Л. А. Поняева, Л. М. Попова.* – М. : Флинта ; Наука, 2002. – 429 с.
 3. *Античные корни русского языка : этимол. слов. / авт.-сост. А. Г. Ильяхов.* – Ростов на Дону. – 2006. – 317 с. (Серия «Словари»).
 4. *Толковый словарь иноязычных слов: наиболее употребительная иноязычная лексика, вошедшая в русский язык в XVIII–XX и начале XXI века: ок. 25 000 сл. и словосочетаний / авт.-сост. Л. Н. Крысин.* – М. : Эксмо, 2009. – 939 с. (Б-ка словарей).
 5. *Новые слова и значения : слов.-справ. по материалам прессы и лит. 60-х гг. / АН СССР, Ин-т рус. яз. – 2-е изд., стер. – М. : Сов. энцикл., 1973. – 543 с.*
 6. *Новые слова и значения : слов.-справ. по материалам прессы и лит. 70-х гг. / Е. А. Левашов [и др.].* – М. : Рус. яз., 1984. – 804 с.
 7. *Радзевич, А. Э.* Краткий толковый словарь медицинских терминов / А. Э. Радзевич, Ю. А. Куликов, Е. В. Гостева. – М. : МЕДпресс-информ, 2004. – 367 с.
 8. *Раевская, Н. Л.* Древнегреческий суффикс -ιστ- в историко-лингвистической диахронии / Н. Л. Раевская, А. З. Цисык // ΣΤΕΦΑΝΟΣ : сб. науч. тр. – М. : РосНОУ, 2005. – С. 360–363.
 9. *Чернявский, М. Н.* Краткий очерк истории и проблем упорядочения медицинской терминологии / М. Н. Чернявский // Энциклопедический словарь медицинских терминов: ок. 60 000 терминов : в 3 т. / гл. ред. Б. В. Петровский. – М. : Сов. энцикл., 1984. – Т. 3 : Рабдитозы-Ящур. – С. 410–425.
 10. *Этимологический словарь русского языка : в 2 т. / МГУ, Филол. ф-тет ; авт.-сост. Н. М. Шанский.* – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1963. – Т. 1, Вып. 1 : А. – 196 с.
 11. *Мюллер, В. К.* Новый англо-русский словарь: ок. 200 000 сл. и словосочетаний / В. К. Мюллер. – 12-е изд., стер. – М. : Рус. яз.-Медиа, 2005. – 945 с.
 12. *Nuovo Campanini Carboni Vocabulario latino-Italiano, Italiano-Latino.* – Torino : Paravia, 1993. – 2240 p.
 13. *A Greek-English Lexicon / comp. by H. G. Liddell, R. Scott.* – 9th ed. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1968. – 2242 p.
 14. *Frisk, H.* Griechisches etymologisches Wörterbuch : in 3 Bd. / H. Frisk. – Heidelberg : Carl Winter Univ. Verl., 1960–1972. – Bd. 3.
 15. *Oxford Latin Dictionary / comp. by Clare P. G. W.* – Oxford : Oxford Univ. Press, 1968. – XXIII + 2126 p.
 16. *Online Etymology Dictionary / ed. D. Harper.* – 2001. – URL: <https://www.etymonline.com> (date of access: 02.05.2025).
- Впервые опубликовано: Studia philologica : сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т ; под ред. Г. И. Шевченко, К. А. Тананушко ; редкол. : А. В. Гарник [и др.]. – Минск : БГМУ, 2009. – Вып. 7. – С. 75–84.*

ГРЕЧЕСКИЕ ИЗОСЕМАНТИЧЕСКИЕ ЛЕКСЕМЫ В МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Древнегреческий язык (далее — греческий), как известно, составляет основу профессиональной медицинской лексики и является неисчерпаемым источником ее пополнения. Несмотря на то, что теоретическое осмысление закономерностей использования греческой лексики и ее морфологических элементов в образовании медицинских терминов насчитывает уже не одно десятилетие, остается еще немало неисследованных вопросов. В частности, еще не полностью изучены и систематизированы функционально-семантические аспекты употребления греческой лексики в процессе образования медицинских и, в частности, клинических терминов. В учебной литературе такие вопросы подробно тоже не рассматриваются. Поэтому наше исследование мы посвящаем одному из таких аспектов терминообразования, который касается использования греческих изосемантических лексем в клинической и фармацевтической терминологии.

Термин «изосемантический» (от греч. *ísos* — одинаковый, равный и греч. *semantikós* — значимый, обозначающий) мы применяем к тем греческим лексемам, которые, при различном буквенном составе, обладают практически аналогичным значением. В пределах данной работы мы рассмотрим ряд подобных лексических групп, обнаруженных в результате анализа медицинской лексики в словаре Д. Арнаудова [1], в котором приводятся также греческие этимоны терминов, составленных на основе греческих морфем, а также в других словарях медицинской терминологии [6; 7]. Рассмотрим анализируемую лексику в алфавитном порядке.

1. Лексика со значением «боль». Сюда входят лексемы **álgos** и **odýne**. Первая лексема употребляется только в виде конечного терминоэлемента (далее — ТЭ) со значением «боль, ощущение боли»:

neuralgia (невралгия, боль по ходу ствола нерва);

odontalgia (одонталгия, зубная боль).

Эта же лексема употребляется в фармацевтической лексике в термине «анальгетики» («обезболивающие средства») и в названиях анальгетиков: analginum (анальгин), pentalginum (пенталгин).

Вторая лексема в качестве начального ТЭ встречается только в трех терминах, например, odynophagia (одинофагия, боль при глотании). В остальных случаях она используется в качестве конечного ТЭ со значением «боль, ощущение боли»:

cheilodynia (хейлодиния, боль в губе);

chondrodynia (хондродиния, боль в хряще).

Конечные ТЭ **-algia** и **-odynia** могут иногда употребляться как изосемантические словообразовательные элементы (chondrodynia = chondralgia), однако стопроцентной взаимозаменяемости здесь не наблюдается.

2. Лексика со значением «большой, увеличенный по размеру». С таким значением употребляются две лексемы: прилагательные **macrós** (три родовые формы — *macrós, macrá, macrón*) и **mégas** (родовые формы — *mégas, megále, mèga*). Обе они употребляются в роли начальных ТЭ **macr-**, **megal-** (основа формы *mégas*) или **mega-** (именительный падеж формы среднего рода):

macroglossia (макроглоссия, увеличенные размеры языка);

megalosplenia (мегалоспления, увеличенные размеры селезенки);

megacolon (мегаколон, расширение и утолщение стенок ободочной кишки).

Основа **mégal-** может употребляться и в качестве конечного ТЭ:

hepatomegalia (гепатомегалия, увеличенные размеры печени);

pernephromegalia (нефромегалия, увеличенные размеры почки).

В некоторых случаях начальный ТЭ **macr-** и конечный ТЭ **megal-** участвуют в образовании абсолютно одинаковых по значению терминов, ср.:

macroccephalia = *megaloccephalia* (макроцефалия, мегалоцефалия, аномальное увеличение черепа);

macropsia = *megalopsia* (макропсия, мегалопсия, зрительное восприятие предметов в увеличенном виде).

Наконец, ТЭ **megal-** может употребляться иногда в качестве и начального, и конечного ТЭ в изосемантических терминах, ср.: *megalosplenia* = *splenomegalia* (мегалоспления, спленомегалия, увеличенные размеры селезенки).

3. Лексика со значением «жар, повышенная температура, лихорадка». Термины с таким значением образуются с помощью пяти греческих лексем-существительных: 1) **pyr, pyrós** (жар, жара, огонь); 2) производного от руг существительного **pyretós** с теми же значениями; 3) **phlégma** (огонь, пламя); 4) производного от *phlégma* существительного **phlegmoné** (жар, воспаление); 5) **phlox, phlogós** (пламя).

Морфема **pyr-** используется всего в нескольких клинических терминах:

pyrexia (пирексия, лихорадочное состояние);

pyrogenes (пирогенный, повышающий температуру);

pyrotherapia (пиротерапия, лечение при помощи искусственного повышения температуры).

Чаще данная морфема используется в фармацевтике в названиях медицинских препаратов-жаропонижающих: *pyrazidolum* (пиразидол), *pyriditolum* (пиридитол), *pyromecainum* (пиромекаин) etc. В современных справочниках лекарственных средств, в частности, в известном справочнике М. Д. Машковского [4] мы находим около 50 таких названий.

Морфема **pyret-** используется в двух клинических терминах (*pyreticus*, относящийся к повышенной температуре); *pyretotherapia* = *pyrotherapia* (см. выше). Встречается она также в фармацевтических терминах *pyretica* (средства, повышающие температуру) и *antipyretica* (средства, понижающие температуру).

Морфема **phlégma**- встречается только в одном термине — phlegmasia (флегмазия, острое воспаление, сопровождающееся повышением температуры).

Существительное phlegmone используется как клинический термин *флегмона* со значением «острое воспаление рыхлой соединительной ткани», а морфема phlegmon- в прилагательном phlegmonosus (относящийся к флегмоне).

Основа существительного **phlox, phlogós** используется в трех клинических терминах: phlogogenes (вызывающий воспаление), phlogisticus (воспалительный), phlogosis (воспаление). Эта же основа используется в фармацевтическом термине antiphlogistica (противовоспалительные средства).

4. Лексика со значением «жир». В данном значении используются существительные **lípos** и **stear, stéatos**.

Морфема **lip**- встречается только в качестве начального ТЭ в 11 терминах, например, в терминах lipida (липиды, букв. жироподобные, органические вещества, сходные по своим физико-химическим свойствам), lipoida (липоиды, общее название жироподобных веществ природного происхождения), lipoma (липома, опухоль из жировой ткани), lipomatosis (липоматоз, множественные липомы), lipuria (липурия, выделение жиров с мочой).

Морфема **steat**- встречается только в качестве начального ТЭ в 4 терминах, например, steatoma (стеатома, жировая опухоль или жировая киста), steatosis (стеатоз, жировая дегенерация).

5. Лексика со значением «заболевание, болезнь». В данном значении используются существительные **nósos** и **páthos**.

Морфема **nos**- в качестве начального ТЭ употребляется всего в пяти терминах, из которых самыми употребительными являются слова nosocomialis (нозокомиальный, больничный, относящийся к больнице) и nosologia (нозология, учение о формах и классификации болезней). В качестве конечного ТЭ эта морфема встречается в нескольких терминах, из которых самым частотным является термин zoonosis (зооноз, инфекционная болезнь, передающаяся от животных человеку).

Лексема **pathos** обладает весьма широким семантическим полем, в котором, судя по словарю древнегреческого языка И. Дворецкого [2, 1216–1217], значение «болезнь, заболевание» занимает только седьмое место. Тем не менее, подавляющее количество терминов (больше 50) с этим значением образуются именно с морфемой **path**-, выступающей в сочетании с окончанием **-ia** в роли конечного ТЭ: cardiopathia (кардиопатия, заболевание сердца), nephropathia (нефропатия, заболевание почек) etc.

В качестве начального ТЭ морфема **path**- выступает в 11 терминах, из которых наиболее употребительными являются термины pathogenesis (патогенез, происхождение и развитие болезни) и pathologia (патология, раздел медицины, посвященный изучению болезненных процессов в организме, а также значение «отступление от нормы»).

6. Лексика со значением «камень, каменистое образование». В данном значении используются морфемы двух существительных: **lithos** и **pétra**.

Морфема **lith-** в качестве начального ТЭ употребляется в 6 терминах, из которых самыми известными являются lithiasis (литиаз, камнеобразование) и lithotripsy (литотрипсия, камнедробление). В качестве конечного ТЭ **-lithus** она употребляется в названиях конкрементов:

enterolithus (энтеролит, кишечный конкремент);
nephrolithus (нефролит, почечный конкремент).

Морфема **petr-** употребляется только в двух терминах: petrificatio (петрификация, окаменение) и petrosus, a, um каменистый.

7. Лексика со значением «семя, сперма». В данном значении используются морфемы двух существительных: **gónos** и **spérma**.

Морфема **gon-** (вместе с соединительным гласным -o-) употребляется всего в 5 терминах, самыми известными из которых являются Gonococcus (гонококк) и gonorrhoea (гонорея, букв. истечение семени, инфекционное заболевание мочеполовых органов).

Морфемы **sperm-**, **spermat-** употребляются в 11 терминах, например, spermovium (спермовий, оплодотворенная клетка), spermatogenesis (сперматогенез, процесс образования и развития сперматозоидов).

8. Лексика со значением «сила». В данном значении используются морфемы двух существительных: **dýnamis** и **sthenós**.

Морфема **dynam-** используется в качестве начального ТЭ всего в нескольких терминах, например:

dynamometria (динамометрия, измерение мышечной силы с помощью специальных приборов);

dynamographium (динамограф, прибор для графической регистрации мышечной силы).

Столько же терминов, в которых используется конечный ТЭ **-dynamia**, например:

adynamia (адинамия, бессилие, общая слабость);

hypodynamia (гиподинамия, понижение силы).

Морфема **sthen-** в качестве самостоятельного начального ТЭ используется редко, например, в термине hyposthenuria (гипостенурия, выделение мочи постоянно низкого удельного веса — признак нарушения концентрационной способности почек). В этом качестве она выступает чаще в сочетании с приставкой **a-** в виде **asthen-** в значении «отсутствие силы» в 8 терминах, например:

asthenia = adynamia (астения, адинамия, бессилие, общая слабость);

asthenopia (астенопия, слабость зрения).

Этот же формант может употребляться в качестве конечного ТЭ с тем же значением:

myasthenia (миастения, мышечная слабость);

neurasthenia (неврастения, нервная слабость).

9. Лексика со значением «слюна». В данном значении используются морфемы существительных **ptyálon** и **síalon** в качестве начальных и конечных ТЭ.

Морфема **ptyal-** в роли начального ТЭ используется в 13 терминах, например:

ptyaloccele (птиалоцеле, киста, содержащая слюну);

ptyalolithotomia (птиалолитотомия, удаление камня из слюнной железы).

Термины с конечным ТЭ **-ptyalia** в учебной и справочной литературе последнего времени практически не встречаются [3; 5]. В роли инфикса ТЭ **ptyal** встречается в термине **hypoptyalismus = oligoptyalismus** (гипоптиализм, олигоптиализм, пониженное выделение слюны). В целом можно отметить, что в значении «слюна» чаще всего используется ТЭ **sial-** как в роли начальных, так и конечных ТЭ, например:

asialia (асиалия, прекращение выделения слюны) ;

sialolithus (сиалолит, конкремент слюнной железы).

Можно отметить, что термины с ТЭ **sial-** выступают в роли синонимов терминов с ТЭ **-ptyal**, ср.: **oligoptyalismus = hypoptyalismus = oligosialia** (олигоптиализм, гипоптиализм, олигосиалия, пониженное выделение слюны).

10. Лексика со значением «сознание, ум». В данном значении используются морфемы существительных **nus**, **noós**, **phren** и **psyché**.

Морфема **noo-** в качестве начального ТЭ в клинической терминологии встречается только в термине **noopsyche** (ноопсихе, умственная деятельность) и в фармацевтических терминах **nootrópa seu remedia nootrópa** — ноотропы или ноотропные средства (средства, улучшающие умственные способности). В несколько измененном виде данная морфема представлена в термине **paranoía** (паранойя, умопомешательство, разновидность психоза).

Морфема **phren** в качестве начального ТЭ употребляется в 7 терминах, в которых, кроме значения «ум», она может иметь значение «мозг» (как анатомический орган), например: **phrenasthenia** (френастения, слабость ума), но: **phrenitis** (френит, воспаление мозга).

В качестве конечного ТЭ **-phrenia** данная морфема встречается в нескольких терминах, из которых самыми известными являются **oligophrenia** (олигофрения, слабоумие) и **schizophrenia** (шизофрения, вид психического заболевания, букв.: расщепление ума).

Морфема **phren-** имеет и второе значение «перегородка, диафрагма», употребляющееся в анатомических терминах. Собственно говоря, это и есть основное значение лексемы **phren**, а значение «ум» является вторичным, поскольку древние греки полагали первоначально, что ум человека локализуется в грудобрюшной перегородке [2, с. 1746]. Поэтому в дальнейшем использование данной лексемы в терминах, обозначающих психические процессы и умственную сферу человека, и особенно отклонения от нормы в этой сфере, было ограничено, в том числе и в постантичное время, когда собственно и создавались термины с данным семантическим полем. В этом

плане львиную долю таких терминів заняли форманти с морфемой **psych-** в роли начального ТЭ, обозначающие умственно-психическую сферу человека и отклонения в ее функционировании; *psychologia* (психология, наука о нормальной психической деятельности) *psychasthenia* (психастения, неуравновешенность и неустойчивость психических процессов); *psychosis* (психоз, выраженное расстройство психической деятельности).

Представленный список греческих морфем — семантических дублетов является далеко не полным, и исследования в этой области могут быть продолжены. Они могут быть использованы как в учебной работе, так и в теоретическом и прикладном терминоведении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Медицинская терминология на пяти языках: Latinum, Русский, English, Francais, Deutch* / авт.-сост. Г. Д. Арнаудов. — София : Медицина и физкультура, 1964. — XXIV. — 1029 с.
 2. *Дворецкий, И. Х. Древнегреческо-русский словарь: ок. 70 000 сл. : в 2 т. / И. Х. Дворецкий. — М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. — Т. 2.*
 3. *Латинська мова для студентів стоматологічних факультетів = Lingua Latina ad usum stomatologiae studentium : підручник / О. М. Беляєва, В. Г. Синиця, Л. Ю. Смольська, М. І. Гуцол ; за заг. ред. О. М. Беляєвої. — Київ : Медицина, 2015. — 496 с.*
 4. *Машковский, М. Д. Лекарственные средства / М. Д. Машковский. — 16-е изд., перераб., испр. и доп. — М. : Новая волна, 2011. — 1216 с.*
 5. *Нечай, М. Н. Латинский язык и стоматологическая терминология : учеб. пособие для студентов стом. ф-тов вузов. — Тюмень : Печатник, 2010. — 256 с.*
 6. *Латинско-русско-латышский словарь медицинских терминов : в 2 т. / авт.-сост. К. Рудзитис. — Рига : Лиесма, 1973–1977. — 2 т.*
 7. *Энциклопедический словарь медицинских терминов: ок. 60 000 терминов : в 3 т. / гл. ред. Б. В. Петровский. — М. : Сов. энцикл., 1982–1984. — 3 т.*
- Впервые опубликовано: Актуальні питання лінгвістики, професійної лінгводидактики, психології і педагогіки вищої школи : зб. ст. I Всеукр. наук.-практ. конф. з міжнар. участю, Полтава, 11–12 трав. 2016 р. / ВДНЗУ «Українська медична стоматологічна академія» [та ін.]. — Харків : ТОВ «Тім Пабліш Груп», 2016. — С. 255–261.*

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ СУФФИКС **-ιστ-** В ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ДИАХРОНИИ

В любом европейском языке немало древнегреческих заимствований, причем некоторые из них уже воспринимаются как исконно национальные языковые элементы. В частности, и в романских, и в германских и в славянских языках встречается суффикс **-ist-** / **-ист-**, который обычно выводят от аналогичного суффикса во французском языке [1]. Однако в специальных исследованиях по словообразованию уточняется, что данный суффикс имеет греческое происхождение [2].

Суффикс *-ιστ-* в древнегреческом языке встречается исключительно у существительных мужского рода группы *nomina agentis*: *ἀνδροποδιστής* (похититель людей), *γεφυριστής* (насмешник), *καρματιστής* (меняла).

Большинство таких слов являются дериватами глаголов на *-ίζω*, ср.: *βαπτίζω* (крестить) > *βαπτιστής* (креститель); *καλλωπιστίζω* (разукрашивать) > *καλλωπιστής* (щеголь); *σοφίζομαι* (размышлять, мудрствовать) > *σοφιστής* (мудрец, учитель философии).

Встречаются, однако, и отыменные дериваты, не имеющие глагольных соответствий: *ἀσπιστής* (воин-щитоносец) < *ἀπίς*, *ἶδος* (щит, шеренга воинов); *γραμματιστής* (секретарь, преподаватель грамоты) < *γράμμα*, *ατος* (буква); *ἐλεφαντιστής* (вожатый слонов) < *ἐλέφας*, *αντος* (слон).

В словаре древнегреческого языка И. Х. Дворецкого [3] мы находим около 60 лексем с суффиксом *-ιστ-*. Столь сравнительно немногочисленное количество лексем подобного рода при общем количестве 70 000 слов, представленных в данном словаре, по-видимому, позволяет лингвистам не выделять суффикс *-ιστ-* (или *-ιστη-*) как продуктивный по сравнению с другими суффиксами группы *nomina agentis*: ни в одном из отечественных учебников древнегреческого языка он не отмечен в группе суффиксов данной семантической группы. Нам, однако, представляется, что с учетом той словообразовательной продуктивности, которую данный суффикс приобрел в европейских языках в постантичное время, он должен быть представлен в каждом таком учебнике, к тому же с соответствующим комментарием.

Древнегреческие существительные с финалью *-ιστής* при переходе в латинский язык получали морфологическое оформление с финалью *-ista*, ср.:

ἀντισσοφιστής > *antisophista* (выступающий против софистов);

γραμματιστής > *grammatista* (учитель грамоты);

κιθαριστής > *citharista* (кифаред);

φλακιστής > *philacista* (охранник).

Интересно и то, что, судя по словарю И. Х. Дворецкого, в латинский лексикон античного периода вошло всего 10 лексем из группы греческих существительных на *-ιστής*: *antisophista*, *citharista*, *euangelista*, *grammatista*, *gymnosophista*, *philacista*, *psalmista*, *salpista*, *sophista*, *spaerista*. Такая ограниченность данного рода лексики в латыни, включая позднюю античность, на первый взгляд, мало объясняет активное заимствование суффикса *-ist-* романскими и германскими языками. Попробуем все же проследить закономерности этого заимствования.

Раньше и активнее всего суффикс *-ist-* проникает во французский язык. Этому, по утверждению Н. М. Штейнберг [5], способствовало широкое распространение данного суффикса в церковной латыни в словах, обозначающих лицо, связанное с каким-то предметом, явлением или действием. Поскольку представляется маловероятным прямое воздействие древнегреческого языка на словообразование в формирующемся французском языке, то появлению слов, создаваемых на основе латинских корней и греческого

суффикса *-ist-*, содействовали какие-то интралингвистические факторы, которые сейчас уже трудно проследить. Тем не менее, суффикс *-ist-*, превратившийся во французском языке в финаль *-iste*, постепенно приобретал все большую продуктивность в номинации действующих лиц. Но особенно возрастает продуктивность этого суффикса во французском языке с XVII в. — периода, который совпадает с широким проникновением в разговорный и общелитературный французский язык ассимилированной латинской лексики из области науки, права и через переводы произведений латинских авторов. Важно и то, что, органически входя во французскую лексику, латинизмы обогащали ее не только множеством новых слов, но и книжными производящими основами и суффиксами, выделявшимся из готовых слов для произведения новых производных по латинским образцам [6]. В таких условиях греко-латинский суффикс *-ist-*, очевидно, и обретает «второе дыхание» и новую словообразовательную активность.

Современная французская лексика, по данным «обратного словаря» А. Жюйяна, включает около 335 существительных на *-iste* [6]. Их группируют по трем семантическим группам:

1) указание на профессиональную деятельность лица (*journaliste, fumiste, téléphoniste*);

2) указание на привычное, излюбленное или характерное в положительном или отрицательном значении занятие, состояние или склонность (*alpiniste, excursioniste, cocainiste*);

3) указание на сторонника или последователя какой-либо доктрины — философской, научной, политической, религиозной (*matérialiste, socialiste*), или направления в политике и искусстве (*progressiste, raciste, surréaliste*).

Аналогичные тенденции в словообразовательной продуктивности суффикса *-ist-* наблюдаются в итальянском и испанском языках, где сохраняется традиционная латинская морфологическая модель с финалью *-ista*: *artista, conformista, finalista*. В немецком и английском языках слова на *-ist* в своем большинстве заимствованы из французского языка или созданы по сходной модели с помощью основ родного языка и суффикса *-ist-*.

Исследователи отмечают, что суффикс *-ist-* уже давно стал интернациональным, и слова с этим суффиксом нередко проникают уже во французский из других языков [8].

Самым восприимчивым к исследуемому нами суффиксу оказался русский язык. По данным «Обратного словаря русского языка», изданного в 1974 г. [6], уже тогда с финалью *-ист* насчитывалась 601 единица, т. е. почти вдвое больше, чем во французском языке.

Все эти слова делятся на заимствования, которые вошли в русский язык в основном из французского непосредственно или через языки-посредники, и на лексику, которая образовалась на основе славянских корней и суффикса *-ист-*. Как отмечает В. В. Виноградов, процесс присоеди-

нения данного суффикса к русским основам, ставший закономерностью в советскую эпоху, начал активизироваться уже в середине XIX в. [10].

Анализ современной русской лексики показывает, насколько расширилось семантическое поле существительных с суффиксом -ист- не только по сравнению с первоначальными лексемами подобного рода в древнегреческом и в латыни античного периода, но и во французском. Если Н. М. Штейнберг выделяет три основные группы агентивных антропонимов с данным суффиксом [8], то в «Толковом словаре словообразовательных единиц» русского языка мы находим уже семь семантических групп [9]:

1) обозначение лица по отношению к занятию или орудию деятельности (гитарист, очеркист, танкист);

2) обозначение лица по сфере деятельности (массажист, связист, шахматист);

3) обозначение лица по действию или склонности (скандалист, службист, шантажист);

4) обозначение лица по отношению к общественно-политическому, научному или религиозному учению (дарвинист, марксист, исламист);

5) обозначение лица по принадлежности к учреждению или учебному заведению (гимназист, лицеист, семинарист);

6) обозначение лица по принадлежности к группировке (металлист, сатанист, террорист);

7) обозначение лица по объекту изучения (арабист, байронист, пушкинист).

Нам представляется, что есть основания для выделения еще одной группы существительных на -ист, которые образованы на базе разговорной или сленговой и имеют эмоционально-оценочный характер: аккуратист, дофенист, пофигист, приколист.

Таким образом, древнегреческий суффикс -ιστ-, проходя в лингвистической среде сквозь века и внедрившись через латынь во французский язык, который долгое время был наиболее энергичным проводником латинизмов и латинизированных грецизмов в другие европейские языки, приобрел новую и весьма продуктивную словообразовательную потентность. При этом все лингвисты едины во мнении, что словообразовательная продуктивность данного суффикса и в романских, и в германских (имеем в виду, прежде всего, английский и немецкий), и в русском со временем будет только возрастать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мальцева, Т. А. Французские заимствования в белорусском языке / Т. А. Мальцева. – Минск : БГУ, 2004. – С. 93.

2. Штейнберг, Н. М. Аффиксальное словообразование во французском языке: суффиксация и префиксация / Н. М. Штейнберг. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1976. – С. 4.

3. Дворецкий, И. Х. Древнегреческо-русский словарь: ок. 70 000 сл. : в 2 т. / авт.-сост. И. Х. Дворецкий. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. – 2 т.

4. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь: ок. 50 000 сл. / авт.-сост. И. Х. Дворецкий. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз, 1976. – 1096 с.
 5. Штейнберг, Н. М. Ук. соч. – С. 6.
 6. Обратный словарь русского языка: ок. 125 000 сл. / Науч.-ред. совет изд-ва «Советская энциклопедия» ; Вычислит. центр АН СССР. – М. : Сов. энцикл., 1974. – С. 527–531.
 7. Виноградов, В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М., Л., 1947. – С. 104.
 8. Штейнберг, Н. М. Ук. соч. – С. 42–44.
 9. Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц: ок. 1900 словообразоват. единиц. – М. : Астрель ; Кызыл АСТ, 2005. – С. 210–211.
 10. Латинское наследие в русском языке : слов.-справ. / авт.-сост. : А. И. Воронков, Л. П. Поняева, Л. М. Попова. – М. : Флинта ; Наука, 2023. – С. 43.
- Впервые опубликовано: ΣΤΕΦΑΝΟΣ : сборник научных трудов. – М. : Рос. НОУ 2005. – С. 360–364.*

ИЗОБРАЖЕНИЕ ПОДАГРЫ В АНТИЧНОЙ ПОЭЗИИ

Подагра в современной медицине определяется как «заболевание, при котором в различных тканях откладываются кристаллы моноурата натрия и развивается воспаление», а также как «подагрический артрит» [1, с. 1352]. Данное заболевание чаще всего встречается у мужчин и проявляется внезапным опуханием сустава большого пальца ноги и ощущением острой боли в нем, лишаящей больного возможности двигаться. Подагра известна с глубокой древности: первые документальные свидетельства этого заболевания в Древнем Египте датируются приблизительно 2600 г. до н. э. и передают картину подагрического артрита большого пальца ноги [13, с. 90]. В наше время растет распространение подагры; в частности, за период 1990–2010 гг. в мире имело место двукратное увеличение частоты случаев выявления данной патологии [13, с. 92]. Поэтому интересно взглянуть на картину заболеваемости подагрой в античном мире сквозь призму доступных литературных памятников, в том числе и поэтических.

В Древней Греции впервые описал отдельные клинические симптомы подагрического артрита в своих «Афоризмах» Гиппократ в V веке до н. э. [2]. В частности, в них он постулировал закономерности подагры, которые справедливы и в наши дни: подагры не бывает у женщин до менопаузы (29-й афоризм), у мужчин до начала половой жизни (30-й афоризм), а также у евнухов (28-й афоризм). В «Афоризмах» впервые появляется и термин «подагра» — **ποδάγρα**, который образован от существительных **πούς**, **πόδος** (нога) и **άγρα** (железный капкан для зверя). Первоначально слово **ποδάγρα** обозначало «ножной капкан», затем «боль в ноге при ее сжатии капканом», а затем просто «острая боль в ноге» [18, с. 1425]. Подагрические боли в суставах руки греческие врачи называли **χειράγρα** (**χείρ**, **χείρός** — кисть руки), а в латинском языке этот термин приобрел формы **cherāgra** и **chirāgra** [5,

с. 137–138]. В I в. до н. э. римский энциклопедист и врач Авл Корнелий Цельс в 7-й и 8-й главах IV книги своей работы «De medicina» («О медицине») определил связь подагры с чрезмерным употреблением пищи и вина, а также высказал ряд рекомендаций по лечению этого заболевания. Римский философ Сенека в своих «Моральных письмах к Луцилию» (LXXVIII, 9; XCV, 20–21) говорит о распространенности подагры в Риме не только среди мужчин, но и женщин (*tot feminae podagricaе*), порицая последних за участие в пирах наравне с мужчинами, за чревоугодие и чрезмерное употребление вина.

Следует отметить, что в Древней Греции и Древнем Риме существовала объективная культурно-бытовая основа для возникновения подагры, так как в этих странах издревле вино потреблялось повсеместно и ежедневно. Современной медициной доказано, что после употребления алкоголя, в том числе и вина, значительно повышается показатель кислотности мочи, благодаря чему снижается степень растворимости мочевой кислоты, и её соли начинают откладываться в суставах в виде микроскопических кристаллов, что является провоцирующим фактором развития подагрической атаки (обострения) [13, с. 90]. И поэтому не зря в Древней Греции бытовала легенда, изложенная в эпиграмме греческого поэта III в. до н. э. Гедила, что богиня Подагра родилась в результате союза богини любви Афродиты и бога вина Диониса:

Боги Киприда и Вакх расслабляют нам члены, и то же
С нами подагра творит, ими рожденная дочь [13, с. 462].

Лукиан из Самосаты, греческий писатель II века н. э., дополнил эту легенду сведениями о том, что подагра избегает бедняков и любит богачей:

Нищий, богиня, противен тебе, ты смиряешь богатых;
Знаешь, всегда и везде как беспечально прожить.
Вот почему избегаешь ты бедности скудной порога
И веселишься, войдя в ноги и дом богача [7, с. 537].

В отечественных и зарубежных публикациях об истории подагры [13, с. 92; 21, с. 200] распространено мнение, что автором выражения «*podagra morbus divitum*» (подагра — болезнь богачей) является историк I века Гай Светоний Транквилл, автор известного сочинения «Жизнь двенадцати цезарей» (*De vita XII Caesarum libri VIII*). Однако в современном переводе на русский язык и этого сочинения, и других сохранившихся фрагментов Светония, который осуществил известный филолог М. Л. Гаспаров [14], это выражение не обнаруживается. Ничего не говорит о принадлежности указанного выражения Светонию и немецкий врач XVII в. Герхард Фельтман в своем произведении «*De dea Podagra liber singularis*» («О богине Подагре отдельная книга»), цитирующий многих античных авторов. Он только отмечает, что подагру считают «болезнью богачей» (*morbus divitum dicitur*) [19, с. 194].

Подагра особенно распространилась в Риме после притока огромных материальных ресурсов, хлынувших в Рим после завоевания Греции и Карфагена. Не случайно Плиний Старший в «Естественной истории» (XXVII, 63) утверждает, что «древним римлянам эта болезнь не была известна, ибо тогда она получила бы латинское название». Видимо, поэтому в комедиях Плавта (середина III в. до н. э.) мы находим всего одно упоминание о подагре в комедии «Купец» (295–296):

Впрочем, будь в подагре ноги у Евтиха, и тогда б
Из пристани прийти он смог бы [11, с. 41].

Латинский текст в данном месте звучит как «*si podagrosis pedibus esset Eutychus*» — «даже если бы у Евтиха были подагрические ноги». Синонимом прилагательного *podagrosus* в латинском языке стало слово *podagricus*, а человек, страдающий подагрой, получил название *podager* [5, с. 593].

О сравнительно небольшой распространенности подагры в Риме времен Плавта свидетельствует и его комедия «Куркулион» (216–222), здесь, рисуя неприглядный образ сводника Каппадока, автор вкладывает в его уста перечень наиболее известных болячек, мучающих пожилого человека, среди которых, однако, нет подагры: «хожу, точно с поясом на печени, как будто двойню в животе ношу..., селезенка мучает, боль в почках, рвутся легкие, резь в печени, под сердцем подкатило, все нутро болит». Собеседник Полинур добавляет, что у Каппадока — желтые глаза и его, видимо, желтуха мучает. В комедии «Два Менехма» старик рисует типичную картину старческих недугов, но о подагре он не упоминает (251–258).

Первым в римской поэзии о подагре как о своей личной болезни упоминает поэт начала III века до н. э. Квинт Энний: «Пишу стихи, лишь схваченный подагрой» (*nunquam poeta nisi si podager*) [12, с. 128]. После Энния и Плавта название данной болезни встречается в одном из разрозненных фрагментов поэта-сатирика второй половины II века до н. э. Луцилия: «настолько безобразен и с артритом, и с подагрой старик» (*quod deformis, senex arthriticus ac podagrosus*) [12, с. 136]. А с I в. до н. э. и подагра, и хирагра (херагра) — заболевания, уже достаточно распространенные в римском обществе, и они часто встречаются в поэтических произведениях. Так, Гораций в своих «Посланиях» советует Меценату не прекращать охранять тело от узловатой херагры — *nodosá corpús nolís prohibére cherágra* (Посл., I, 31). Поэт первой половины I века н. э. Персий в пятой сатире, рассуждая о различных устремлениях людей, напоминает им, что в конце жизни каменная хирагра ломит их суставы (...*lapidosa chiragra // fregerit articulos*) и подведет итог всем их жизненным метаниям (V, 52–62). Светоний, рассказывая о жизни императора Клавдия, упоминает о том, что тот при ходьбе очень противно ковылял и у него были слабые колени [15, с. 183], но Сенека в своем сатирическом произведении «Апофеоз божественного Клавдия» прямо говорит, что у Клавдия была подагра [14, с. 127]. Нередко упоминает

о подагре и хирагре бытописец и сатирик первого века нашей эры Марциал. Так, в одной из эпиграмм (I, 98) поэт пишет:

Судится все Диодор и подагрою, Флакк, он хворает.

Но он не платит дельцу: болен хирагрою он [8, с.49].

В другой эпиграмме (XII, 48) поэт прямо говорит о том, что причина возникновения подагры — это чревоугодие и пьянство:

Краснобородки, и все эти зайцы, и вымя свиное

К желчному цвету лица, к тяжелой подагре ведут.

Этой ценой не хочу ни альбанских попоек, ни даже

Капиталийских пиров, ни у понтификов яств! [8, с. 325].

Однако в античной литературе наиболее полное и красочное изображение подагры и приносимых ею страданий человеку дал уже упомянутый выше Лукиан. По всей видимости, он и сам страдал подагрой, поскольку сумел представить о ней такие яркие и впечатляющие поэтические картины. Подагре Лукиан посвятил не только представленную выше эпиграмму, но и еще два произведения. Первое из них — это трагикомедия «Трагиподагра» [7, с. 509–519], построенная по формальным схемам античной трагедии: здесь выступают главный герой «Подагрик», хор, божество-болезнь Подагра, Вестник, Врачи и персонифицированные Страдания. Трагедия открывается обращением Подагрика к ужасной богине Подагре, в котором он раскрывает свое видение появления в мире Подагры не как итог союза светлых богов Афродиты и Диониса, а как порождение ужасных чудищ Тартара (1–4):

Сколь ненависно имя всем богам твое,

Подагра. Дочь Коцита, сколько слез в тебе.

В глубинах черных Ада родила тебя

Эриния Мегера и вскормила там.

Вступает в действие Хор, каждый участник которого болен подагрой и носит венок из бузины, так как ее листья считались одним из лекарственных средств от подагры. По походке и палке в руках Подагрика хор определяет его как «миста необорной богини Подагры» и поет гимн в ее честь, в котором рассказывает, как Подагра была рождена старцем Офионом — древним титаном «среди объятий веселых и ласковых». А мистов Подагры, разъясняет хор, выбирает сама богиня весной:

Но лишь весной роскошно расцветут цветы

И дрозд залетит звонкий в молодых ветвях,

Тогда у посвященных все суставы их,

Подкравшись тайно злая ломит боль.

Ступни, колена, пятки, бедра, голени,

Лопатки, плечи, руки и запястья рук

Она терзает, жжет, кусает, ест и палит,

Пока богиня муки не велит унять. (117–124).

Появляется, на палку рукой опершись, как и все подагрики, сама богиня Подагра и произносит длинный монолог (138–190), в котором хвастается

тем, что она не подвластна ни небесным, ни земным врачам и всем их лечебным снадобьям. А в списке этих снадобий и растительные ингредиенты, и человеческий кал, и вареные жабы с ящерицами, и металлы, и соки деревьев, и кости, жилы, кожа, жир, мозг, кровь, моча и молоко животных, гнезда ласточек, и всевозможные заклятья. «Но проку нет в войне со мной, и мне можно только покориться!», заключает Подагра. Затем она продолжает хвастаться своим могуществом, перечисляя известных героев мифов, которых она поразила:

...Я героев сонм

Смирила также — знают мудрецы о том:
Подарк — Приама звали: он подагрик был
И сам Ахилл скончался от болезни ног.
Беллерофонт — подагрик был неколебим.
Страдал Эдип подагрой, повелитель Фив.
Лаërта сын, Итаки повелитель был
Сражен не шилом ската, а погублен мной.

Однако этот перечень страдавших от подагры или умерших от нее требует весьма критического анализа, который мы и проведем на основе известной работы Р. Гревса, посвященной греческой мифологии [4].

Начнем с царя Трои Приама. В мифах говорится о том, что в младенчестве его имя было Подарк (гр. *ποδάρκης* — быстроногий). При разрушении Гераклом Трои был убит отец Приама Лаодонт, а Подарк был выставлен на продажу и выкуплен своей сестрой Гесионой. От глагола *πρίαμαι* — покупать он и получил свое новое имя. Отметим, что в словаре гомеровских поэм слово *ποδάγρα* еще не упоминается, как и нет упоминания об ином подобного рода заболевании участников Троянской войны. Как известно из текста «Илиады», после гибели Гектора его отец, уже совсем дряхлый старец Приам ночью отправился в лагерь ахейцев к Ахиллу и вымолил у него тело сына для надлежащего погребения. Он ночью проделал весьма нелегкий путь, хотя и с помощью проводившего его бога Гермеса, и вряд ли, будучи подагриком, смог бы это сделать. К тому же Приам принадлежал к первым поколениям героев, ведущим род от Зевса (прадед Приама Дардан был сыном Зевса и плеяды Электры, дочери титана Атланта). Согласно греческим мифам, ни один представитель героев, восходящих к божествам, не был подвержен какой-либо земной болезни, в том числе и подагре. Посему Ахилл, внук Зевса, постоянные эпитеты которого у Гомера — «быстроногий» и «стремительный» (*ποδάρκης* и *ὄκυς* соответственно), тоже не мог быть подагриком. Подобное мнение могло возникнуть разве что на основании того, что Парис, брат Гектора, поразил Ахилла стрелой в ногу выше пятки (и медики отсюда знают термин «Ахиллово сухожилие»). Это было единственное место на теле Ахилла, которое оставалось подверженным смерти, поскольку за это место держала младенца Ахилла его мать Фетида, когда окунала его в священные воды реки Стикс в царстве Аида, чтобы сде-

лать сына бессмертным. Отсюда известно и выражение «Ахиллесова пята», как символ самого уязвимого места.

Герой греческой мифологии Беллерофонт, оседлавший крылатого коня Пегаса и уничтоживший ужасное чудовище Химеру, дерзнул на Пегасе взлететь на Олимп, но Зевс его сбросил на землю и тот, упав с высоты, стал хромым и слепым. И здесь хромота героя не имеет ничего общего с подагрой.

Отцу Эдипа царю Фив Лаю было пророчество, что его сын принесет ему гибель. Поэтому родившемуся мальчику он проткнул острым железом лодыжки, приказал связать малыша и отнести его в далекую горную местность на съедение диким животным. Однако мальчика нашел некий пастух и взял к себе на воспитание, назвав его Эдипом из-за его изуродованных и опухших ножек (греч. οἰδίπους — букв. имеющий опухшие ступни). Эдип вырос крепким юношей, отправился в Фивы, убил отца Лая и стал царем Фив, женившись на родной матери. Узнав случайно всю правду о себе, он ослепил себя и до преклонных лет бродил по миру в сопровождении дочери Антигоны. Так что и в этой мифологической истории Эдип не имеет никакого отношения к подагре. И, наконец, Одиссей, знаменитый своими военными подвигами под Троей и истребитель ста восьми женихов своей жены Пенелопы, при полном здравии и отсутствии подагры был случайно убит своим сыном от волшебницы Кирки Телегоном. Поэтому мы должны понимать, что вся эта гиперболизация своих подвигов богиней Подагрой — только одно из поэтических средств Лукиана, обладавшего большой творческой фантазией. Главное, чтобы современные авторы научных работ не принимали фантазии Лукиана за чистую монету и не сообщали своим доверчивым читателям, что подагрой страдали Ахилл, Одиссей, Эдип и даже такие исторические личности, как Александр Македонский и Цезарь. Например, в «Украинском ревматологическом журнале» за 2018 г. появилась статья десяти врачей-ревматологов «Знаменитые подагрики в нумизматическом изображении» [16, с. 16–24], где представлены 65 монет с изображениями различных деятелей античной и постантичной Европы, в том числе Александра Македонского, правителя Сиракуз III века до н. э. Гиерона, Юлия Цезаря, Октавиана Августа. Но о подагре всех этих исторических лиц не упоминают такие авторитетные античные историки, как Светоний, Плутарх, Полибий и Диодор Сицилийский. В частности, причинам смерти Александра Македонского посвящена отдельная статья в Википедии, в которой изложены все имеющиеся на сегодняшний день версии заболевания и смерти тридцатитрехлетнего покорителя мира, но о подагре там нет упоминаний. Что касается Юлия Цезаря, то он, как и Александр Македонский, большую часть жизни провел в военных походах и пеших переходах, не жалуясь на свои ноги. Историк Светоний пишет, что Цезарь отличался превосходным здоровьем, и лишь под конец жизни на него стали нападать внезапные обмороки и изредка — приступы падучей [15, с. 32].

Однако возвратимся к «Трагиподагре» Лукиана. Врач-сириец сообщает о наличии у него мази от подагры и обещает излечить больного Подагрика. В ответ на это богиня Подагра приказывает своим слугам Страданиям вступить в ноги Подагрика и подвергнуть его самым жестоким мукам, но если мазь излечит больного, то богиня обещает уйти навсегда в глубокий Тартар. Но мазь врача не помогает, и Подагрик, терзаемый ужасными болями, умоляет богиню сжалиться и облегчить его страдания. Та милостиво приказывает Страданиям утихомириться и с гордостью провозглашает:

Утихомирьтесь, муки, и оставьте тех,
Кто пожалел, что начал враждовать со мной.
И пусть узнает каждый: из богов лишь я
Не поддаюсь лекарствам — я сильнее их.

В заключение хор подагриков, называя богиню Подагру всенародной, обращается к ней с молитвой:

О, всенародная наша подагра, отныне даруй нам
Лишь нетяжелую боль и несильную, — острой не надо —,
Легкую боль, без вреда и без мук, чтоб ходить не мешала.

Подагре Лукиан посвятил и небольшую драму «Быстроног» (Ὠκύπους). В ней под таким именем выступает юноша, сын Подалирия и некоей Астасии. Имена эти аллегорические и призваны усилить трагикомическую выразительность произведения: Подалирий, был сыном бога Асклепия и врачевал ахейцев, осаждавших Троию, имя Астасия буквально значит «Непостоянство», а юноша-Быстроног ассоциируется с быстроногим Ахиллом. Быстроног нередко издевался над подагриками, и за это богиней подагры был сам наказан этой болезнью. Начинается произведение монологом Подагры, в котором она говорит о себе, о мучениях, которые она приносит людям, и прицает тех, кто отказывается ее признавать:

Подагра я; ужасной, ненавистной всем
Меня зовут, жестокой для людей бедой.
Из жил скрутивши путы, ими ноги я
Сковать могу, в суставы я вхожу легко.
Смешны мне те, кто болью сражены моей,
Но, тщетно оговоры измышляя, свой
Недуг открыть боится, и сказать о нем.

Речь здесь идет о юноше Быстроноге, который, не зная сущности и названия своей внезапной болезни ног, придумывает различные причины ее возникновения. Появляется врач, долго пытающийся узнать причину болезни Быстронога, и, наконец, определяет ее как подагру — «недуг ужасный, что с ногою слит». Заканчивается драма трагикомическими воплями словами Быстронога, страдающего от подагрических болей.

Таковы некоторые данные античных письменных источников о подагре, дочери Венеры и Вакха. Но за этими родителями всегда незримо прячется еще один, и самый активный участник акта сотворения подагры — челове-

ческая невоздержанность — по-латыни *intemperantia*. Ведь не зря существует латинская поговорка: *intemperantia est nutrix medicorum* [18, с. 269] — «невоздержанность — кормилица врачей». Можно быть уверенным в том, что подагра не грозила в античные времена всем тем, кто помнил знаменитое греческое правило *μηὲν ἄγαν* (ничего лишнего) и его латинское соответствие **ne quid nimis**. Не угрожает она и тем нашим современникам, которые помнят афористические слова Горация: *est modus in rebus, sunt certi denique fines* [18, с. 172] — «Мера бывает во всем, и свои во всем есть пределы».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Большой энциклопедический словарь медицинских терминов: 100 000 терминов* / под ред. Э. Г. Улумбекова. — М. : ГЭОТАР-Медиа, 2012. — 2263 с.
2. *Гиппократ. Афоризмы* / Гиппократ ; пер. с древнегреч. В. И. Руднева. — М. : Эксмо, 2008. — 397 с.
3. *Гораций. Собрание починений* / Гораций. — СПб. : Биограф. ин-тут «Студия биографика», 1993. — 447 с.
4. *Грейвс, Р. Мифы древней Греции* : пер. с англ. / Р. Грейвс ; под ред. и с послесл. А. А. Тахо-Годи. — М. : Прогресс, 1992. — 624 с.
5. *Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь: ок. 50 000 сл.* / И. Х. Дворецкий. — 3-е изд., испр. — М. : Рус. яз., 1986. — 840 с.
6. *Дворецкий, И. Х. Древнегреческо-русский словарь: ок. 70 000 сл. : в 2 т.* / И. Х. Дворецкий. — М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. — 2 т.
7. *Лукиан. Избранное* : пер. с древнегреч. / Лукиан. — М. : Художеств. лит., 1987. — 624 с.
8. *Марциал, М. А. Эпиграммы* : пер. с лат. яз. / М. А. Марциал. — СПб. : Комплект, 1994. — 448 с. (Античная б-ка).
9. *Персий. Сатиры* / Персий // Римская сатира : пер. с лат. яз. / сост. науч. подгот. текста М. Гаспарова. — М. : Худож. лит., 1989. — 543 с.
10. *Плавт. Комедии* : пер. с лат. яз. / Плавт ; коммент. И. Ульяновой. — М. : Искусство, 1987. — Т. 1. — 672 с.
11. *Плавт. Комедии* : пер. с лат. яз. / Плавт ; коммент. И. Ульяновой. — М. : Искусство, 1987. — Т. 2. — 800 с.
12. *Хрестоматия по ранней римской литературе* : учеб. пособие / сост. : К. П. Полонская, Л. П. Поняева. — М. : Высшая школа, 1984. — 224 с.
13. *Полстяной, А. А. Подагра: исторический обзор* / А. А. Полстяной // Молодий вчений. — 2016. — № 11 (38). — С. 90–94.
14. *Римская сатира* : пер. с лат. яз. / сост. и науч. подгот. текста М. Гаспарова. — М. : Худож. лит., 1989. — 543 с.
15. *Светоний, Г. Т. Жизнь двенадцати цезарей* / Г. Т. Светоний ; пер. с лат. М. Л. Гаспарова. — М. : Правда, 1988. — 512 с.
16. *Синяченко, О. В. Знаменитые «подагрики» в нумизматическом изображении* / О. В. Синяченко // Український ревматологічний журнал. — 2018. — № 4 (74). — С. 16–24.
17. *Эпиграммы греческой антологии* : пер. с древнегреч. / под ред. и с коммент. М. Гаспарова, Ю Шульца. — М. : Терра, 1999. — 725 с.
18. *Dicta: zbiór łacinskich sentencji, przysłów, zwrotów, powiedzeń* / zebr., opracował i rzedagował C. Michalunio. — Kraków : Wydaw. WAW, 2011. — 724 s.
19. *A Greek-English Lexicon* / comp. by H. G. Liddell, R. Scott. — Oxford : Clarendon Press, 1996. — 2042 p.

20. *Feltmanni, G. De Dea Podagra liber singularis / G. Feltmanni – Breae : Printibus Hermanni Brauer. – A. MDCXCIII. – 272 p. – URL: <https://www.digitale-sammlungen.de/en/view/bsb10471720?page=6,7> (date of access: 02.05.2025).*

21. *Mason, P. Some historical remarks on microcrystalline arthritis (gout and chondrocalcinosis) / P. Marson, G. Pastoro // Reumatismo. – 2011. – № 63 (4). – P. 199–207.*

Впервые опубликовано: Актуальні питання лінгвістики, професійної лінгводидактики, психології і педагогіки вищої школи : зб. ст. VI Міжнар. наук.-практ. конф., м. Полтава, 25–26 листопада 2021 р. – Полтава : Астрей, 2021. – С. 79–86.

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАД СЛОВАРЕМ ГРЕЧЕСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ АНАТОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Как известно, первым и основным источником европейской медицинской терминологии является древнегреческая (в дальнейшем — греческая) лексика и ее словообразовательные элементы. Уже в поэмах Гомера «Илиада» и «Одиссея» (VIII в. до н. э.) мы находим 32 существительных, которые впоследствии вошли в интернациональный лексический фонд анатомии и клинической медицины (*brachium, gaster, haema, phalanx, pharynx* и др.), 64 существительных и прилагательных, основы которых вошли в этот лексикон (*glossa, hys, kneme, kyphos, prep* и др.), а также все те приставки, которые и сегодня встречаются в составе анатомических терминов [10; 14]. В дальнейшем этот лексический фонд дополнили основатель европейской медицинской науки Гиппократ (V–IV в. до н. э.), ученый и философ Аристотель (IV в. до н. э.), представители Александрийской школы ученых и врачей Герофил и Эрасистрат (IV–III в. до н. э.), врач, анатом и фармацевт Клавдий Гален из Пергама (II в. н. э.) и греческие врачи последних веков античной истории [15, с. 410–411]. Греческая медицина на всем протяжении античной эпохи пользовалась непререкаемым авторитетом во всех странах бассейна Средиземного моря, и даже в Риме врачами, как правило, были греки [1, С. 359–360]. Поэтому формирование латинского медицинского лексикона проходило во многом благодаря латинизации греческих слов и словообразовательных элементов. Обретя статус общеевропейского научного языка после распада Римской империи, в том числе языка анатомии, латынь продолжала вбирать в себя и приспосабливать лексические и словообразовательные элементы греческого языка. Итоги этого продолжительного процесса получили отражение в Международных анатомических номенклатурах на латинском языке, появившихся в XX веке, в том числе и в последнем варианте этой номенклатуры [10]. Анализируя её лексику, можно определить три основных лингвистических и терминообразующих направления этого процесса, которые мы представляем в таблице ниже. Для облегчения восприятия материала греческие слова даются в латинской транскрипции.

Первое направление — это латинизация греческих существительных и прилагательных, в отдельных случаях с изменением значения слова.

Греческое слово и его значение	Латинизированный вариант и его значение
bolbós — <i>луковица</i>	búlbus — <i>луковица</i>
kardiakós — <i>сердечный</i>	cardíacus — <i>сердечный</i>
skeletós — <i>высушенный</i>	skéleton — <i>скелет</i>

Второе — образование латинских неологизмов (новых для латинского языка слов) с использованием греческих корней и аффиксальных элементов (приставок и суффиксов).

Современный неологизм	Греческие словообразовательные элементы	Значение
anatómia	греч. прист. <i>aná-</i> со значением «движение снизу вверх» + греч. сущ. <i>tomé</i> — <i>разрез, рассечение</i>	анатомия, первоначально «рассечение тела для изучения его строения», в дальнейшем — наука о строении тела человека
coronoídeus	греч. сущ. <i>koróne</i> — <i>венец, венок</i> + греч. суф. <i>-eidés</i> — <i>-видный, -образный</i> < из греч. сущ. <i>eídos</i> — <i>вид, образ, подобие</i>	венечный
salpingopharyngéus	греч. сущ. <i>sálpinx, sálpingos</i> — <i>труба</i> + греч. прилаг. <i>pharyngaíos</i> — <i>глоточный</i> < из греч. сущ. <i>phárynx, pháryngos</i> — <i>глотка</i>	трубно-глоточный (мышца)

И третье — образование неологизмов с использованием различных комбинаций греческих и латинских словообразующих элементов.

Современный неологизм	Греческие словообразовательные элементы	Значение
gangliospinothalámicus	греч. сущ. <i>ganglión</i> — <i>узел</i> + лат. <i>spína</i> — <i>ось, хребет</i> + новолат. <i>thalámicus</i> — <i>таламический, относящийся к таламусу, зрительному бугру</i> < из греч. сущ. <i>thálamos</i> — <i>спальня</i> < из греч. сущ. <i>thaláme</i> — <i>логовище, нора</i>	ганглиоспинально-таламический
retroperitoneális	лат. прист. <i>retro-</i> со значением «позади, за чем-то» + новолат. <i>peritoneális</i> — <i>брюшинный</i> из новолат. <i>peritonéum</i> — <i>брюшина</i> < из греч. <i>periteíno</i> — <i>натягивать вокруг</i>	забрюшинный

Приведенные примеры дают наглядную картину присутствия многочисленных греческих лексических и аффиксальных элементов в составе латинских терминов. По нашим подсчетам, из 2182 неповторяющихся терминов, представленных в Международной Анатомической терминологии, 840 слов (38 %) — это слова, включающие один или больше греческих аффиксальных или корневых греческих элементов. Однако эту картину в структуре каждого термина может увидеть только тот, кто знаком с греческим языком и для кого «здесь мертвые живут и немые говорят» — *his mortui vivunt et muti loquuntur*, как сказано в известном латинском выражении по поводу книг в библиотеках. К сожалению, многие поколения отечественных не только анатомов, но и латинистов медицинских вузов в течение длительного времени не изучали язык Гиппократов и лишены возможности определить элементы этого языка в составе анатомического термина. Давно стал библиографической редкостью «Словарь анатомических терминов» П. И. Карузина, изданный еще в 1928 г. [4], который был настольной книгой многих поколений анатомов и который содержит не только информацию о греческих лексических элементах в латинской анатомической терминологии, но и массу исторических справок по истории анатомических терминов. Впрочем, и в этом словаре указана не вся греческая лексика и ее элементы в анатомической терминологии, тем более что последняя значительно пополнилась за годы, прошедшие после издания этого словаря, и появились фундаментальные лексиконы древнегреческого языка, включающие всю лексику античного периода, в том числе и медицинскую. А ведь осознанное понимание роли греческих лексических элементов в структуре латинских анатомических терминов — важная часть профессиональной терминологической компетентности будущего врача. Понимая это, авторы некоторых учебников по анатомии человека рядом с латинскими терминами уже начали приводить их греческие этимоны [11].

Учитывая актуальность данной проблемы, на кафедре латинского языка БГМУ были проанализированы греческие источники латинской анатомической лексики с учетом современных лексических и этимологических словарей греческого и латинского языка, обобщены акцентологические и морфологические закономерности адаптации греческих лексических элементов в латинской медицинской терминологии [6; 7; 8; 9; 12; 13]. На основании этих лингвистических исследований кафедры латинского языка и кафедры нормальной анатомии БГМУ разработали справочник «Элементы греческой лексики в составе современной Международной анатомической терминологии» [14], цель которого — дать возможность студентам и преподавателям ознакомиться с греческими истоками современной анатомической терминологии. Справочник имеет форму словаря, в котором в алфавитном порядке представлены все корневые и аффиксальные элементы греческого языка, которые адаптированы в составе латинских терминов современной Международной анатомической номенклатуры. В каждой статье

этого словаря представлены в латинской транскрипции: 1) греческий лексический или аффиксальный элемент с указанием его этимологии; 2) значение данного элемента в анатомических терминах; 3) латинские термины, включающие данный элемент; 4) русские эквиваленты латинских терминов, например:

Греческий аффиксальный или лексический элемент	Значение данного элемента	Латинские термины, включающие данный элемент	Русские эквиваленты латинских терминов
apó- прист. со знач. «удаление, отделение»	удаление, отделение	apóphysis, is f aponeurósis, is f	апофиз, костный отросток, выступающая часть кости апоневроз, сухожильное растяжение
éndo- прист. со знач. «внутри»	внутри	endocárdium, i n endocrínus, a, um	эндокард, внутренняя оболочка стенки сердца эндокринный, принадлежащий внутренней секреции
mys, myós — <i>мышца</i>	мышца	myológia, ae f myométrium, i n	миология, раздел анатомии, в котором изучается строение и функции мышц миометрий, мышечная оболочка матки
-physis (из греч. <i>phýsis</i> — <i>создание, образование</i>)	анатомическое образование	epíphysis, is f hypóphysis, is f	эпифиз (букв.: нарост), суставной конец трубчатой кости гипофиз, нижний придаток мозга

Греческие существительные III склонения представлены в первой колонке словаря в именительном и родительном падежах, поскольку именно в родительном обычно выступает основа слова, которая иногда не совпадает с формой именительного падежа (ср.: **átlas, átlantos**). По этим же соображениям в третьей колонке таблицы представлены полностью в указанных падежах и латинизированные существительные, относящиеся к III склонению, напр.: **phárynx, pharýngis m.**

В каждой словарной статье приводятся примеры употребления данного греческого лексического элемента в тех латинских структурах, в которых он занимает первое место, или в тех, в которых перед ним находится латинский лексический элемент. При этом указывается не весь многословный термин, а только его основные (опорные) лексические структуры с данным элементом (существительным или прилагательным). Если один и тот же корневой лексический элемент входит в состав двух или больше терминов,

то термины с ним в словаре даются в алфавитном порядке в зависимости от начальной буквы первого элемента, составляющего термин, сравним, например, термины *glossopharyngeus* и *styloglossus*:

glóssa язык	относящийся к языку	glossopharyngéus, a, um	языкоглоточный (нерв)
stýlos острозаточенный металлический предмет, шило	сходство с шилом	styloglóssus, a, um	шилоязычный (мышца)

Мы сочли нецелесообразным приводить все терминологические сочетания структур с высокой частотностью употребления (например, нет нужды приводить более сотни названий терминов, включающих слово *arteria*), так как все подобного рода структуры систематизированы и приводятся в других видах учебно-справочной литературы). В то же время в словаре представлено, как минимум, один раз, каждое слово, в котором использован аффиксальный или корневой греческий элемент, даже если он в той или иной степени изменен по сравнению со своим прототипом.

Информация об этимологии и морфологической структуре терминов в словаре сопровождается сведениями, позволяющими уяснить причины употребления греческого элемента термина в тех случаях, когда латинское название, на первый взгляд, не соответствует его русскоязычному эквиваленту. Например, в названии икроножной мышцы *musculus gastrocnemius* определяется греческий элемент **cneme** *икра ноги*, но может быть непонятна роль элемента **gastr-**, который обычно ассоциируется с анатомическим понятием «желудок» (лат. *gaster, gastris* от греч. *gastér, gastrós*). В словарях греческого языка [3, т. 1, с. 314; 18, с. 339] по этому поводу можно найти уточнение, что в греческом лексиконе, кроме **gastér, gastrós** со значением *желудок, брюхо* имеется также однокорневое и близкое ему по смыслу существительное **gástra** со значением *выпуклость, брюшко*, которое, очевидно, и было использовано анатомами при образовании термина *gastrocnemius*. И это вполне понятно, так как икроножная мышца имеет выпуклую, брюшкообразную форму, но никак не связана с желудком. Второй пример — объяснение того, какое отношение имеет греческое существительное *splén, splénós* (*селезенка*) к современным терминам **splenium** (*валик мозолистого тела большого мозга*) и **musculus splenius** (*ременная мышца*). Дело в том, что греческие врачи называли словом *splénion*, производным от *splén, splénós* (*селезенка*), полоску пластыря или компресс с лекарством для лечения заболеваний селезенки [17, с. 1628], а в дальнейшем по сходству формы (валик, ремень) анатома стали употреблять это слово для названий иных структур тела человека [4, с. 202].

В словаре приводятся разъяснения и в тех случаях, когда согласно графике лексического элемента, следует искать его греческий этимон, но на самом деле данный элемент заимствован из другого языка. Например, прилагательное **saphenus** (*подкожный*) (*vena saphena* — *подкожная вена*)

не зафиксировано в греческих лексиконах [3; 17], так как это слово является латинизированным вариантом арабского слова *al-safin* — *скрытый*, который когда-то употребили переводчики с арабского на латынь трактата Авиценны «Канон медицинской науки» [4, с. 192]. Значение «скрытый» действительно было бы более уместным для обозначения этой вены, так как она на всем своем протяжении на бедре не заметна, а сопутствующие ей *nervus saphenus* (подкожный нерв) и *hiatus saphenus* (подкожная щель) получили свое определение по факту отношения к данной вене.

Заслуживают особого комментария термины *lymph* и *lymphaticus*, которые, судя по букве «у» и диграфу «ph», должны быть греческого происхождения. В словаре мы ограничиваемся кратким комментарием по этому поводу, а более подробно этимология и семантика этих слов рассмотрена нами в отдельном исследовании [12], выводы которого считаем целесообразным привести и в данном сообщении. Дело в том, что в словарях греческого языка не зафиксированы лексемы **lymph** и **lymphaticus** [3, т. 1, с. 1040; 18, с. 1065]. Этимологический словарь латинского языка Эрнун-Мейе [17, р. 514] свидетельствует, что латинское слово **lymph** со значениями: 1) нимфа, божество источников и рек; 2) чистая, прозрачная вода является измененным греческим словом **nymph** (нимфа, божество источников и рек). Именно второе значение данного слова было использовано анатомами в XVII в. для обозначения специфической жидкости или жидкой ткани, циркулирующей в лимфатических сосудах [12, с. 35–36]. Что же касается прилагательного **lymphaticus**, то оно появилось в лексиконе классической латыни как производное от **lymph**, но со значением «одержимый нимфами», «лишенный рассудка» [2, с. 463]. И только после открытия лимфатической системы это прилагательное начали употреблять в анатомо-гистологическом значении «лимфатический». В частности, во французском языке оно известно только с 1671 г. [16, р. 474].

В каждом латинском слове нашего словаря проставлено нормативное ударение, что поможет студентам, использующим словарь, закреплять и адаптировать правила ударения, изученные в курсе латинского языка.

Таким образом, и по своим формальным, и по информационно-познавательным характеристикам данное издание, как нам представляется, может стать важным фактором оптимизации преподавания основ латинской анатомической терминологии и формирования терминологических компетенций будущих врачей в такой основополагающей медицинской науке, как анатомия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Велишский, Ф. Ф.* Быт древних греков и римлян / Ф. Ф. Велишский. – Прага : Тип. И. Милиткий, И. Новак, 1873. – 670 с.
2. *Дворецкий, И. Х.* Латинско-русский словарь: ок. 50 000 сл. / И. Х. Дворецкий. – 3-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1986. – 840 с.
3. *Дворецкий, И. Х.* Древнегреческо-русский словарь: ок. 70 000 сл. : в 2 т. / И. Х. Дворецкий. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. – 2 т.

4. *Карузин, П. И.* Словарь анатомических терминов / П. И. Карузин. – М., Л. : Гос. изд-во, 1928. – 293 с.
 5. *Краузе, В.* Гомеровский словарь [к Илиаде и Одиссее] / В. Краузе. – СПб. : Изд-во товарищества «Общественная польза», 1896. – 475 с.
 6. *Кузнецова, Е. Л.* «Скрытые» грецизмы в современной латинской анатомической терминологии / Е. Л. Кузнецова // *Studia philologica* : сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т ; под. ред. Г. И. Шевченко ; редкол. : А. В. Гарник [и др.]. – Минск, 2002. – Вып. 5. – С. 137–141.
 7. *Кузнецова, Е. Л.* Об этимологии и семантике некоторых латинских анатомических терминов / Е. Л. Кузнецова // *Актуальні питання лінгвістики, професійної лінгводидактики, психології і педагогіки вищої школи* : зб. ст. I Всеукр. наук.-практ. конф. 3 міжнар. участю, Полтава, 11–12 травня 2016 р. / ВДНЗУ «Українська медична стоматологічна академія» [та ін.]. – Харків : ТОВ «Тім Пабліш Груп», 2016. – С. 112–115.
 8. *Кузнецова, Е. Л.* Этимологические и семантические особенности латинских анатомических терминов / Е. Л. Кузнецова // *Теория и практика профессионально ориентированного обучения иностранным языкам* : материалы X междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 18–20 мая 2017 г. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол.: Н. С. Кухаренко (гл. ред.), Н. А. Круглик. – Минск : МИТСО, 2017. – С. 258–260.
 9. *Ляшкевич, Е. В.* Структурно-морфологический анализ существительных греческого происхождения в современной Международной анатомической номенклатуре / Е. В. Ляшкевич // *Studia philologica* : сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т ; под. ред. Г. И. Шевченко ; редкол.: А. В. Гарник [и др.]. – Минск, 2002. – Вып. 5. – С. 13–23.
 10. *Международная анатомическая терминология* / под ред. Л. Л. Колесникова. – М. : Медицина, 2003. – 424 с.
 11. *Привес, М. Г.* Анатомия человека / М. Г. Привес, Н. К. Лысенков, В. И. Бушкович. – 12-е изд., перераб. и доп. – СПб. : Издат. дом СПбМАПО, 2006. – 720 с.
 12. *Цисык, А. З.* Из истории медицинских терминов «лимфа» и «лимфатический» / А. З. Цисык // *Studia philologica* : матеріялы «круглага стала» філолагаў-класікаў г. Мінска, прысвечанага навуковай дзейнасці прафесара Я. І. Парэцкага, 26 чэрвеня 1992 / рэд. А.З. Цісык. – Мінск : МДПЗМ, 1993. – С. 32–38.
 13. *Цисык, А. З.* Об акцентической адаптации греческих слов и морфем в составе латинских медико-биологических терминов / А. З. Цисык // *Studia philologica* : сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т ; под. ред. Г. И. Шевченко ; редкол.: А. В. Гарник [и др.]. – Минск, 2002. – Вып. 5. – С. 35–51.
 14. *Цисык, А. З.* Элементы греческой лексики в составе современной Международной анатомической терминологии : терминолог. слов. / А. З. Цисык, Г. Е. Конопелько. – Минск : БГМУ, 2018. – 80 с.
 15. *Чернявский, М. Н.* Краткий очерк истории и проблем упорядочения медицинской терминологии / М. Н. Чернявский // *Энциклопедический словарь медицинской терминологии*: ок. 60 000 терминов : в 3 т. / гл. ред. Б. В. Петровский. – М. : Сов. энцикл., 1984. – Т. 3 : Рабдитозы-Ящур. – С. 410–425.
 16. *Duboi, J.* Dictionnaire étymologique et historique du Français / J. Duboi, H. Mitterrand, A. Dauzat. – Paris : Larousse, 2007. – 893 p.
 17. *Ernout, A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine: histoire des mots / A. Ernout, A. Meillet. – Paris : ed. C. Klincksieck, 1939. – XXI + 1184 p.
 18. *A Greek-English Lexicon* / comp. by H.G. Liddell, R. Scott. – Oxford : Clarendon Press, 1996. – 2042 p.
- Вперше опубліковано: Актуальні питання лінгвістики, професійної лінгводидактики, психології і педагогіки вищої школи* : зб. ст. III Міжнар. наук.-практ. конф., 31 трав. – 1 черв. 2018 р., м. Полтава. – Полтава : Астроя, 2018. – С. 380–387.

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАД ЭТИМОЛОГИЧЕСКИМ СЛОВАРЕМ ГРУППОВЫХ НАЗВАНИЙ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ

При работе с известным справочником М. Д. Машковского «Лекарственные средства» бросается в глаза то, что в этом справочнике не всегда приводятся ссылки этимологического характера. Так, в 16-м издании данной работы» [5], в которой более 2000 названий лекарственных средств, мы находим всего двадцать две такие ссылки: приводится этимология трех групповых названий (ангиотензины, токолитики, гестагены), а в остальных случаях — комментарии к названиям отдельных лекарств. Возникает, естественно, вопрос, чем обусловлен отбор именно данных терминов для этимологических справок? Ведь в таких справках нуждается намного большее количество названий, и даже латинист иной раз не может сразу определить языковую принадлежность морфемы того или иного термина. А ведь понимание морфологической и семантической структуры любого термина всегда способствует более объемному осмыслению и осознанному запоминанию его орфоэпического и смыслового комплекса.

Известно, что в учебно-справочной литературе стран СНГ до сих пор не представлен этимологический словарь всей фармацевтической терминологии. Это весьма актуальная работа, для реализации которой, однако, требуется целый авторский коллектив филологов-классиков, имеющих значительный опыт работы в медицинском или фармацевтическом вузе. Сам такой проект, а тем более его реализация, на наш взгляд — дело не близкого будущего. А вот задачей первоочередной важности и вполне выполнимой в настоящем нам представляется составление словаря-справочника, который мог бы дать врачам, фармакологам и фармацевтам понимание этимологии групповых названий лекарственных средств и некоторых других наиболее частотных слов фармацевтической лексики.

В настоящее время, в соответствии с наиболее известной фармакотерапевтической классификацией лекарственных средств, разработанной М. Д. Машковским и его учениками [5], все эти средства распределены на 13 основных классов. Эти классы, в свою очередь, разделены на группы, а последние — на подгруппы, исходя из следующих признаков: 1) основные фармакологические свойства; 2) основные области медицинского применения; 3) сходство в химической структуре. Руководствуясь этой системой классификации, мы поставили своей целью составить краткий этимологический словарь-справочник определенной части всех разновидностей этих систематизирующих названий, вполне понимая, что полный словарь таких названий может появиться только в результате труда целого авторского коллектива и является делом не близкого будущего. В данный словарь мы включили около 300 терминов. При этом название «групповой» в его названии носит условный характер, поскольку в словаре представлены все разновидности систематизирующих названий, встречающихся в справочнике

М. Д. Машковского. Этимологические справки приводятся на основе известных словарей латинского и древнегреческого языка, составленных И. Х. Дворецким [1, 2], словаря иноязычных слов Л. П. Крысина [4] и историко-этимологического словаря русского языка П. Я. Черных [7], этимологических словарей [9] и другой словарно-справочной литературы, частично представленной и в данной публикации, а также Интернет-ресурсов.

Информацию о каждом термине мы представляем в словаре в виде ячейки, разделенной на три части. В первой, левой части такой ячейки приводится базисное прилагательное, причастие или существительное, которое является основой группового названия, и дается современное определение фармакологического значения этого слова. Ниже в этой же части приводится групповое название в виде субстантивированного прилагательного, субстантивированного причастия или существительного, а также параллельная форма группового названия со словом «средства», если таковая имеется. Все групповые названия представлены более крупным шрифтом. Здесь же приводятся фармакологические значения приведенных групповых названий. Все они даются на основе тех терминологических формулировок, которые приведены в упомянутом фармакологическом справочнике. Иногда для более полной и объективной картины освещаемого вопроса мы включаем ряд терминов и формулировок также и из другой общеизвестной справочной литературы [6; 8]. Если у группового названия имеется синоним или синонимы, то в словаре даются соответствующие указания и отсылки к соответствующему синониму. Рядом во второй колонке ячейки приводится этимология базисного слова и его составных частей, а в третьей колонке — латинские варианты базисного слова и групповых названий.

Подобная структура информационной ячейки в нашем словаре является преобладающей по количеству, приведем несколько примеров таких ячеек.

антигонадотропный подавляющий выделение гипофизарных гонадотроп- ных гормонов антигонадо- тропные средства, антиго- надотропы средства, подавляющие выделение гипофизарных гонадотропных гормонов	греч. приставка <i>antí-</i> со значением «против» + но- волат. <i>gonas, gonādis f</i> — половая железа (< греч. <i>goné</i> — рождение, роды + греч. <i>adén, adénos</i> — желе- за) + греч. <i>trópos</i> — направление, способ	<i>antigonadotrōpus, a, um</i> <i>remedia</i> <i>antigonadotrōpa</i> <i>antigonadotrōpa,</i> <i>ōrum n</i>
коагулянты (= гемостатические сред- ства) кровоостанавливаю- щие средства, усиливаю- щие процессы свертывания крови	лат. <i>coagūlans, ntis</i> — свер- тывающий, вызывающий свертывание < лат. <i>coagulāre</i> — вызывать свертывание, сгущение, за- тверждение	<i>coagulanta, ōrum n</i>

психоактиваторы (= психоаналептики, психостимуляторы, психотоники) препараты, оказывающие стимулирующее действие на функции головного мозга и активирующие психическую и физическую деятельность организма	греч. psyché — душа + новолат. activātor, ōris m — активатор, фактор, приводящий в активное, действенное состояние < новолат. actīvo, āvi, ātum, āre 1 — приводить в активное, действенное состояние < лат. ago, egi, acum, ēre 3 — действовать	psychoactivatōres, um m

В отношении оформления латинских эквивалентов терминов, имеющих в русских соответствиях окончания ант/ент мы придерживаемся концепции, изложенной в нашей недавней публикации [7], в соответствии с которой субстантивированное причастие настоящего времени в качестве группового названия или технического термина оформляется как существительное среднего рода 2-го склонения, ср.:

детергенты — *detergenta*, ōrum n;

репаранты — *reparanta*, ōrum n.

Однако в качестве приложения к существительному *remedium* такое причастие сохраняет свой обычный грамматический статус:

агреганты — *aggreganta*, ōrum n но: *remedia aggregantia*;

антиконвульсанты — *aticonvulsanta*, ōrum n но: *remedia anticonvulsantia*.

Приводя этимологические справки, мы стремились всегда дойти до латинских и греческих источников данного названия. Такой принцип этимологического поиска, на наш взгляд, всегда должен быть первоочередным в работе лингвиста, имеющего классическое образование. Ведь экспансия английского языка в сфере научной и бытовой лексики ведет к тому, что многие термины с античными корнями начинают восприниматься как чисто английские слова, хотя они фактически являются только модернизированными трансляторами античных морфем, слов и смыслов. Аналогичная ситуация с терминами, имеющими античные корни, которые ассимилированы русским языком через посредство немецкого, французского и других языков. Например, название лекарственной формы небулайзер считается английским (англ. *nebulizer*), хотя в основе этого названия — латинское существительное *nebŭla*, ae f (дым, туман, облако); название драже мало кто усомнится считать не французским (франц. *dragée*), хотя это существительное образовалось из древнегреческого существительного *tragémata* (лакомства, сладости). А, кроме того, в современных этимологических справках, представляемых Интернетом, нередко приводится противоречивая информация. Например, термин хелаты связывают и с английским *chelate*, и с латинским *chelate* (совершенно неправильно!), хотя на самом деле название *хелаты* обусловлено клешневидной формой химической структуры данного соединения и оно образовано от греческого *chelé* (клешня) [1, т. 1, с. 1773].

Поэтому подробная этимологическая справка должна, на наш взгляд, не только служить точным научным источником истории слова и термина, но и лишний раз напоминать специалисту, пользующемуся словарем, сколь широки границы хождения античного лексического фонда во всех сферах современной действительности, особенно в терминологической лексике. Кроме того, такая справка нередко связывает языковые, исторические и культурные реалии воедино, расширяя эрудицию читателя. Например, толкование состава научных терминов с элементом амин- (аминокислоты, антивитамины, витамины и т. д.) ведет читателя в античный оазис Аммоний в ливийской пустыне, где на верблюжьих стоянках паломников, прибывавших поклониться богу Аммону (к нему, между прочим, приезжал на поклон и Александр Македонский, считавший себя сыном этого бога) из верблюжьей мочи постепенно образовывались залежи специфической соли, которую на греческом называли *hals hammoniakós* (аммониевая соль). Из этой соли химики впоследствии выделили аммиак, а продукты замещения в аммиаке атомов водорода углеводородными радикалами получили название амины; многие биогенные амины обладают высокой биологической активностью, входят в состав белка и используются в составе лекарственных средств.

В словаре впервые приводится этимология некоторых широко известных терминов, которая еще не представлена как в фармацевтических разделах отечественных учебников по медицинской латыни, так и в фармацевтических учебниках, учитывая последнее издание учебника М. Н. Чернявского [8]. Например, термин *барбитураты* (*barbiturātes, um m*) — это анионы барбитуровой кислоты (*Acidum barbituricum*); термин образован по аналогии с названиями нитраты — *nitrātes (nitr, ātis m)* от *Acidum nitrīcum*; фосфаты — *phosphātes (phosphas, ātis m)* от *Acid phosphoricum etc.* Согласно Википедии, немецкий химик Адольф Байер, синтезирующий в 1864 г. барбитуровую кислоту, использовал для образования прилагательного *barbituricus, a, um* имя Барбара и уже известный в то время термин *uricus, a, um* — мочевого (от греч. *ύρον* моча) [1].

По этим же соображениям актуальности и новизны информации мы включили в словарь и некоторые термины, которые не являются групповыми названиями, но широко употребляются в названиях лекарств и в описаниях их действия на организм. Например, терминологический элемент *rib(o)* встречается в названиях рибавирин, рибофлавин, рибомунил, рибоксин, рибонуклеаза etc. и указывает на связь с рибонуклеиновыми кислотами или воздействие на их составные части. Однако в словарно-справочной литературе нигде не сообщается об истории этого терминологического элемента. В шестой статье из цикла работ И. Е. Леенсона под названием «Откуда твое имя?», посвященной этимологии органических соединений [3], мы узнаем, что немецкие химики Э. Фишер и О. Пилоти в 80-е годы XIX в. получили из арабоновой кислоты новую кислоту, которую первоначально называли раабоновой. Однако затем они поме-

няли это название, заменив две гласные aa на «и». Так они получили название «рибоновая кислота», из которой восстановлением была получена *рибоза*, которая затем стала важнейшим термином в биологии клетки и дала название рибонуклеиновой и дезоксирибонуклеиновой кислот. Таким образом, терминосостав риб- можно толковать только как «производное рибоновой кислоты». Учитывая все это, термин *рибофлавин*, как один из наиболее частотных фармацевтический терминов, мы включили в состав словаря.

Как и в предыдущем случае, в этимологической справке нередко требуется не только указать происхождение слова и его составных частей, но и разъяснить связь между значением лексической основы термина и смысловой мотивацией его употребления. Например, при объяснении этимологии термина *серотонинергический* начинаем, естественно, с выяснения истоков термина *серотонин*. При этом недостаточно указать, что его первый компонент *серо-* восходит к латинскому *serum, i n* — сыворотка, а компонент *тен-* к греческому *tónos* — напряжение. Нужно добавить, что именно в сыворотке крови был найден серотонин, обладающий способностью сокращать мускулатуру. Подобного рода информация может быть и не нова для специалиста-медика, но ее с интересом воспримет любой лингвист, и, прежде всего, преподаватель медицинской или фармацевтической латыни.

В заключение отметим, что подобного рода «Краткий этимологический словарь групповых названий фармацевтических терминов», как нам представляется, может быть интересным и полезным не только как справочное издание. На его основе можно разработать элективные или факультативные курсы и для будущих врачей, и для будущих фармацевтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дворецкий, И. Х. Древнегреческо-русский словарь: ок. 70 000 сл. : в 2 т. / И. Х. Дворецкий. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. – 2 т.
2. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь: ок. 50 000 сл. / И. Х. Дворецкий. – 3-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1986. – 840 с.
3. Леенсон, И. А. Откуда твое имя? Статья 6 : Органические соединения / И. А. Леенсон. — URL: http://wsyachina.narod.ru/chemistry/elements_names_5.html (дата обращения: 02.05.2025).
4. Толковый словарь иноязычных слов: наиболее употребительная иноязычная лексика, вошедшая а русский язык в XVIII–XX вв. и начале XXI в. / авт.-сост. Л. Н. Крысин. – М. : Эксмо, 2009. – 939 с. (Б-ка словарей).
5. Машковский, М. Д. Лекарственные средства. – 16-е изд., перераб., испр. и доп. – М. : Новая волна, 2011. – 1216 с.
6. Сыропятов, Б. Я. Справочник врача и провизора / Б. Я Сыропятов. – М. : Оникс : Мир и образование, 2005. – 607 с. (Современная медицина).
7. Цисык, А. З. О лексико-грамматическом статусе латинских эквивалентов терминов-существительных с финалями ант/-ент // Филология и медицина : материалы науч. конф., Казань, 12–15 мая 2014 / Казан. гос. мед. ун-т ; сост.: А. И. Бовсуновская, Н. Г. Николаева. – Казань : Отечество, 2014. – С. 102–108.
8. Чернявский, М. Н. Латинский язык и основы фармацевтической терминологии : учеб. / М. Н. Чернявский. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2015. – 393 с.

9. *Dictionnaire étymologique et historique du Français: 50 000 mots* / A. Dauzat, J. Duboi, H. Mitterand. – Paris : Larousse, 2007. – 894 p.

10. *Барбутураты*. – URL <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B0%D1%80%D0%B1%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%8B> (дата обращения: 02.05.2025).

Впервые опубликовано: Язык медицины : междунар. межвуз. сб. науч. тр. в честь юбилея В. Ф. Новодрановой. – Самара : СамГМУ ; Изд-во KRYPTEN. – Волга, 2015. – Вып. 5. – С. 294–300.

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗОВАНИИ НЕОЛОГИЗМОВ И ИХ УНИФИКАЦИИ

В последние десятилетия в теории и практике преподавания латинской терминологии все большую актуальность приобретают проблемы образования новой латинской лексики (неологизмов). В то же время в отечественной лингвистике пока отсутствуют фундаментальные научные работы, как по образованию неологизмов, так и по их унификации, что крайне необходимо для последующего употребления новых терминов в учебно-справочной литературе. Мы уже поднимали вопрос об актуальности этой проблемы и предложили некоторые предпосылки ее решения [6]. Предлагаем ознакомиться с некоторыми нашими дальнейшими замечаниями и предложениями по указанной выше проблеме.

Как известно, весьма остро на данный момент стоит вопрос об образовании и унификации новых названий лекарственных форм. Если раньше под лекарственной формой понималось «придаваемое лекарственному средству или лекарственному растительному сырью удобное для применения состояние, при котором достигается необходимый лечебный эффект» [8: II, 109], то современное понимание данного термина определяется следующим образом: «лекарственная форма — это носитель, представляющий собой физическое тело, среду или устройство, обеспечивающий требуемое фармакотерапевтическое действие, коррекцию физико-химических, органолептических и микробиологических характеристик, а также удобство транспортировки, хранения и применения лекарственного средства» [1]. В связи с расширением смысла данного термина в официальной справочной литературе значительно возросло количество лекарственных форм. Так, в настоящее время в регистре лекарственных средств России (РЛС) за 2000–2016 гг. только в списке «Прочих лекарственных форм» указано 121 форма. Из них всего 14–20 названий можно считать уже известными и введенными в практику фармацевтического и учебно-образовательного обихода (бальзам, карандаш, лосьон, масло, мембрана, мыло и др.). Среди остальных — такие новые названия как *блок, гель для душа, крупка, маты инсектицидные, спейсер, стик, хлопья* и др. Таким образом, больше сотни названий требуют определения и унификации латинских эквивалентов.

А ведь некоторые из приведенных в упомянутом перечне лекарственных форм имеют еще и свое подразделение на разновидности, названия которых находятся довольно далеко от привычных для лингвиста понятий. Например, лекарственная форма «комплект» подразделяется на 40 разновидностей, среди которых такие экзотические названия, как «винты для остеосинтеза», «гайка запорная», «молокоотсос» и др. Лекарственная форма «нити зубные» включает 23 названия, форма «напиток» — 36 названий, форма «реагенты для диагностики» — более 50 названий. В целом же количество лекарственных форм, зафиксированных в Государственных реестрах ЛС России, с 1986 г. уже превышает 900 названий [2], и понятно, что их количество будет только увеличиваться.

В такой ситуации латинистам медицинских и фармацевтических вузов пора незамедлительно включиться в работу по поиску латинских эквивалентов новых лекарственных форм. Удачным вкладом в такую работу считаем, например, статью И. В. Пролыгиной «Латинские неологизмы в наименованиях лекарственных форм. Проблемы и методы их решения» [5]. Следует, однако, отметить, что работа в данной области лингвистики для любого латиниста непростая и часто дискуссионная, а к тому же требует привлечения сведений из смежных материаловедческих и естественнонаучных областей знаний, как мы попробуем сейчас показать на примере анализа всего одного термина, предложенного в упомянутой статье.

Итак, рассмотрим лексико-грамматический статус предложенного термина *assorbentes, ium m* как латинского эквивалента для лекарственной формы «гигиенические прокладки». Автор статьи выводит данный термин от глагола *assorbeo* (поглощать). Понятно, что это глагол, состоящий из ассимилированного варианта приставки *ad-* и корневого глагола *sorbeo* (*поглощать, впитывать*). В словаре И. Дворецкого данный глагол отсутствует, мы видим только глагол *absorbeo* со значением «поглощать, всасывать». Очевидно, что *assorbeo* является новолатинским глагольным образованием, в котором приставка *ad-* присоединяется к корневому глаголу *sorbeo* наподобие глаголов *asserо, assideo* etc. Однако в медицинских словарях мы не встречаем дериватов от лексемы *assorbeo*. Так, в словаре К. Рудзитиса зафиксированы слова *absorbens, ntis n* — поглощающее средство (термин *абсорбент* еще не зафиксирован) и *adsorbentium, i n* — адсорбент (вариант *adsorbens, ntis* также еще не зафиксирован) [9], который восходит к новолатинскому глаголу *adsorbeo* (ср.: *adsorptio, onis f* — *адсорбция*, в том же словаре). В «Толковом словаре иноязычных слов» Л. Крысина зафиксированы слова *абсорбент* < лат. *absorbens* (поглощающий) и *адсорбент* < лат. *ad + sorbens* (у автора словаря эта часть слова ошибочно дается как *sorbentus*) с тем же значением «поглощающий», а слово *ассорбент(ы)* не зафиксировано [3]. В «Википедии» к настоящему времени указаны тоже только те два варианта, которые представлены в словаре Л. Крысина. Поэтому нам представляется, что в данном случае можно использовать только одну из двух

форм — или *absorbentes*, или *adsorbentes*, то есть или *абсорбенты*, или *адсорбенты*. Между этими терминами существует смысловое различие: исходя из понятий «абсорбция» и «адсорбция», представленных в словарях К. Рудзитиса и Л. Крысина, *абсорбентами* считаются вещества, которые обладают способностью поглощать другие вещества всей своей массой (например, активированный уголь). *Адсорбенты* же поглощают другие вещества только на своей поверхности. Исходя из описания механизма действия гигиенических прокладок, приведенного в «Википедии», нам представляется более предпочтительным вариант *абсорбенты* — *absorbentes*. Если же гигиенические прокладки следует считать *адсорбентами*, тогда можно допустить и форму *assorbentes* как орфографический вариант лексемы *adsorbentes*.

Теперь рассмотрим грамматический статус предложенной формы *assorbentes, ium m*. Если это форма субстантивированного причастия, то возникает вопрос, на каком основании этому существительному придается мужской род? Для этого необходимо определить род существительного, с которым «по умолчанию» грамматически и логически должно быть связано существительное *assorbentes* (т. е. *прокладки*) однако автор предлагаемого термина об этом ничего не говорит. Если бы у предложенного термина был женский род, то можно было бы предположить в роли определяемого существительного, например, слово *materia, ae f* (*вещество, материал*), и тогда термин полностью имел бы вид (*materiae*) *assorbentes*. Однако какое существительное можно было бы определить в качестве латинского эквивалента для слова «прокладка»? Нам представляется, что в роли таких латинских эквивалентов можно было бы употребить одно из следующих двух неологизмов: 1) *intersertorium, i n*; 2) *impositorium, i n*. И то, и другое существительное составлено из основы супина и суффикса **-ori-**: *intersertorium* от *intersero, interserui, intersertum* (вставлять), *impositorium* от *impono, imposui, impositum* (вкладывать, прикладывать). Данные лексические образования имеют инструментально-локальную семантику и вполне вписываются в ряд существительных такого же семантического поля. ср.: *gustatorium* — столовая посуда, чаша (от *gustare, gustatum* — отведывать, пробовать), *repulsorium* — средство (само)защиты (от *repellere, repulsum* — отталкивать, отражать), *opertorium* — покрывало, покров (от *operire, opertum* — покрывать) [4]. Добавим также, что в этот же семантический ряд терминов входит и известное всем существительное *suppositorium, i n*.

Таким образом, существительное, выступающее в роли латинского эквивалента слова «прокладка», скорее всего, должно быть среднего рода. Поэтому наше субстантивированное причастие должно иметь форму *assorbentia*, тем более, если учесть, что именно форма среднего рода существительных или субстантивированных прилагательных (причастий, притяжательных местоимений) употребляется для обобщения или суммирования во множественном числе (*omnia mea tecum porto* — классический

пример). Кстати, и автор рассматриваемой статьи слово «прокладки» в термине «прокладки для зубных протезов» предлагает переводить как *adhaesiva, orum n* [5, с. 135].

И последнее замечание касается грамматического окончания формы *assorbentia*. Учитывая разноречивость в отношении лексико-грамматического статуса латинских эквивалентов русских терминов с финалями -ант/-ент, который наблюдается в словарно-справочной литературе, в одной из недавних работ [7], мы предложили упорядочить грамматическую форму таких латинских неологизмов следующим образом. Существительные, принадлежащие к *Nomina agentis*, считать существительными мужского рода 3-го склонения (*recipiens, ntis m* — *реципиент*), а существительные, обозначающие предназначение, состав, способ действия и другие признаки или свойства, считать существительными среднего рода 2-го склонения (*conservantum, i n* — консервант; *sorbentum, i n* — сорбент), объединив их семантически и грамматически с названиями типа *fermentum, pigmentum* и неологизмами типа *antioxydantum, myorelaxantum* etc. Поэтому форму *assorbentia (absorbentum, i n)* считаем более предпочтительной, чем *assorbentia*.

Столь много места, как видим, занял анализ только одного предложенного термина. Однако без таких лингвистических обсуждений не обойтись на пути к выработке коллективного решения о принятии *ad usum scholasticum* того или иного неологизма, пусть это и будет не *consensus omnium*, а *consensus plurium*.

В пределах небольшой статьи сложно обсудить многие актуальные проблемы образования неологизмов. Думается, что назрела необходимость посвятить этим проблемам одну из ближайших Всероссийских научно-практических конференций. Ведь латинистам скоро будут задавать все больше вопросов не только студенты, но и фармацевты, и фармакологи, и другие медицинские специалисты о том, какие латинские эквиваленты следует использовать для названий и зубных нитей, и различных напитков, и детских молочных кашек, и прочих названий. Нам представляется, что латинистам Российской Федерации целесообразно в самое ближайшее время начать согласованную работу по переводу на латинский язык названий новых лекарственных форм. Координацию такой работы могла бы взять на себя созданная в рамках Рабочей группы по латинскому языку и основам терминологии специальная Комиссия по разработке и утверждению латинских неологизмов во главе с профессором В. Ф. Новодрановой. Результаты работы этой Комиссии следовало бы заслушивать на каждом заседании Рабочей группы, и затем рассылать в вузы методические рекомендации по применению той или иной группы новых терминов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Современное состояние и проблемы терминологии лекарственных форм* / Р. Е. Березникова, И. Б. Дремова, Э. А. Коржавых [и др.] // Научные и медицинские проблемы медицинской терминологии : материалы междунар. учеб.-науч.-метод. конф. зав.

каф. (курсами) латин. яз. и основ терминологии высш. мед. и фармац. учеб. заведений, Ульяновск, 5–10 окт. 2009 г. / Ульянов. гос. ун-т ; под ред. В. И. Мидленко. – Ульяновск : Изд-во «Вектор С», 2009. – С. 81.

2. *Костромина, Т. А.* Новые понятия и термины в фармации / Т. А. Костромина // Язык медицины : междунар. межвуз. сб. науч. тр. в честь юбилея В. Ф. Новодрановой. – Самара : СамГМУ ; Изд-во КРУПТЕН-Волга, 2015. – С. 108.

3. *Толковый словарь* иноязычных слов: наиболее употребительная иноязычная лексика, вошедшая а русский язык в XVIII–XX вв. и начале XXI в. / авт.-сост. Л. Н. Крысин. – М. : Эксмо, 2009. – 939 с. (Б-ка словарей).

4. *Новодранова, В. Ф.* Именное словообразование в латинском языке и его отображение в терминологии. *Laterculi vocum Latinarum et terminorum* : монография / В. Ф. Новодранова ; РАН, МГМСУ, Ин-т языкознания. – М. : Яз. славян. культур, 2008. – С. 61.

5. *Пролыгина, И. В.* Латинские неологизмы в наименованиях лекарственных форм. Проблемы и методы их решения / И. В. Пролыгина // Язык медицины : междунар. межвуз. сб. науч. тр. в честь юбилея В. Ф. Новодрановой. – Самара : СамГМУ, Изд-во КРУПТЕН-Волга, 2015. – С. 131–139.

6. *Цисык, А. З.* Об унификации оформления неологизмов и заимствованных слов в современной латинской терминологии / А. З. Цисык // Методические и лингвистические аспекты международной медицинской терминологии : материалы Всерос. науч.-метод. конф., Самара, 10–11 окт. 2013 / Самар. гос. ун-т. ; редкол. : Н. Н. Крюков [и др.]. – Самара : Порто-принт, 2013. – С. 185–189.

7. *Цисык, А. З.* О лексико-грамматическом статусе латинских эквивалентов терминов-существительных с финалями ант/-ент // Филология и медицина : материалы науч. конф., Казань, 12–15 мая 2014 / Казан. гос. мед. ун-т ; сост.: А. И. Бовсуновская, Н. Г. Николаева. – Казань : Отечество, 2014. – С. 102–108.

8. *Энциклопедический словарь* медицинских терминов: ок. 60 000 терминов : в 3 т. / гл. ред. Б. В. Петровский. – М. : Сов. энцикл., 1982–1984. – 3 т.

9. *Rudzitis, K.* Terminologia medica : in 2 vol. / K. Rudzitis ; cur. E. Pondere. – Riga : Liesma, 1973–1977. – Vol. 1. – P. 27–54.

Впервые опубликовано: Методические и лингвистические аспекты греко-латинской медицинской терминологии : материалы Всерос. науч.-учеб.-метод. конф., Санкт-Петербург, 18–20 окт. 2016 г. / 1-й Санкт.-Петерб. гос. мед. ун-т ; гл. ред. С. Ф. Багненко. – СПб. : РИЦ ПСПбГМУ, 2016. – С. 236–241. - 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

К ИСТОРИЧЕСКИМ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ ИСТОКАМ АНАТОМИЧЕСКОГО ТЕРМИНА «TESTIS» (ТЕСТИКУЛА)

В словарях латинского языка античного периода истории Рима у существительного **testis, is m** определяются два значения: 1) свидетель, очевидец и 2) тестикула, мужское яичко [4, с. 769; 19, с. 1932]. На первый взгляд, эти значения весьма далеки друг от друга, и поэтому закономерно возникает вопрос: «Что объединяет эти существительные, если они расположены в одной словарной статье?» Дополнительную интригу в этот вопрос вносит и приводимая Википедией этимология слова «тестикула»: «из лат. **testis, testiculus** — свидетель мужественности. Никаких замечаний по поводу слова **testis** не дает и П. А. Карузин в своем «Словаре анатомических терминов» [5, с. 215], в котором он обычно приводит исторические и линг-

вистические комментарии к терминам. В то же время в интернете и в некоторых научных трудах содержатся утверждения о существовании в Древнем Риме ритуала касания мужчинами-свидетелями своих тестикул во время принесения присяги в римских судах. Поэтому в данной статье мы поставили перед собой задачу исследовать два вопроса: 1) каким образом латинское слово **testis** «свидетель» приобрело значение «яичко» (тестикула) как анатомическое название парной мужской семенной железы (именно так слово **testis** определяется в русском и украинском вариантах Международной анатомической номенклатуры [7, с. 87; 8, с. 126] и 2) достоверны ли гипотезы о древнеримском ритуале, обязывающем мужчин-свидетелей касаться своих тестикул во время принесения присяги.

Прежде всего, следует отметить, что в бытовой латыни античности слово «яйцо» обычно соотносилось с яйцами птиц, употреблявшихся в пищу, и было известно как **ovum**, *i n*; отсюда мы знаем распространенное выражение **ab ovo usque ad mala** — букв. от яйца до фруктов, связанное с порядком подачи блюд у римлян [4, с. 546]. Но тут же следует отметить, что известное слово «овация», в наше время чаще «овации», бурные аплодисменты», не имеет ничего общего со словом **ovum** яйцо, а восходит к латинскому глаголу **ovo, ovatum, ovare** со значением «издавать крик ликования, ликовать» [4, с. 545]. Римляне создали этот глагол на основе возгласов «е́а» и «е́ао», которыми древние греки сопровождали празднества в честь бога Диониса-Вакха, и которые затем и римляне употребляли во время празднования «Вакханалий» [14, с. 748: 4 с. 545]. От данного глагола было образовано слово **ovatio**, которое в Риме первоначально имело значение «празднование малого триумфа римского полководца, сопровождающееся торжественными криками и бурными аплодисментами» [6, с. 483]. С XVIII в. это слово в форме **ovation** фиксируется во французском языке в значении «бурные аплодисменты» [13, с. 576], и в этом значении оно перешло в немецкий и другие европейские языки [10, т. 3, с. 113].

Однако для обозначения мужских яичек римляне употребляли слово **coleus**, *i m* и отсюда возникло поговорочное выражение «*coleos habere*» — иметь тестикулы, т. е. быть мужчиной в значении «быть настоящим мужиком, уметь за себя постоять», которое встречается у многих римских авторов. В частности, в «Сатириконе» Петрония встречается выражение «*Si nos coleos haberemus, non tantum sibi placeret (XLIV, 3)* — букв. «Если бы у нас были тестикулы (т. е. если бы мы были настоящими мужчинами), не так много он (т. е. Эдил) себе бы позволил». Но параллельно с **coleus** в этом же значении с 3-го века до н. э. в римской литературе фиксируются слово **testis** и несколько позже слово **testiculus** (то и другое обычно в формах множественного числа) [19, с. 1931–1932]. Попытаемся определить причины и пути появления анатомического значения двух последних слов, которые (и с этим оглашаются все лингвисты) восходят к слову **testis** в его первичном значении «свидетель». В этом плане рассмотрим вначале этимологию данного слова.

Слово **testis** принадлежит к древнейшей лексике латинского языка и встречается уже в первом основополагающем юридическом документе древних римлян «Законах 12 таблиц» — *Leges duodecim tabularum*, созданных в V до н. э. [17, с. 676]. Это слово восходит к архаичной форме *tristis* и толкуется как «стоящий третьим» [14, с. 1036], т. е. как человек, находящийся возле двух спорящих и могущий предоставить свое непредвзятое мнение в качестве свидетеля в случае судебного разбирательства.

По нормам римского права, в суде в качестве свидетелей могли выступать только свободные, умственно и физически полноценные и совершеннолетние римские граждане мужского пола [1, с. 399]. И вот именно в этих требованиях уже явно заключено первое основание для метафорического сближения слова «*testis*» в значении «свидетель» с основным признаком маскулинности свидетеля — его тестикулами (*testiculi*). Поэтому последнее слово в форме деминутива **testiculus**, а затем и в полной форме *testis* могло приобрести значение «маленький свидетель» уже и в дополнительном метафорическом контексте, т. е. тестикулы могли рассматриваться в роли маленьких свидетелей не только полового акта мужчины как физической идентификации его маскулинности, но и в социальной жизни как маркера внешних признаков его принадлежности к мужскому полу при появлении в суде. К сожалению, сохранившиеся письменные памятники латинской словесности не дают нам сегодня возможности точно проследить процесс эволюции слова «*testis*» в значении «свидетель» к слову «*testis*» в значении «тестикула». Судя по лексиконам латинского языка, слово «*testes*» в значении «тестикулы» впервые встречается в произведениях римского комедиографа III–II в. до н. э. веков Плавта, а слово *testiculi* — у писателя II–I в. до н. э. Теренция Варрона, причем у последнего — по отношению к половым органам животных [19, с. 1931–1932]. Например, в комедии Плавта «*Miles gloriosus*» («Хвастливый воин») встречаются два выражения со словом «*testis*». Первое — «*amittamus te salvis testibus*» («чтобы мы отпустили тебя, сохранив невредимыми твои тестикулы») и второе — *si posthac prehendero te hic — carebis testibus* («если еще раз тебя здесь застукаю — будешь лишен тестикул»). Такими словами пугают «хвастливого воина» Пиргополиника, требуя у него денег и угрожая ему острым ножом. Можно высказать предположение, что в латинском языке сначала могло появиться слово «*testiculus*» в метафорическом значении «маленький свидетель», а затем значение «свидетель-тестикула» закрепилось за формой «*testis*», хотя это процесс и нельзя подтвердить на основании сохранившихся письменных памятников. В любом случае, большинство исследователей, в том числе авторы Оксфордского словаря латинского языка, а также авторы этимологических словарей латинского языка Эрну–Мейе и Вальде–Гофман придерживаются мнения о том, что слово «*testis*» в значении «тестикула» появилось в результате метафорического переосмысления первичного значения слова «*testis*» «свидетель» именно с целью легализации статуса свидетеля римского гражданина.

Как на косвенное свидетельство подтверждения этого предположения эти и другие авторы ссылаются на аналогичное метафорическое употребление в древнегреческом языке слов *γείτονες* и *παραστάται* (букв. «соседи по военному строю», «защитники») в значении «тестикулы» [14, с. 1036; 15, с. 1325; 19, с. 1932]. Учитывая повсеместное распространение греческого языка во всех слоях римского общества III–II веков до н. э., как свидетельствует и содержание комедий Плавта, и огромное количество греческих заимствований в латинском языке в III в. до н. э. [23], такие языковые аналогии можно считать вполне допустимыми.

Представив нашу версию появления значения «тестикула» у слова «testis», рассмотрим теперь упомянутое выше предположение, согласно которому слово «testes» (свидетели) приобрело второе значение «testiculi» на основании того, что римские свидетели-мужчины при произношении присяги в суде помещали правую руку на свои гениталии, и таким образом клялись своей маскулинностью. Авторы подобных утверждений при этом бездоказательно ссылаются на некие «древние сведения» или некий «городской фольклор». Однако трудно себе представить, что римская юридическая литература, весьма скрупулезно передающая все подробности юридических действий, понятий, определений и терминов, упустила бы столь интересную деталь принесения свидетелями присяги или клятвы. В частности, о таких подробностях римской юриспруденции не упоминает М. Бартошек в известной монографии «Римское право: (Понятия, термины, определения)» [1]. Ничего не говорит об использовании тестикул при принесении клятвы и Дж. Адамс в своем основательном исследовании латинской сексуальной лексики [12, с. 66–71]. Вряд ли умолчала бы о таких пикантных подробностях столь богатая бытовыми подробностями римская сатира, известные своей язвительностью поэты-бытописатели римских нравов Катулл, Гораций, Марциал или Ювенал. Не упустил бы, наверно, возможности сказать об этом и известный греческий эрудит Плутарх в своих многочисленных «Римских вопросах» или в «Застольных беседах». В любом случае, мы сегодня не находим ни одной серьезной отечественной или зарубежной работы, в которой при описании роли свидетелей в римском суде упоминались бы случаи такой «тестикулярной» формы принесения свидетелем клятвы. Косвенным свидетельством того, что в римских судах слово «testis» звучало только в значении «свидетель», могут быть и слова Цицерона в письме к Луцию Пету (9-е письмо, 22, 4): «Testes — самое безупречное слово в суде. В другом же месте — не слишком». Однако всякого рода информация с оттенком «клубнички» имеет свойство быстро распространяться, особенно в интернете. При этом стоит появиться блогу или статье какого-то вроде бы статусного ученого, как тут же на его работу начинают ссылаться другие пользователи всемирной паутины по античному принципу *ipse (magister) dixit* — «сам учитель сказал!». Вот только один такой пример. Несколько лет назад в интернете появилась небольшая статья профес-

сора Чикагского университета Дарио Маэстриплери под названием «Testify» comes from the Latin word Testicle?», т. е. «Слово «свидетельствовать» происходит от латинского слова «тестикула?» [18]. Она начинается следующими словами: «В Древнем Риме двое мужчин, дававших клятву верности друг другу, держали друг друга за яички, а мужчины держали свои яички в знак правдивости во время свидетельских показаний на публичном форуме». Однако вместо ссылки на какие-нибудь достоверные письменные латинские источники такого эпатажного заявления, чикагский профессор переходит к миру обезьян и начинает говорить о том, что в мире павианов уже миллионы лет существует форма поведения, подобная упомянутому выше римскому(?) ритуалу. Она заключается в том, что два павианасамца, которые сотрудничают друг с другом, часто ласкают гениталии друг друга, причем этот ритуал носит не сексуальный, а социальный характер. Такой ритуал приматологи называют «приветствием» и полагают, что в такой форме у упомянутых обезьян символически определяется и взаимно подтверждается самая высокая цена взаимной договоренности — органы размножения. Однако у обезьян может быть немало привычек и стадных ритуалов, которые, к счастью, не свойственны людям. У муравьев и других представителей биологических форм жизни, ведущих социальный способ существования, тоже можно подметить определенные черты сходства с миром людей, но разве это может служить аргументом при объяснении социального поведения человека в обществе? Поэтому ни один профессиональный специалист по античной культуре не станет всерьез воспринимать ни название статьи чикагского профессора, ни ее содержание в отношении пока никем не доказанного римского судебного ритуала. Однако слово выпущено и пошло питать умы дилетантов и любителей сенсаций! И вот уже в книге Алексея Александровича Столярова и Александра Васильевича Столярова «Сексология» читаем: «В Древнем Риме существовал обычай приносить клятву, приложив руку к гениталиям; это расценивалось присутствующими как то, что мужчина говорит правду. Если впоследствии его уличали в лжесвидетельствовании, такой свидетель подвергался принудительной кастрации» [9]. Однако такие ментальные спекуляции все-таки требуют определенных доказательств, и потому отдельные ученые ищут малейшую возможность найти хоть какие подтверждения гипотетическому феномену использования мужских тестикул в приношении клятвенных обязательств римских свидетелей. В частности, такую попытку предпринял американский филолог Джошуа Катц (Joshua Katz) в статье «Testimonia: Ritus Italici: Male Genitalia, Solemn Declarations, and a New Latin Sound Law», т. е. «Доказательства: Итальянские ритуалы: Мужские гениталии, торжественные заявления и новое звучание латинского закона» [16, с. 183–217]. Для нас, прежде всего, важно то, что автор данной статьи указывает на два места из Древнего Завета (Книга Бытия, гл. 24, 2–3) и Книга Бытия, гл. 47, 29), которые, на наш взгляд, можно рассматривать как первоисточник всех

спекуляций по поводу использования мужских тестикул при произнесении клятвы в римском суде. В первом эпизоде Авраам подзывает своего старшего слугу и говорит ему: «Положи руку твою под стегно мое и клянись Господом, что не возьмешь сыну моему Исааку жену из дочерей Ханаана, но пойдешь в землю мою и возьмешь оттуда жену ему». Во втором эпизоде Яков позвал Иосифа и сказал ему: «Положи мне руку под бедро и клятвенно пообещай, что не похоронишь меня в Египте». Большинство исследователей понимают слова «под бедро» как эвфемизм, употребленный вместо «на гениталии». Видимо, на основании этих двух библейских фрагментов у некоторых исследователей и сложилось убеждение, что привлечение мужских гениталий при заключении клятвенных обязательств было характерным признаком всех средиземноморских культур, включая и римскую. Вот и Джошуа Катц после ссылки на указанные слова Библии приводит текст из «Игувинских бронзовых таблиц», составленных на языке умбров, северных соседей римлян приблизительно в III–II вв. до н. э. На одной из этих таблиц изображен обряд принесения в жертву Юпитеру жертвы из тела быка, причем приносящий жертву держит в руках часть животного под названием **urfeta**, а это название, согласно предположению Джошуа Катца, можно соотнести с латинским словом **orbis** в значении «шар» и греческим словом **orchis** «яичко». Очевидно, что этим автор статьи пытается нащупать какую-то связь между символикой яичек животных и архаичными италийскими ритуалами, допуская привлечение к клятвенным выражениям как тестикул животных, так и тестикул людей. Однако предположения Джошуа Катца без письменных древнеримских подтверждений остаются пока чисто умозрительными спекуляциями, тем более, что в современных этимологических словарях латинского и древнегреческого языков нет оснований для лексического и смыслового сближения не совсем понятного умбрского слова **urfeta** с латинским **orbis** и греческим **orchis**. Точки зрения, сходной с нашей, придерживается и американский филолог Ивонн Оуэнс (Yvonne Owens) в блоге под названием «Is it true that the word "testify" is based on the Ancient Roman practice of making men swear on their testicles when making a statement in court?», т. е. «Верно ли, что слово «свидетельствовать» основывается на древнеримской практике заставлять мужчин клясться своими яичками во время заявления в суде?» [20]. Отметим также, что известный французский лингвист Эмиль Бенвенист в разделе «Jus и клятва в Риме» своего «Словаря индоевропейских социальных терминов» отмечает только один вид ритуального прикосновения при произношении клятвы — прикосновение рукой к алтарю божества. В качестве примера он приводит сцену из комедии Плавта «Канат», где один персонаж заставляет другого принести клятву, держась за Венерин алтарь. В качестве другого примера ученый приводит эпизод из 21 книги Тита Ливия «Истории Рима: от основания города», где карфагенский полководец Гамилькар приводит десятилетнего сына Ганнибала в храм и тот, возложив руку на алтарь, приносит

отцу клятву, что он будет вечным врагом Рима [2, с. 306–312]. Таким образом, отметим еще раз, что у серьезной науки пока что нет никаких оснований признать существование у древних римлян некоего ритуала, предполагавшего использование тестикул человека в процедуре принесения судебной или межличностной клятвы.

Наконец, чтобы положить конец всяческим спекуляциям по поводу влияния слов *testis/testiculus* на возникновение в английском языке лексики со значением «проверять», «подтверждать», «доказывать истинность», «испытывать», как и генетически связанных с ней соответствующих существительных, заглянем в этимологические словари английского языка и латинского языка. В них мы обнаружим, что английские слова **test** (испытание, исследование, тест) и **to test** (подвергать испытанию, проверке) не имеют ничего общего с латинским словом **testis** как в значении «свидетель» (англ. *witness*), так и в значении «мужское яичко» (англ. *testicle*). Эти слова появились в английском языке только в конце XVI в. как заимствование из старофранцузского слова **test**, обозначавшего «небольшой сосуд из обожженной глины» (из лат. *testa* — обожженная глина), который употреблялся для определения и оценки благородных металлов. С 1595 г. фиксируется употребление слова *test* в значении «испытание чего-то на истинную принадлежность или на истинное состояние». С 1748 г. фиксируется глагол *to test* в этом же значении [21; 22]. Что же касается английских слов *testamen* (завещание), *testify* (давать показания, свидетельствовать), *testimony* (устное показание, письменное свидетельство), то все эти слова, согласно этимологическим словарям английского языка, восходят к латинским словам *testamentum* (завещание), *testificari* (свидетельствовать) и *testimonium* (свидетельство), созданных на основе слова **testis** в значении «свидетель» [22; 14, с. 1036–1037]. А если говорить о словах русского языка **аттестат**, **аттестация** и **аттестировать**, то они восходят к латинскому глаголу **attestari** — подтверждать, удостоверить, составленному из приставки *ad* (*at*) со значением «начало действия» и уже известного нам существительного **testis** в значении «свидетель» [4, с. 768–769; 11, с. 14]. Именно это первичное значение, как видим, дало в латинском языке производную основу для образования слов с различной предметной и социальной семантикой. А слово **testis** в значение «яичко», как метафорическое производное от первичной формы, осталось только в сфере бытовой и анатомической лексики и дало начало только одному деминутиву — *testiculus*, ставшему этимологом слова «тестикула» в русском языке и *testicle* в английском.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бартошек, М.* Римское право: понятия, термины, определения / М. Бартошек : пер. с чеш. – М. : Юрид. лит., 1989. – 448 с.
2. *Бенвенист, Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов / Э. Бенвенист : пер. с фр. ; общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. – М. : Прогресс-Универс, 1995. – 456 с.

3. *Дворецкий, И. Х.* Древнегреческо-русский словарь: ок. 70 000 сл. : в 2 т. / И. Х. Дворецкий. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958 – 2 т.
 4. *Дворецкий, И. Х.* Латинско-русский словарь: ок. 50 000 сл. / авт.-сост. И. Х. Дворецкий. – 3-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1986. – 840 с.
 5. *Карузин, П. И.* Словарь анатомических терминов. / П. И. Карузин. – М., Л. : Изд-во ГИЗ, 1928. – 293 с.
 6. *Любкер, Ф.* Реальный словарь классических древностей : в 3 т. / Ф. Любкер : пер. с нем. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – Т. 1. – 576 с.
 7. *Международная анатомическая терминология* / под ред. Л. Л. Колесникова. – М. : Медицина, 2003. – 424 с.
 8. *Міжнародна анатомічна термінологія* (латинські, українські, російські, англійські еквіваленти) / В. Г. Черкасов, І. І. Бобрик, Ю. Й. Гумінський, О. І. Ковальчук ; за ред. В. Г. Черкасова. – Вінниця : Нова Кн., 2010. – 392 с.
 9. *Столяров, А. А.* Сексология / А. А. Столяров, А. В. Столяров. – URL: <https://libking.ru/books/samizdat/667789-11-aleksej-stolyarov-seksologiya.html#book> (дата обращения: 17.08.2021).
 10. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1987. – Т. 3 : Муза – Свят. – 832 с.
 11. *Этимологический словарь русского языка* / авт.-сост. И. М. Шанский. – М. : Прозерпина, 1994. – 399 с.
 12. *Adams, J. N.* The Latin sexual Vocabulary / J. N. Adams. – London : Duckworth, 1982. – 272 p.
 13. *Duboi, J.* Dictionnaire étymologique et historique du Français / J. Duboi, H. Mitterand, A. Dauzat. – Paris : Larousse, 2007. – 893 p.
 14. *Ernout, A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine: histoire des mots / A. Ernout, A. Meillet. – Paris : Éd. C. Klincksieck, 1939. – XXI + 1184 p.
 15. *A Greek-English Lexicon* / comp. by H. G. Liddell, R. Scott. – Oxford : Clarendon Press, 1996. – 2042 + 320 p.
 16. *Katz, J.* Testimonia. Ritus Italici: Male genitalia, Solemn Declarations, and a New Latin Sound Law / J. Katz // Harvard Studies in Classical Philology. – 1998. – Vol. 98. – P. 183–217.
 17. *Lateinisches etymologisches Wörterbuch* / von A. Walde. – 3, neubearb. Aufl. von J. B. Hofmann. – Heidelberg : Carl Winter's Univ. Verl., 1954. – Bd. 2 : M – Z. – 287 s.
 18. *Maestripleri Dario.* “Testify” comes from the Latin word for Testicle. – URL: <https://www.psychologytoday.com/us/blog/games-primates-play/201112/testify-comes-the-Latin-word-testicle> (дата обращения: 17.08.2021).
 19. *Oxford Latin Dictionary* / comp. by P. G. W. Glare. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1968. – XXIII + 2126 p.
 20. *Owens Yvonne.* Is it true that in Ancient Rome when a man testifies in court he will swear on his testicles? – URL: <https://www.quora.com/unanswered/is-it-true-that-in-Ancient-Rome-when-a-man-testifies-in-court-he-will-swear-on-his-testicles> (дата обращения: 17.08.2021).
 21. *Test.* – URL: <https://www.etymonline.com/word/test> (дата обращения: 17.08.2021).
 22. *Testify.* – URL: <https://www.etymonline.com/word/testify> (дата обращения: 17.08.2021).
 23. *Weise, O.* Die griechischen Wörter im Latein / O. Weise. – Leipzig : Hirzel, 1882. – VIII + 546 s.
- Вперше опубліковано: Актуальні питання лінгвістики, професійної лінгводидактики, психології і педагогіки вищої школи: зб. ст. VI Міжнар. наук.-практ. конф., м. Полтава, 25–26 листопада 2021 р. – Полтава : Астрей, 2021. – С. 331–337.*

К ПОНЯТИЙНЫМ И ЛЕКСИЧЕСКИМ ИСТОКАМ ТЕРМИНА «ИНСУЛЬТ» И ЕГО ЛАТИНСКОГО ЭКВИВАЛЕНТА «INSULTUS»

Термин «инсульт» в современной медицинской литературе определяется как «внезапное острое нарушение кровообращения в головном или спинном мозге с развитием симптомов поражения центральной нервной системы» [4, с. 680]. Считается, что данное слово было заимствовано в XIX в. из немецкого языка от слова *Insult* [13, с. 110]. Как подтверждают все словари, русскому слову «инсульт» соответствует латинское **insultus, us m.** Точно неизвестно, когда это слово в значении «инсульт» начало употребляться в медицинской латыни. Можно предположить, что в выражении **insultus cereбрalis** (мозговой инсульт) оно появилось в европейской научной литературе во второй половине XIX в., когда медицине впервые стали известны истинные причины этого заболевания [9, с. 215]. Об этимологии слова **insultus**, которое обычно считают производным от глагола **insultare** [2, с. 239; 4, с. 680; 14, с. 415], мы поговорим ниже более подробно. А понятийные истоки заболевания, соответствующего современному инсульту, определяются в работах древнегреческих врачей Гиппократ и Гален. Об этом рассказал профессор Кёльнского университета Аксель Каренберг в своей лекции «История инсульта со времен Гиппократ до XXI века», прочитанной им 3–4 октября 2014 г. в МГТСУ им. А. И. Евдокимова [8], и в статье «Кровь, флегма и дух: Гален об инсульте» [9]. Из этих источников явствует, что о заболевании с признаками инсульта впервые упоминается в «Гиппократовом сборнике» (V–IV вв. до н. э.), а систематизировал его признаки и закрепил за ним название **apoplexia** Клавдий Гален (II в. н. э.). Значение слова **apoplexia** (удар, паралич) [20, с. 213] передает главный признак этого заболевания, которое внезапно, словно удар, поражает жизненные функции человека. А. Каренберг проанализировал все высказывания по поводу этого заболевания, содержащиеся во фрагментах семнадцати трактатов Галена [9, с. 209]. Нам представляется важным привести две цитаты из этих трактатов, цитируемые А. Каренбергом, в которых проявляется главная сущность заболевания «апоплексия» в понимании Галена. В первом высказывании Гален говорит: **pantōn men oun hama tōn neurōn apolesantōn aisthēsīn te kai kinēsīn, apoplexia to pathos onomazetai**, т. е. «когда все нервы одновременно теряют чувствительность и движение, это называется апоплексией». И второе высказывание: **apoplexia hē pantos tou sōmatos paralysis hama tais hēgemonikais energeiais**, т. е. «апоплексия является параличом всего тела, который сопровождается нарушением главных функций» [9, с. 209]. Эти слова очень важны в качестве текстовой аргументации к утверждениям о Галене как об авторе термина «апоплексия», которые приводятся в большинстве научных и словарно-справочных изданий без ссылок на текст работ древнегреческого врача.

Упомянутый выше термин Галена в форме **apoplexia** перешел в латинский лексикон поздней античности и в общеевропейский медицинский лексикон средневековой Европы, а затем и в национальные европейские языки. Например, во французском языке термин **apoplexie** употребляется с XIII в. и по настоящее время для обозначения заболевания, которое сегодня определяется как мозговой инсульт, наряду с терминами *accés, attaque, coup* и др. [17, с. 8; 5, с. 53]. Точно так же термин **apoplexy** употребляется в английском языке наряду с терминами *attack* и *stroke* [2, с. 33].

Что же касается слова **insultus, us m** то, по данным «Словаря средневековой латыни Дюканжа» (*Glossarium mediae et infimae Latinitatis*), оно фиксируется в средневековой латыни с XIII века в значении «нападение», «наступление», «приступ» [18]. Однако в качестве синонима к латинизированному грецизму **apoplexia** данное слово не было ассимилировано ни французским, ни английским языком. Основной причиной этого стало то, что слово **insulte** во французском языке, образованное от латинского **insultus**, восприняло от него не прямое значение, указанное выше, а переносное — оскорбление, издевательство, насмешка [15, с. 303; 17, с. 426]. В этом значении слово **insultus**, как указывают Эрну и Мейе, вошло в латинскую церковную литературу поздней античности и раннего средневековья под влиянием семантики глагола *insultare*, который в значении «издеваться», «насмехаться», «глумиться» встречается уже в сочинениях Цицерона [19, с. 889]. Существительное **insult** в английском было заимствованно из французского языка уже только с этой семантикой [10, с. 334]. В немецком же языке у слова **Insult**, возникшего как сокращение от устаревшего книжного **Insultation**, смыслового аналога французского *insulte*, имелись отечественные смысловые эквиваленты-конкуренты *Beleidigung, Beschimpfung, Verhöhnung* [21]. В таких условиях с появлением латинского термина **insultus cereбрalis** слово **Insult**, как нам представляется, изменило свое первоначальное семантическое поле и начало успешно конкурировать с многочисленными национальными эквивалентами термина «апоплексия» (*Apoplexie, Anfall, Hirnschlag, Schlaganfall, Schlag et cetera*) [2, с. 239; 3, с. 106]. Этому изменению значения слова **Insult** и его сближению со значением слова **apoplexia** способствовала и достаточно широкая известность в латинской литературе Европы слова **insultus** в его первоначальных значениях «нападение», «наступление», «атака» «приступ», и то, что данные значения близко соотносились со смыслом слова **apoplexia**, — ведь не случайно в национальных синонимичных вариантах этого термина — **attaque, coup** (франц.), **stroke** (англ.), **Anfall, Hirnschlag** (нем.) — отражается основной признак данного заболевания — его «ударообразный», приступообразный, парализующий характер. А поскольку до середины XIX в. природа инсульта не была ясна и обычно понималась как «апоплексический удар» [9, с. 215], то на почве этого понятийного концепта и произошло сближение семантики терминов *apoplexia* и *insultus* с последующим проникновением последнего

в латинскую и национальную медицинскую терминологию. Так термин **insultus** был воспринят в медицинской латыни Европы конца XIX и начала XX вв. как аналог термина **apoplexia**, а затем даже начал его вытеснять. Еще в 1936 г. Национальная библиотека США поменяла термин «апоплексия» на «цереброваскулярное расстройство», а в дальнейшем — на «инсульт» [9, с. 215]. Поэтому и в современном английском языке слово *insult* приобрело соответствующее медицинское значение [1, с. 434], и в современных итальянском и испанском языках уже также фиксируется термин **insulto** в том же медицинском значении «инсульт» [7].

Однако теперь попытаемся определить, правы ли все те авторы статей в словарно-справочной литературе, которые выводят слово «инсульт» от латинского глагола **insulto, insultare** — прыгать, запрыгивать, нападать?

Прежде всего, возникает закономерный вопрос: каким образом форма **insultus, us m** могла быть образована от глагола **insultare**? Ведь все отглагольные существительные 4-го склонения с финалью **-tus** образуются от основы супина, ср.: *aditus, us m* ← *adeo, adii, aditum*; *cultus, us m* ← *colo, colui, cultum*; *ductus, us m* ← *duco, duxi, ductum*. Это правило, как отметил Ю. В. Откупщиков, знали уже античные грамматики (Откупщиков 2005: 85). Но, согласно этому правилу, существительное **insultus, us m** не могло быть образовано от супина **insultatum** глагола **insultare**, да и форма *insultatus, us m* — гипотетический прообраз формы **insultus**, не зафиксирована ни в одном словаре. Могла ли бы форма **insultus, us m** быть образована от основы инфекта *insult-* глагола **insultare**? Такая словообразовательная модель в латинском языке не зафиксирована [11, с. 53–75]. Однако известно, что существительное **insultus** уже существовало в латинском языке до Плавта, а в его эпоху было вытеснено из письменной латыни существительным *insultura* [11, с. 61]. Логично предположить, что до конца античности оно сохранялось в разговорной форме языка и затем появилось в письменных памятниках средневековой латыни. Но как это слово могло образоваться в доклассической латыни?

По аналогии с глаголами *desilio, desilui, desultum*; *assilio, assilui, assultum* и *resilio, resilui, resultum* логично ожидать форм **insilio, insilui, insultum**. Форма супина **insultum** у глагола *insilio* в письменных памятниках латыни классического периода не зафиксирована [23, с. 925; 6, с. 407], но присутствие в них таких слов, как *insulto* — впрыгивать, запрыгивать, наскокивать и *insultura* — впрыгивание, запрыгивание свидетельствует о том, что в разговорной речи эта форма уже существовала до периода классической латыни. Именно она, по всей видимости, и послужила производной основой указанных двух лексем. Как отмечает Ю. Откупщиков, причастия прошедшего времени на **-itus** или супин на **-itum** глаголов, не сохранивших этих форм в период классической латыни, могут быть восстановлены на основании наличия производных слов [12, с. 88]. Видимо, с учетом именно этого фак-

тора в современных словарях латинского языка глагол *insilio* представлен уже с формой супина: *insilio, insilui, insultum, ire* [22, с. 787].

Таким образом, история существительного **insultus, us m** показывает, что оно не могло быть образовано от глагола *insultare*, как считают многие составители медицинских и этимологических словарей. Этот глагол, как и существительные **insultus** и **insultura**, является производным от формы супина глагола *insilio, insilui, insultum, ire*. Форма супина *insultum* (или, как вариант, древняя форма причастия прошедшего времени *insultos*, согласно Ю. В. Откупщикову) [12, с. 86–101] — общий и единственный источник образования этих трех лексем. А версия о происхождении слова **insultus** от глагола **insultare** могла появиться, на наш взгляд, вследствие неточно понятого комментария авторов «Этимологического словаря латинского языка»: «*insultus*» появляется в языке Церкви в значении «*insulte*», без сомнения, под влиянием «*insultare*», которое в морально-этическом смысле употребляется уже Цицероном» [19, с. 889].

Все сказанное выше позволяет нам сделать вывод, что в качестве этимона термина «инсульт» следует рассматривать латинское существительное **insultus, us m** (наскок, нападение, поражающее действие), производное глагола **insilio, insilui, insultum, ire** (прыгать, запрыгивать, нападать). Отметим, что этот вывод совпадает с позицией и некоторых авторов авторитетных англоязычных лексиконов медицинской терминологии [16, с. 843; 24; с. 789].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Англо-русский медицинский словарь: более 90 000 терминов / сост. : И. Ю. Марковина [и др.]*. – М. : Медицинское информационное агентство, 2008. – 896 с.
2. *Медицинская терминология на пяти языках: Latinum, Русский, English, Francais, Deutch / авт.-сост. Г. Д. Арнаутов*. – София : Медицина и физкультура, 1964. – XXIV. – 1029 с.
3. *Медицинский словарь (русско-немецкий и немецко-русский): ок. 70 000 терминов / А. Ю. Болотина*. – М. : РУССО, 2001. – 776 с.
4. *Большой энциклопедический словарь медицинских терминов: 100 000 терминов / под ред. Э. Г. Улумбекова*. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2012. – 2263 с.
5. *Новый французко-русский словарь: 70 000 сл. / авт.-сост.: В. Г. Гак, К. А. Ганшина*. – 5-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 2000. – 1195 с.
6. *Дворецкий, И. Х.* Латинско-русский словарь: ок. 50 000 сл. / И. Х. Дворецкий. – 3-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1986. – 840 с.
7. *Инсульт*. – URL:<https://www.indifferentlanguages.com/ru/слово/инсульт> (дата обращения: 07.04.2020).
8. *Каренберг, А.* История инсульта со времен Гиппократ до XXI века / А. Каренберг. – URL:www.hystorymed.ru/local/templates/historymed_main/assets/img_content/events/Karenberg.Ru.pdf (дата обращения: 15.04.2020).
9. *Каренберг, А.* Кровь, флегма и дух: Гален об инсульте / А. Каренберг // История медицины. – 2015. – № 2. – С. 207–216.
10. *Мюллер, В. К.* Англо-русский, русско-английский словарь: 150 000 сл. и выражений / В. К. Мюллер. – М. : Эксмо, 2010. – 1200 с.
11. *Новодранова, В. Ф.* Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии. *Laterculi vocum Latinarum et terminorum* : монография / В. Ф. Но-

водранова ; РАН, МГМСУ, Ин-т языкознания. – М. : Яз. славян. культур, 2008. – 321 с. (Studia philologica).

12. *Откупщиков, Ю. В.* Латинские фреквентативные глаголы на -(i)tāre и соотношение индоевропейских именных и глагольных основ / Ю. В. Откупщиков // Из истории индоевропейского словообразования. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ; М. : Академия, 2005. – С. 84–111.

13. *Этимологический словарь русского языка* / авт.-сост. И. М. Шанский. – М. : Прозерпина, 1994. – 399 с.

14. *Энциклопедический словарь медицинских терминов: ок. 60 000 терминов* : в 3 т. / гл. ред. Б. В. Петровский. – М. : Сов. энцикл., 1982. – Т. 1 : А – Йореса способ. – 464 с.

15. *Brachet, A.* Dictionnaire étymologique de la langue française / A. Brachet. – Troisième ed. – Paris : J. Hetzel, 1870. – 560 p.

16. *Dorland's Illustrated Medical Dictionary* / eds. : D. M. Anderson [et al.]. – 27th ed. – Philadelphia [etc.] : W. B. Saunders Co., 1988. – XXXII. – 1888 p.

17. *Duboi, J.* Dictionnaire étymologique et historique du Français / J. Duboi, H. Mitterrand, A. Dauzat. – Paris : Larousse, 2007. – 893 p.

18. *Glossarium mediae et infimae Latinitatis* : in 6 vol. / Du Cange [et al.]. – Niort : L. Favre, 1883-1887. – URL:<http://ducange.enc.sorbonne.fr> (дата обращения: 15.04.2020).

19. *Ernout, A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine: histoire des mots / A. Ernout, A. Meillet. – Paris : Éd. C. Klincksieck, 1939. – XXI + 1184 p.

20. *A Greek-English Lexicon* / comp. by H. G. Liddell, R. Scott. – Oxford : Clarendon Press, 1996. – 2042 + 320 p.

21. *Insult.* – URL: <https://www.wissen.de/wortherkunft/insult> (дата обращения: 07.04.2020).

22. *Nuovo Campanini Carboni Vocabulario Latino-Italiano, Italiano-Latino* / a cura di P. Poccetti. – Torino: Paravia, 1996. – 2184 p. + App.

23. *Oxford Latin Dictionary* / comp. by P. G. W. Glare. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1968. – XXIII + 2126 p.

24. *Stedman's Medical Dictionary.* – 25th ed. – Philadelphia : Williams and Wilkins, 1990. – 1784 p.

Впервые опубликовано: Концептуально-терминологическое пространство медицинского знания : сб. материалов Всерос. науч.-метод. конф., посвящ. 50-летию каф. латин. яз. и основ терминологии МГМСУ им. А. И. Евдокимова, Москва, 28–29 января 2021 г. / Моск. гос. мед.-стомат. ун-т, каф. латин. яз. и основ терминологии ; отв. ред. В. Ф. Новодранова. – М. : Клио, 2021. – С. 207–213.

К ИСТОРИЧЕСКИМ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ ИСТОКАМ ЛАТИНСКОГО ИМЕНИ «FRANCISCUS» И ЕГО БЕЛОРУССКИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ

Древнегреческий язык и латынь являются истоками многих мужских и женских имен и в русском, и в других европейских языках. Среди них и имя Франциск, которое в Беларуси пользуется особым уважением, так как оно связано с личностью одного из самых выдающихся деятелей белорусской культуры — Франциска Скорины. В современном белорусском языке, судя по статье «Францыск Скарына» в официальной белорусской версии Википедии, основными вариантами русскоязычного имени Франциск при-

нято считать формы Францыск и Францышак [13]. В этой же статье указано, что в сохранившихся произведениях Скорыны автор упоминает себя под именем Францыск больше чем 100 раз, реже — Францишек. В соответствии с этой информацией представлено имя Скорины и в недавно опубликованном академическом сборнике новых исследований, посвященных славному белорусскому первопечатнику, в которых русскоязычный вариант Франциск упоминается десять раз, его белорусский вариант Францыск — девятнадцать раз и только трижды представлен вариант Францышак [13].

Но если имя Франциск и знакомо белорусам в том или ином варианте, далеко не все, на наш взгляд, представляют себе, как и когда это имя появилось и в белорусском, и в других в европейских языках, и каково его буквальное значение. Судя по словарям личных имен, имя Франциск заимствовано от средневекового латинского имени *Franciscus* со значением «франкский», «происходящий из германского племени франков», или «относящийся к франкам», или просто «из племени франков» [10, с. 334]. Но в какой мере такая информация соответствует действительности?

Прежде всего, поинтересуемся, кто такие франки и чем они вошли в историю Европы. Первоначально слово «франки» (*Franci*) с конца III в. служило римлянам в качестве собирательного названия всех варваров, живших к востоку от реки Рейн и совершавших набеги на жителей римской провинции Галлия [9, с. 616–617]. На протяжении III–V вв. римляне то воевали с франками, то использовали их в своих вспомогательных отрядах. Однако в V в. н. э. франки двинулись на запад, завоевали почти всю Галлию и образовали королевство франков (*Regnum Francorum*) [2]. Так современная Франция получила свое название (*France*) от германского племени «Франки», хотя первоначально **Francia** было названием небольшой территории на правом берегу Рейна, которое было обозначено уже в середине IV в. на одной из римских дорожных карт [12]. Отсюда же и название языка французский, который, сформировавшись на основе народной латыни, практически ассимилировал язык франкских завоевателей-германцев, и от их языка, как и от языка кельтов-галлов, автохтонных жителей территории Франции до прихода римлян, в современном французском языке осталось совсем немного лексических единиц [7]. Подобным же образом тюркоязычные болгары, пришедшие из степей южного Урала на территорию северо-западных Балкан, дали название стране Болгария, но их язык растворился в славянских наречиях населения завоеванной территории. Кроме названия страны Франция, франки остались и в географии Германии, например, в названиях двух немецких городов: Франкфурт на Майне и Франкфурт на Одере, т. е. «переправа франков на реке Майн» и «переправа франков на реке Одер». Франки оставили заметный след в ранней истории средневековой Европы. Со времен крестовых походов арабы, византийцы и жители юго-западных стран Средиземноморья франками называли всех европейцев, а на основе французского, провансальского и итальянского языков возник меж-

дународный язык *Lingua franca* (франкский язык), который использовался в торговых отношениях между жителями средиземноморья и Византии вплоть до XVII в. [9]. Французский филолог Шарль Дюканж (*Charle du Cange*) в трехтомном «Словаре средневековой и варварской латыни (*Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis*)» говорит о том, что от слова «*Francus*» образовалось слово «*franciscus*», которое первоначально обозначало человека, имевшего тесные связи с франками или какое-то время жившего у франков. Значительно позже, говорит Дюканж, данное слово становится личным именем *Franciscus* (Франциск) и упоминается в приводимых им документах XII в. [15]. А первым знаменитым во всей Западной Европе Франциском становится итальянец Франческо де Бернардоне (Франческо — итальянская версия латинского имени *Franciscus*) из города Ассизи в итальянской провинции Умбрия, который в XIII в. по благословению папы Иннокентия основал орден францисканцев. В 1288 г., через два года после своей смерти, Франциск Ассизский был причислен к лику святых и стал одним из самых почитаемых святых в католической церкви [16]. Папа наших дней получил при восхождении на папский престол в 2013 г. имя Франциск именно в честь этого католического святого. Членами ордена францисканцев были поэт Франческо Петрарка, венгерский композитор Ференц Лист, композитор Антонио Вивальди, писатель Герман Гессе. Последний написал роман «Франциск из Ассизи», по которому в 1966 г. режиссер Лилиан Ковани сняла фильм «Франциск». Латинскому имени *Franciscus* в итальянском языке соответствует Франческо, во французском — Франсуа или Франсиск, в испанском — Франсиско, в английском — Фрэнсис, в немецком — Францис или более употребительный вариант Франц. А вот в западнославянских странах с католическим населением встречаются названия Франтишек (в словацком и чешском языках) и Францишек в (польском и словенском языках). С точки зрения морфологии и семантики эти имена имеют уменьшительно-ласкательную форму [15]. Случайность ли это или отражение некоей языковой закономерности?

В поиске ответа на этот вопрос обратимся к языковым истокам латинского имени *Franciscus*. Проанализировав его морфологическую структуру, определяем в ней элемент *-isc-* как латинизированный древнегреческий суффикс *-isk-*, присоединенный к именной основе **Franc-** существительного *Francus, i m* (франк). В грамматике древнегреческого языка отмечается, что суффикс *-isk-* придает существительным значение уменьшительности по форме или возрасту [5, с. 369; 7, с. 165]: *astér, astéros* (звезда) → *asterískos* (звёздочка («астериск» в типографике)); *kýon, kynós* (собака) → *kynískos* (маленькая собака, собачёнка); *país, paidós* (мальчик) → *paidískos* (маленький мальчик, мальчишка); *peanías* (юноша) → *peanískos* (молодой юноша), а также мальчик-служка, если речь шла о рабах [4]. Учитывая массовость содержания в греческих и в римских семьях мальчиков-рабов, можно предположить, что отсюда за суффиксом *-isk-* закрепляется значение «принад-

лежность к рабскому сословию». Именно этим, на наш взгляд, можно объяснить тот факт, что Дюканж в упомянутом выше «Словаре средневековой и варварской латыни» указывает, что в античном Риме было принято давать названия рабам по национальности, употребляя в этих названиях суффикс *-isk-*: *Daciscus* (раб-дак), *Graeciscus* (раб-грек), *Slaviscus* (раб-славянин) и т. п. [15]. Дюканж не объясняет происхождения этого суффикса, но упоминает, что в Италии франков называли *Francisci*. Зададим вопрос: «Почему не *Franci*?» Видимо, потому, что для жителей Италии франки были варварами, которые предназначались быть рабами римлян, как это было на протяжении многих столетий, и для них было естественным употребление имени *Francisci* в определенном пренебрежительном смысле. В итоге можно предположить, что на исходе античности слова *franciscus* и *Franciscus* — как нарицательное, так и собственное — не вызывало у римлян особых положительных эмоций. К информации о такой семантике суффикса *-isk-* можно добавить и другие примеры из греческого и латинского лексиконов. В поэзии Ювенала (*Sat. VI, 123*) встречается женское название греческого происхождения *Lyciska* (Лициска от греч. *Lykiska* — юная или малая волчица), которое использовала Мессалина, жена императора Клавдия, выступая в роли блудницы. В XIV идиллии греческого поэта III в. до н. э. Феокрита встречается имя гетеры Киниска (*Kyniska* — букв. маленькая сучка). У греческих писателей Полибия и Плутарха встречается слово *basilískos* (царек), уменьшительно-пренебрежительная форма от слова *basiléus* (царь) [4, т. 1, с. 291], а у римского историка Юлия Капитолина — *Thraciscus* (маленький фракиец или фракиец-коротышка) от *Thrax, Thracis* (фракиец) [3, с. 772].

На основании всех приведённых выше примеров можно понять, почему данный суффикс, придающий названиям не только уменьшительный, но пренебрежительный оттенок, пригодился римлянам для названий и рабов, и иностранных народов, о которых ходила дурная слава, в том числе и в отношении франков. В этом плане слово *franciscus* по смыслу мало чем отличалось от слова *graeculus* (гречишка), которым римляне пренебрежительно называли греков [3, с. 351].

Но в средневековой Европе, после появления в истории католической церкви святого Франциска Ассизского, у имени Франциск, отождествлявшегося с именем этого святого, мог быть уже только некий положительный смысл, который заключали имена с суффиксом *-isk-*, т. е. первоначальный смысл уменьшительности или легкой безобидной иронии. Такие прецеденты встречались и в античных лексиконах. Так, в XXV идиллии Феокрит называет маленького Геракла *Heraklískos* (Гераклиск — Гераклик, Геракл-малютка), у отца Сократа было имя *Sophonískos* — Софрониск, букв. Софрон-коротышка [4, т. 2, с. 1598]. Поэтому в западнославянских странах имя Франциск, которое вводилось при крещении детей церковными служителями — людьми достаточно образованными по части античных языков, при языковой ассимиляции данного имени использовался соответствующий

национальный морфологический элемент — суффикс **-шек** для передачи уменьшительно-ласкательного оттенка данному имени. Этот суффикс, в частности, употреблялся в польском языке с XIII в., употребляется и сейчас в уменьшительно-ласкательных вариантах мужских имен: Бартош — Бартошек, Збигнев — Збышек, Лех — Лешек, Станислав — Сташек и др. [6]. Поэтому латинское имя *Franciscus* (Франциск) в польском языке первоначально имело форму *Franciszek* (Францишек) со значением уменьшительности, но затем утратило это значение, так как в этом качестве начали употребляться варианты *Franek*, *Franio* и другие [6]. Кстати, в современных польских словарях личных имен приводится следующая история имени Франциск: «Отец Франциска Ассизского, возвратившись из Франции, дал новорождённому сыну имя Франческо, что в итальянском языке обозначало «маленький французик» [17]. Такая информация дополнительно объясняет, почему имя Франциск в указанных западнославянских языках изначально было воспринято как имя с уменьшительно-ласкательным смыслом и по этой причине получило соответствующий национальный эквивалент — Франтишек или Францишек. В силу этих же языковых закономерностей имя Франциск в белорусском языке XV в. должно было принять форму Францышак, и такой вариант действительно встречается в литературном наследии Франциска Скорины, но под влиянием польского языка он чаще выступает в форме Францишек («Я, доктор Францишек Скарына», «Я, Францишек, Скоринин сын») [14]. Интересно в связи с этим вспомнить о дискуссии в отечественной научной литературе о том, мог ли «Скоринин сын» из Полоцка, родившийся в православной семье, получить при рождении имя Франциск, которого не было в православных святцах. Поскольку это противоречило общепринятым правилам, то младенец первоначально мог получить какое-то православное имя (предположительно Георгий или Юрий), и только позже при переходе в католичество юноша принял латинское католическое имя *Franciscus* (Франциск) [1, с. 247–274]. На наш взгляд, эту гипотезу можно считать вполне приемлемой.

Если же возвратиться к определению значения имени «Франциск», то в свете нашего историко-лингвистического исследования таковым должно быть «маленький франк» или «маленький француз», «французик». К такому толкованию данного имени обязывает наличие в его структуре древнегреческого суффикса **-isk-**, придававшего и личным, и нарицательным существительным значение уменьшительности или еще некоторых эмоционально окрашенных оценочных оттенков. Таким образом, без учёта данного морфологического элемента и определения его полной семантики научное объяснение значения имени «Франциск» и его латиноязычного, русского и белорусского вариантов не может считаться достоверным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Agiévič, V. U.* Сівмоліка гравюры Скарыны / *У. У. Агіевіч.* – Мінск : Бел. навука, 1999. – 320 с.

2. Военно-политическая хронология франков. – URL: www.hrono.ru/land/landf/franc1/.php (дата обращения: 09.09.2021).
 3. *Дворецкий, И. Х.* Латинско-русский словарь: ок. 50 000 сл. / И. Х. Дворецкий. – 3-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1986. – 840 с.
 4. *Дворецкий, И. Х.* Древнегреческо-русский словарь: ок. 70 000 сл. : в 2 т. / И. Х. Дворецкий. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. – 2 т.
 5. *Звонська, Л. Л.* Давногрецька мова : підручник / Л. Л. Звонська. – 2-ге вид., перероб. і доп. – Київ : Київський університет, 2007. – 711 с.
 6. *Имена на польском языке + уменьшительно-ласкательные.* – URL: <https://propolski.com/2019/12/07/polskie-imiona> (дата обращения: 09.09.2021).
 7. *Козаржевский, А. Ч.* Учебник древнегреческого языка / А. Ч. Козаржевский. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : «Греко-латин. кабинет» Ю. А. Шичалина, 1998. – 336 с.
 8. *Лексика: Введение во французскую филологию.* – URL: <https://studme.org/222874/literatura/leksika> (дата обращения: 09.09.2021).
 9. *Лингва франка // Лингвистический энциклопедический словарь.* – URL: taremark.narod.ru/les/267с.html (дата обращения: 09.09.2021).
 10. *Словарь античности : пер. с нем. / авт.-сост.: Й. Ирмшер, Р. Йоне.* – М. : Прогресс, 1989. – 704 с.
 11. *Словарь русских личных имен: более 7500 рус. имен / авт.-сост. А. В. Суперанская.* – М. : Эксмо. 2005. – 540 с. (Б-ка словарей).
 12. *Франки.* – URL: <https://de.wikipedia.org/wiki/Franken> (дата обращения: 09.09.2021).
 13. *Францыск Скарына: новыя даследванні / укл. А. Груша ; рэдкал. : А. І. Груша [і інш.].* – Мінск : Бел. навука, 2019. – 215 с.
 14. *Францыск Скарына.* – URL: https://be.wikipedia.org/wiki/Францыск_Скарына (дата обращения: 09.09.2021).
 15. *Glossarium mediae et infimae Latinitatis : in 6 vol. / Du Cange [et al.].* – Niort : L. Favre, 1883-1887. – Vol. 1. – URL: <http://ducange.enc.sorbonne.fr> (дата обращения: 15.09.2021).
 16. *Franciszek.* – URL: <https://pl.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 09.09.2021).
 17. *Franciszek.* – URL: <https://deon.pl/imiona-swiętych/franciszek,3299> (дата обращения: 09.09.2021).
- Впервые опубликовано: Сучасні тенденції розвитку освіти й науки: проблеми та перспективи : зб. наук. пр. / Нац. пед. ун-т ім. М. П. Драгоманова ; гол. ред. Ю. І. Колісник-Гуменюк. – Київ [та ін.], 2021. – Т. 1, вип. 9. – С. 115–121.*

К ПРОБЛЕМЕ ВАЖНОСТИ И ДОСТОВЕРНОСТИ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ СПРАВОК В СОВРЕМЕННОЙ СЛОВАРНО-СПРАВОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПО МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Nomina si nescis, perit et cognitio rerum — если не знаешь названий, то теряется и познание вещей. Этот знаменитый афоризм Карла Линнея, давшего миру бинарную систему ботанических названий, касается всех видов терминологии, в том числе и медицинской. Научная формулировка термина и его дефиниция — это первооснова компетентности врача, которая складывается не только в процессе многолетней учебы будущего специалиста, но и в последующие годы в процессе повышения его квалификации. И если

во время учебы в своем вузе для студента первым источником приобретения терминологических определений был учебник, и не в последнюю очередь — учебник по медицинской латыни, то в последующем таким источником и эталоном научных названий терминов, их толкований и сведений по истории их происхождения становится словарно-справочная литература. О пользе таких словарей, особенно толково-этимологических, говорят и сами врачи, подготовившие «Краткий толковый словарь медицинских терминов» [4]. В настоящей работе мы хотели бы привлечь внимание и таких врачей-энтузиастов, и лингвистов, работающих над созданием словарно-справочной литературы, к проблеме качества этимологических сведений.

Этимологическая справка — важная часть информации о термине, которая способствует более осознанному восприятию его семантики, и не случайно в наиболее авторитетных зарубежных словарях медицинской терминологии (Butterworths Medical Dictionary, Dorland's Illustrated Medical Dictionary, Stedman's Medical Dictionary) к каждому термину прилагается этимологическая справка (кстати, мы используем этот факт как веский аргумент подтверждения необходимости изучения греко-латинских основ современной интернациональной терминологии в преподавании курса медицинской латыни в группах англоязычных учащихся). Понимая это, авторы отечественных словарей и справочных изданий *volens-nolens* прибегают в отдельных случаях к этимологическим справкам, хотя очевидно, что оптимальным решением проблемы было бы приводить этимологические сведения по каждому термину. Особенно нуждаются в этимологической составляющей фармацевтические термины, количество которых опережает рост терминов в других медико-биологических науках. Сложность проблемы и в том, что этимология многих терминов далеко не всегда ясна самим врачам или фармацевтам, а лингвистический комментарий к новым терминам в словарно-справочной литературе нередко на десятилетия отстает от появления и обиходного использования терминов. И даже в популярной Википедии, которая старается не отставать от времени, этимологические справки к новым терминам не всегда представлены. К тому же этимологические справки в такой справочной литературе нередко неточны или вовсе не соответствуют истине. Вот два примера из упоминавшегося выше «Краткого толкового словаря медицинских терминов». На с. 114 термин *диабет* составители словаря правильно связывают с греческим существительным *diabetes*, но толкуют его как *водопроводная трубка, сифон*, в то время как правильное значение этого слова в данном случае — *переход*. Ведь греческое существительное *diabetes* — производное от глагола *diabaino* со значением *переходить, переступить* и буквально значит *переход, перешагивание*. Древнегреческий врач Арестей Каппадокийский, который ввёл данный термин, назвал этим термином явление мочеизнурения — быстрого перехода жидкости через тело человека, больного диабетом. На стр. 239 термин *splenium (повязка)* объясняется как производное от греческого прилагатель-

ного splen (*плотный*), хотя такое слово не зафиксировано ни в известном словаре древнегреческого языка И. Х. Дворецкого [2], ни в наиболее полном на сегодняшний день лексиконе древнегреческого языка Лиддела–Скотта–Джонса. А в этимологическом словаре латинского языка Эрнунг–Мейе существительное splenium однозначно выводится от греческого splenion — *повязка или пластырь для больной селезёнки*, производного от splen — *селезёнка*. Примеры подобных неточностей этимологического плана можно нередко встретить, не говоря уже о журнальных публикациях или средствах массовой информации, и в солидных академических изданиях. Например, в «Толковом словаре иноязычных слов» Л. П. Крысина автор объясняет читателю, что термин «инсулин», образованный от латинского insula (*остров*), получил свое название в связи с тем, что поджелудочная железа, в которой вырабатывается инсулин, «была метафорически уподоблена острову» [3, с. 306]. Однако достаточно известно, что данный гормон поджелудочной железы получил свое название в связи с тем, что он вырабатывается группой особых клеток поджелудочной железы, получивших название островков Лангерганса. В этом же словаре читаем, что термин «трихомонада» образован от греческого слова trachoma (*волосы*) [3, с. 795]. Однако термин «трихомонада» (лат. эквивалент trichomōnas, ādis f), согласно составителям упомянутого выше медицинского словаря Баттерворса [5, с. 1748], а также не менее известного словаря медицинских терминов Г. Арнаудова [1, с. 531], составлен на базе двух греческих слов — thrīx, trīchos (*волос*) и monas, monādos (*одинокий* или *единица*). Эти слова позволяют специалисту определить, что трихомонада — это *одноклеточное существо, имеющее 3–5 волосообразных жгутиков у переднего конца тела*, о чем можно прочесть в любой медицинской энциклопедии. Таким образом, анализ этимологических справок к медицинским терминам в работах и врачей, и лингвистов указывает на общий недостаток самого широкого круга отечественных специалистов — недостаточный уровень владения классическими языками (древнегреческим и латынью), на основе которых создано и продолжает создаваться огромное количество медико-биологических, фармацевтических и клинических терминов. К сожалению, после 1917 г. была фактически низведена до минимума роль классических языков, с помощью которых строился крепчайший фундамент образованности в Российском государстве, благодаря которому, например, врачи Л. И. Блуменау и В. В. Вересаев, географ и энтомолог А. П. Семёнов-Тян-Шанский были также и известными знатоками, и переводчиками античной поэзии. Пренебрежение античностью, незнание и недопонимание роли классических языков в терминологической образованности в наши дни ведут к низкому уровню отечественной словарно-справочной литературы. В этом можно убедиться, в частности, оценив качество латинской терминологии в Государственной Фармакопее Республики Беларусь, к подготовке которой не были привлечены ведущие отечественные латинисты.

В заключение добавим, что понимать истоки и смысл современной профессиональной медицинской терминологии невозможно не только без надлежащего владения правилами терминообразования на основе классических языков, но и без использования современных лексиконов этих языков. Все этимологические справки в медицинских словарях должны быть сверены с известными словарями греческого языка Лиддела–Скотта–Джонса, латинского Оксфордского словаря и известными этимологическими словарями древнегреческого языка и латыни. Только на этой основе могут быть созданы авторитетные толково-этимологические словари не только медицинской, но и всякой другой терминологии. А от этого неизбежно выиграет и уровень отечественной учебно-справочной и учебной литературы, и качество наших отечественных специалистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Медицинская терминология на пяти языках: Latinum. Русский. English. Francais. Deutsch* / авт.-сост. Г. Д. Арнаудов. – 3-е рус. изд., испр. – София : Медицина и физкультура, 1969. – 1030 с.
 2. *Дворецкий, И. Х. Древнегреческо-русский словарь: ок. 70 000 сл. : в 2 т. / И. Х. Дворецкий.* – М. : Гос. изд-во иностр.и нац. слов., 1958. – 2 т.
 3. *Толковый словарь иноязычных слов: наиболее употребительная иноязычная лексика, вошедшая в русский язык в XVIII–XX и начале XXI века: ок. 25 000 сл. и словосочетаний / авт.-сост. Л. Н. Крысин.* – М. : Эксмо, 2009. – 939 с. (Б-ка словарей).
 4. *Радзевич, А. Э. Краткий толковый словарь медицинских терминов / А. Э. Радзевич, Ю. А. Куликов, Е. В. Гостева.* – М. : МЕДпресс-информ, 2004. – 367 с.
 5. *Butterworths Medical Dictionary / ed. in chief M. Critchley.* – 2nd ed. – London ; Boston : Butterworths, 1978. – XXXII. – 1942 p.
- Впервые опубликовано: Теория и практика профессионально ориентированного обучения иностранным языкам : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 10–12 мая 2018 г. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол. : Н. С. Кухаренко (гл. ред.), Н. А. Круглик. – Минск : МИТСО, 2018. – С. 180–183.*

ЛАТИНИЗАЦИЯ И РЕЛАТИНИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ ЛАТИНСКИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ РУССКИХ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Латинская терминология в наши дни, как известно, сохраняет роль равноценного партнёра для каждой национальной терминологии только в тех медико-биологических науках, в которых существует международная общепринятая классификация объектов изучения, — в анатомии, гистологии, ботанике, биологии и еще некоторых других. Однако в клинических науках, как и в фармацевтике, она обычно оказывается в роли отстающей спутницы лидирующей национальной терминосистемы. Ликвидация этого отставания и обеспечение новой медицинской лексики латинскими эквивалентами является одной из самых актуальных задач латинистов медицин-

ских и фармацевтических вузов. Систематическая и постоянная работа над этой задачей позволяет создавать современную лексико-терминологическую базу учебной и словарно-справочной литературы. Важной частью этой задачи, в частности, является определение латинских эквивалентов к новым названиям лекарственных форм, введённым в регистр лекарственных средств России (РЛС) за 2000–2016 гг. [11, с. 238–241]. В пределах этих задач следует решить и проблему замены латинскими эквивалентами слов и морфем, заимствованных из английского, немецкого и французского языков, которые при употреблении в составе латинского термина создают вполне определенный лингвистический диссонанс. Поэтому в нашем сообщении пойдет речь как о путях замены подобных выражений с помощью латинской лексики, так и об использовании латинизации и релатинизации как способа образования латинских эквивалентов для русских фармацевтических названий.

История латинизации, как известно, начинается еще в Древнем Риме, когда в латинский язык заимствовались и ассимилировались греческие слова, иногда значительно меняя свою первоначальную форму (ср.: *ampulla* (*ампула*) < лат. *amphorŭla* < лат. *amphōra* < греч. ἀμφορεύς (*амфорея*, большой сосуд с двумя ручками). Чаще всего форма греческих слов менялась незначительно (ср.: *balsamum*, *i n* < греч. βάλσαμον (*бальзам*); *spongia*, *ae f* < греч. σπογγία (*губка*)). Некоторые же слова сохранили в латинской транскрипции форму греческих этимонов и в современных международных медико-биологических номенклатурах, ср.: *vena azugos* (ἄζυγος — холостой, одинокий) — *непарная вена*, *Succus Aloës* (ἀλόη — алоэ, столетник) — *сок алоэ*.

Латинизации неологизмов проходила в постантический период и в национальных европейских языках. Как примеры, можно привести историю трёх терминов: *патология* (*pathologia*) — латинизированный вариант слова *pathologie*, который ввел французский врач Жан Франсуа Фернель в 1554 г., используя греческие корни *πάθος* (*страдание, заболевание*) и *λόγος* (*слово, предмет обсуждения, учение*); слово *йод* (франц. *iode* от греч. ἰόν — *фиалка* + греч. -ειδής — *имеющий вид* из εἶδος — *вид, образ*), созданного французским химиком Бернаром Куртуа в 1811 г. и затем латинизированного в форме *iodium* [2, с. 129]; слово *ион*, образованное в 1834 г. английским физиком Майклом Фарадеем от греческого причастия ἰών (*идуший*) и латинизированного в форме *ionum*, *i n* [9, Т. 1, с. 915].

Способ образования неологизмов путем латинизации достаточно широко употреблялся и в XX в. Например, слово *грипп*, *i m* (*gripp*) появилось в результате латинизации французского существительного *grippe*, образованного от глагола *gripper* (*схватывать, хватать*) [15 с. 381]. Второе название данного заболевания — это латинизированное итальянское существительное *influenza*, *ae f*. Название лекарственной формы *brikētum*, *i n* (*брикет*) появилось в результате латинизации французского существитель-

ного *briquette*, являющегося уменьшительной формой от *brique* (*кирпич*) [5, с. 142]. Название *cremor, ōris m* (*крем*) — это латинизированный вариант французского существительного *crème*, восходящего к латинскому *chrisma*, которое, в свою очередь, оказалось результатом латинизации греческого существительного *χρῖσμα* (*мазь*) [5, 406; 3, с. 1786]. И здесь мы можем вполне обоснованно поставить следующий вопрос: «Почему до сих пор не подверглось латинизации французское название лекарственной формы *dragée* — *драже*?». Ведь каждый латинист знает, с какими трудностями сопряжено объяснение студентам грамматического статуса данного существительного и правил его оформления в структуре термина или рецептурной строки. А ведь есть вполне приемлемый выход из данной ситуации с опорой на античные первоисточники данной лексемы. Французское существительное *dragée* восходит к латинскому слову *tragemāta* — *лакомства, сладости*, латинизированного варианта формы множественного числа греческого существительного *τραγῆματα* с тем же значением [15, с. 252; 3, Т. 2, с. 1638]. Поэтому вполне допустимо, на наш взгляд, провести своего рода релатинизацию формы *dragée* до латинского этимона *tragemāta, ātis n* и придать ему уже устоявшееся фармацевтическое значение. Вследствие этого *in dragée* можно заменить на *in tragemātis*, выражение «драже «Ундевит» числом 30» можно перевести как «*Tragemāta «Undevītum» numĕro 30*» etc.

В последнее время вошло в широкий обиход название лекарственной формы «спрей», производное от английского существительного *spray* — *жидкость для пульверизации* [7, с. 611]. С этим словом и преподаватель, и студенты испытывают те же проблемы, что и с упомянутым выше термином *dragée*. Однако уже в словаре К. Рудзитиса приводится латинское существительное *nebŭla, ae f* в значении «водяная пыль, жидкость, предназначенная для распыления и лечения» [9, с. 131]. В англоязычной справочной литературе также зафиксировано существительное *nebula*, которое объясняется как спрей, т. е. распыляемая суспензия жидкости, состоящей из масляного, водного или спиртового раствора лекарства, предназначенная для лечения полостей носа и горла [14, с. 1139]. Таким образом, слова *nebŭla* и *spray* практически являются семантическими и терминологическими эквивалентами. Не случайно в английском языке имеется термин *nebulizer* (*небулайзер*) [14, с. 1139], у которого уже зафиксирован латинский эквивалент *nebulisātor, ōris m* с тем же значением «распылитель капелек жидкости» [9, с. 131]. Поэтому можно вполне обоснованно использовать латинское существительное *nebŭla, ae f* в качестве эквивалента слова *спрей*. В этом случае у нас не будет проблем с переводом на латинский язык такого, например, термина, как *носовой спрей*, который мы без труда переведем как *nebŭla nasālis*.

Попытаемся использовать латинизацию и в поиске латинских эквивалентов существительных *лак* и *пудра*, которые входят в регистр современных лекарственных средств России (РЛС).

Слово *лак*, согласно историко-этимологическому словарю русского языка П. Я. Черных, попало в западноевропейские языки из средневековой латыни, где оно употреблялось в форме *lacca, ae f* как заимствование из персидского или арабского языков [10, с. 464]. Поэтому вполне обоснованно, на первый взгляд, можно было бы использовать данный лексический вариант как латинский эквивалент для названия современной лекарственной формы *лак*. Однако известно, что среди современных названий лаков встречаются слова с финалью *-лак* (Белак, Фторлак, Шеллак *ect.*), которые при латинизации неизбежно будут принимать форму *Belācum, Phthorlācum, Shelācum ect.* И при произношении латинского термина будет возникать определенный фонетический и семантический диссонанс между названием лекарственной формы и названием лекарственного вещества, (ср.: *lacca? Phthorlācum — lacum Phthorlācum*). По этим соображениям нам представляется более рациональным предложить в качестве латинского эквивалента слова *лак* форму *laccum, i n.* Эта форма не только гармонично вписывается в систему «лекарственная форма + название лекарственного средства» (*Laccum «Phthorlācum», Laccum «Belācum»*), но и в структуру предлагаемого нами неологизма *gelum-laccum, i n* как латинского эквивалента названия «гель-лак», получающего всё большее распространение в рекламной и научной литературе. Думается, что в случае принятия предложенного нами неологизма появятся основания для перевода таких терминов, как *лак для зубов — laccum ad dentes*, *зубные лаки — lacca dentalia ect.*

Слово *пудра* заимствовано через немецкое *Puder* из французского *poudre*, которое восходит к латинскому *pulvis, pulvĕris m — порошок* [5, с. 640]. Поскольку поиск различных вариантов латинского эквивалента для данной лекарственной формы сталкивается с рядом сложностей [8, с. 134], нам представляется, что в этой ситуации можно было бы прибегнуть к латинизации указанной выше немецкой лексемы, которая по внешним признакам соответствует грамматической форме латинских существительных 3-го склонения мужского рода типа *vomer, vomĕris m.* В результате латинизированная форма-неологизм *puder, pudĕris m* и орфоэпически, и грамматически, и лексически соотносится и с русским термином, и с его немецким и латинским этимонами. По этим характеристикам данный неологизм мог бы составить вполне успешную конкуренцию двухсловному термину *pulvis adspersarius* в значении *пудра*, который представлен в словаре К. Рудзитиса [9, с. 382.]. Ведь буквальный перевод данного термина — порошок для присыпки — говорит больше о назначении данного средства, чем о его физической консистенции.

Как нам представляется, латинизация в форме существительных 3-го склонения может применяться, прежде всего, в тех случаях, когда этимоном является существительное 3-го склонения (ср. выше: *pulvis, ĕris — порошок → pudĕris — пудра* или *crisma, ātis — мазь → cremor, ōris — крем*). Приемлемым для такого варианта латинизации может считаться и тот случай,

когда вторая часть этимона современного названия также восходит к латинскому существительному 3-го склонения, напр.: средневек. лат. *cannamella* ← *canna mellis* (сахарный тростник) → *caramel, caramellis* n (*карамель*) [6, с. 336; 11, с. 134]. Однако если этимонами являются латинские существительные 1-го, 2-го и 4-го склонений, тогда вряд ли оправдано придание неологизму формы существительных 3-го склонения. Поэтому, в частности, нельзя признать удачным введение неологизма *gel, gellis* n в качестве латинского эквивалента современной лекарственной формы *гель* [7, с. 46], так как ее этимонам является лексема *gelu, us* n [4, с. 345; 15, с. 358]. Кроме того, в современном фармацевтическом лексиконе имеется немало терминов с финалью -гель, и в латинском эквиваленте таких терминов данная финаль всегда трансформируется в *-gelum*, ср.: амальгель — *Amalgēlum, i* n; фосфолюгель — *Phospholugēlum, i* n; эмульгель — *Emulgēlum, i* n etc.

Сорок лет назад К. Рудзитис представил в своем двухтомном словаре новую грамматическую форму для прилагательных-неологизмов, образующихся с помощью греческих корневых словообразовательных элементов и конечного элемента *-genes*: вместо *bronchogēnes, is* — *bronchogēnus, a, um*. И хотя в авторитетном словаре медицинской терминологии Д. Арнаудова это новшество не было представлено, а в микробиологических и биологических номенклатурах остался традиционный прежний вариант таких прилагательных, в большинстве учебников по медицинской латыни, издаваемых в Советском Союзе 70–80 годов, успешно прижилась форма прилагательных, представленная в словаре К. Рудзитиса. Не говорит ли это о том, что нам следует активнее вводить новые формы латинской лексики и служить в этом вопросе примером для латинистов других стран? В связи с этим небесполезно присмотреться к тому энтузиазму, с которым составители англоязычных эквивалентов Международной анатомической [12] и Международной гистологической терминологии [13] используют латинские слова и целые блоки этих слов для пополнения английской анатомической и гистологической терминологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Медицинская терминология на пяти языках: Latinum, Русский, English, Francais, Deutch* / авт.-сост. Г. Д. Арнаудов. — София : Медицина и физкультура, 1964. — XXIV. — 1029 с.
2. *Словарь авторских терминов, понятий и названий в медицине* / авт.-сост. А. П. Дьяченко. — М. : Триада-Х, 2002. — 364 с.
3. *Дворецкий, И. Х. Древнегреческо-русский словарь: ок. 70 000 сл. : в 2 т. / И. Х. Дворецкий. — М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. — 2 т.*
4. *Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь: ок. 50 000 сл. / И. Х. Дворецкий. — 3-е изд., испр. — М. : Рус. яз., 1986. — 840 с.*
5. *Толковый словарь иноязычных слов: наиболее употребительная иноязычная лексика, вошедшая в русский язык в XVIII–XX и начале XXI века: ок. 25 000 сл. и словосочетаний / авт.-сост. Л. Н. Крысин. — М. : Эксмо, 2009. — 939 с. (Б-ка словарей).*

6. *Латинская фармацевтическая терминология и рецептура* : справ. / авт.-сост. О. М. Хребтова, А. Е. Барецкая. – Калининград : Изд.-во БФУ им. И. Канта, 2011. – 178 с.
 7. *Мюллер, В. К.* Англо-русский, русско-английский словарь: 150 000 сл. и выражений / В. К. Мюллер. – М. : Эксмо, 2010. – 1200 с.
 8. *Пролыгина, И. В.* Латинские неологизмы в наименованиях лекарственных форм. Проблемы и решения / И. В. Пролыгина // *Язык медицины : междунар. межвуз. сб. науч. тр. в честь юбилея В. Ф. Новодрановой* / Самар. гос. мед. ун-т. – Самара : KRYPTEN-Волга, 2015. – С. 131–139.
 9. *Латинско-русско-латышский словарь медицинских терминов* : в 2 т. / авт.-сост. К. Рудзитис. – Рига : Лиесма, 1973–1977. – 2 т.
 10. *Историко-этимологический словарь современного русского языка* : в 2 т. / авт.-сост. П. Я. Черных. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 2001. – Т. 2 : Панцырь – Ящур. – 560 с.
 11. *Цисык, А. З.* К вопросу об образовании неологизмов и их унификации / А. З. Цисык // *Методические и лингвистические аспекты греко-латинской терминологии* / гл. ред. С. Ф. Багненко. – СПб. : РИЦ ПСП БГМУ, 2016. – С. 238–241.
 12. *Международная анатомическая терминология* / под ред. Л. Л. Колесникова. – М. : Медицина, 2003. – 424 с.
 13. *Terminologia histologica*. Международные термины по цитологии и гистологии человека с официальным списком русских эквивалентов / под ред. В. В. Банина, В. Л. Быкова. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2009. – 272 с.
 14. *Butterworths Medical Dictionary* / ed. in chief M. Critchley. – 2nd ed. – London ; Boston : Butterworths, 1978. – XXXII. – 1942 p.
 15. *Duboi, J.* Dictionnaire étymologique et historique du Français / J. Duboi, H. Mitterand, A. Dauzat. – Paris : Larousse, 2007. – 893 p.
- Впервые опубликовано: Язык медицины : межвуз. сб. науч. тр. / Самар. гос. мед. ун-т. – Самара : KRYPTEN-Волга, 2018. – Вып. 6. – С. 85–90.*

ЛАТИНСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ПОСЛЕДНЕМ ИЗДАНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ГИСТОЛОГИЧЕСКОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ

Анатомия и гистология по праву считаются основой всех медицинских наук. Но гистология, как самостоятельная наука, выделилась из анатомии только к концу XIX в., а первое издание Международной гистологической номенклатуры с русскими и латинскими эквивалентами было опубликовано только в 1973 г. [9]. Поэтому гистологические и цитологические термины, в том числе и латинские, на протяжении длительного времени традиционно привлекали меньше внимания терминоведов и лингвистов по сравнению с анатомическими терминами. Однако в последнее время, в связи с растущей востребованностью гистологической и цитологической информации в диагностике и лечении заболеваний, значительно возрастает интерес к терминам по цитологии и гистологии человека. Такое важное событие, как выход последнего издания Международных терминов по цитологии и гистологии в России [16] и в Украине [6] закономерно привлекло внимание не только гистологов, но и терминоведов-лингвистов. В частности, наш доклад будет посвящён латинской части Международной гистологической номенклатуры (МГН) как ее базовой составляющей: как говорится в ин-

струкции Объединённого Международного Анатомического Комитета, разрабатывавшего Международную анатомическую и гистологическую номенклатуры, именно латинские термины следует использовать для создания списков терминов на других языках [7, с. V]. В рамках небольшого доклада, естественно, невозможно дать всестороннюю характеристику этих терминов, и мы сосредоточим внимание только на некоторых дискуссионных моментах и попытаемся сформулировать ряд конструктивных предложений.

Прежде всего, остановимся на акцентологических вопросах. Мы убеждены, что в латинской части любой медико-биологической номенклатуры над каждым словом должно быть проставлено нормативное ударение. Ибо даже если правила постановки ударения в латинских терминах усваиваются в материале курса латинского языка, существует немало слов, в которых место ударения можно определить только путем определения изначальной долготы или краткости предпоследнего слога в специальных латинских, или даже в греческих словарях, которых нет на медико-биологических кафедрах. К тому же нередко имеет место акцентологическая интерференция, то есть перенос места ударения в русском термине на его латинский вариант. Возьмём хотя бы названия большого количества клеток, в которых и в русском, и в украинском языке ударение падает на конечный слог **-цит**: гепа-тоцѣт, остеоцѣт, эритроцѣт и другие названия. Однако в латинских эквивалентах этих терминов ударение должно всегда падать на третий слог от конца слова, так как в предпоследнем слоге гласный «ү» изначальнo краток (ÿ): *hepatócytus*, *osteócytus*, *erythrócytus*. Этого не учли, в частности, еще 30 лет назад составители «Морфологического словаря медицинской терминологии», подготовившие в Украине это словарно-справочное издание, в котором расставлено ударение в латинских анатомических и гистологических терминах [13]. Сейчас было бы весьма актуальным исправить и дополнить этот словарь с учетом последних анатомических и гистологических номенклатур и переиздать его. Но, прежде всего, латинистам медицинских вузов вместе с гистологами следовало бы разработать справочный алфавитный словарь всех номенклатурных терминов, представленных в МГН, в котором должны быть проставлены нормативные ударения над каждым словом.

Целый ряд вопросов возникает по лексико-грамматическому оформлению латинских терминов.

В частности, отечественных латинистов старшего поколения может удивить то, что у некоторых существительных, имеющих устоявшуюся грамматическую форму, закрепленную во многих словарях, в МГН изменен грамматический род. Например, латинский эквивалент слова «кристалл» традиционно считался существительным женского [3, с. 281; 14, с. 335] или мужского рода [9, I, с. 144], поскольку греческий этимон данного слова мог употребляться как в мужском, так и в женском роде [4, I, 987]. В МГН это существительное употребляется только в среднем роде: *crystallum hydroapatīti*, *crystallum dentīni*, *crystallum enamēli*. Видимо, составители ла-

тинской части номенклатуры ориентировались прежде всего на Оксфордский словарь латинского языка, в котором форма *crystallum, i n* представлена как основная [15, с. 463].

Однако труднее получить ответ на вопрос, почему в рассматриваемом издании составители латинской части терминологии придают термину «гамета» форму мужского рода (*gamētus*)? Термин «гамета» как известно, обозначает мужскую или женскую половую клетку, способную соединиться с другой клеткой противоположного пола в процессе оплодотворения или конъюгации [10, I, с. 708]. Латинский эквивалент существительного «гамета» в латинских медицинских словарях традиционно передается как **gamēta, ae f**, что является латинизированным вариантом греческого существительного женского рода **γαμετή** [2, с. 173; 10, I, с. 708; 11, I, с. 334]. Если же предположить, что составители МГН хотели латинизировать мужской вариант греческого этимона (**γαμέτης**), то согласно лексиконам латинского языка, греческие существительные *nomina agentis* мужского рода на **-της** при латинизации получают форму с финалью **-ta**: **ἀθλητής** — *athlēta, ae m* (атлет), **ποιητής** — *poeta, ae m* (поэт); **προφήτης** — *prophēta, ae m* (пророк) [15, с. 196, с. 1396, с. 1492]. Поэтому существительное **γαμέτης** при латинизации должно получать форму **gamēta**, но никак не **gamētus**. Из существительных этого же морфологического и семантического ряда в латинской анатомической и гистологической терминологии встречается термин **prostāta, ae f** (предстательная железа, простата), латинизированное греческое существительное **προστάτης** (предстоятель, стоящий впереди) [4, II, с. 1421; 2, с. 464]. Женский род у данного латинизированного существительного появился, несомненно, под влиянием слова *glandūla, ae f* (железа). Очевидно, что и в термине **gamēta** женский род изначально определялся не только родом греческого этимона **γαμετή**, но и родом слова **cellūla, ae f** (клетка), так что и в русских, и в латинских вариантах терминов «простата» и «гамета» отчетливо просматривается взаимная семантическая и грамматико-фонетическая интерференция и аналогия. Таким образом, морфологический статус формы **gamētus** не находит лингвистического обоснования, и эта форма должна быть заменена на традиционную форму **gamēta**.

Непонятно наличие лексико-грамматической вариативности латинского эквивалента термина «дендрит»: **dendrītus, i m** и **dendrītum, i n**. И в русском, и в украинском изданиях гистологической номенклатуры мы встречаем три латинских термина с существительным «дендрит»: 1) *dendrītum* (дендрит); 2) *dendrītum neurōni granulōsi* (дендрит зернистого нейрона); 3) *dendrītus fusiformis* (веретеновидный дендрит). В словарно-справочной литературе, включая предыдущее издание Международной гистологической номенклатуры, представлен только вариант **dendrītum**, поэтому считаем термин **dendrītus** ошибкой, которую не заметили составители работы и ее рецензенты.

Настоящий разнобой наблюдается в латинских номенклатурных вариантах терминов-существительных с финалью **-оид**: кристаллоид — *crystalloideum*, миоид — *myoid*, остеоид — *osteoidum*, синусоид — *sinusoideus*, эллипсоид — *ellipsoid*. В словарях Д. Арнаудова, К. Рудзитиса, двухтомном украинско-латинско-английском словаре медицинских терминов, как и в Энциклопедическом словаре медицинских терминов эти термины отсутствуют. Однако в этих словарях уже присутствуют и отражают закрепившуюся традицию передачи латинских вариантов подобного рода структур другие термины с финалью **-оид**. Так, в словаре К. Рудзитиса приводятся термины «канкроид» — **cancroidum, i n**; «келоид» — **keloidum, i n**; «коллоид» — **colloidum, i n** [10, I, с. 283, с. 391]. Поэтому приведённые выше квазилатинские формы *crystalloideum, myoid, sinusoideus, ellipsoid* должны быть заменены на формы **crystalloidum, myoidum, sinusoidum, ellipsoidum**. Попутно отметим, что суффикс **-id-** в подобного рода терминах образовался из греческого конечного суффикса **-ειδης**, придающего слову значение «-видный», «похожий на», поэтому гласный **-i-**, образовавшийся из дифтонга **-ei-**, в латинской адаптации **-id-**, должен быть долгим, а соответственно ударение в латинских существительных должно падать на предпоследний гласный **-i-**: **crystalloīdum, ellipsoīdum, myoīdum, sinusoīdum** etc., несмотря на ударение в русских вариантах этих терминов.

Лексико-морфологический и акцентологический разнобой наблюдается и в употреблении латинских эквивалентов терминов «аксон» и «нейрон».

В МГН в роли латинских эквивалентов термина **аксон** встречаются формы **axon** и **axōnum**. Последняя форма является не совсем корректной новолатинской адаптацией формы греческого генетива существительного мужского рода **ἄξων, ἄξωνος** — *ось, стержень*, ибо латинизированная словарная форма данного греческого заимствования должна быть **axon, axōnis m** (с учетом краткости гласного **-o-** перед буквой **v** в генетиве **ἄξωνος**). Именно такая форма, правда, без указания краткости гласного **-o-** в окончании генетива (*axon, axonis m*), приводится в словарях Д. Арнаудова [2, с. 46], К. Рудзитиса [10, I, с. 186], и в изданных в Украине «Морфологическом словаре медицинской терминологии» [12, с. 173] и «Украинско-латинско-английском словаре медицинской терминологии» [13, I, с. 66], в которых, однако, некорректно отмечено ударение над гласным **-o-** в форме генетива (**axōnis**). В МГН термин **axōnum** встречается дважды: **axōnum neurōni stellāti** (аксон звёздчатого нейрона) и **axōnum olfactorium** (обонятельный аксон). Непонятна причина появления такой формы, поскольку основным номенклатурным термином данного издания, встречающимся многократно, является **axon**, который использовался и в предыдущем издании МГН. В примечаниях к этому термину в последнем русскоязычном издании МГН [16, с. 43] и в её украинском издании [6, с. 32] обсуждается вопрос об использовании прежнего синонима термина «аксон» — **нейрит**, но о новой форме латинского эквивалента термина «аксон» **axōnum** речь не идет. Поэтому появле-

ние и употребление неологизма **axōnum**, на наш взгляд, не обоснованно ни концептуально, ни лингвистически. Следует также обратить внимание на термин, включающий слово **axon** — неологизм **mesaxon**, который употребляется дважды в среднем роде: **mesaxon internum** и **mesaxon externum**. В практике словообразования род композитного существительного всегда определяется родом существительного, которым заканчивается данное композитное существительное, сравним: **mesencephalon, i n** (encephālon, i n) и **mesotendo, ĩnis m** (tendo, ĩnis m). Поэтому удивляет придание существительному **mesaxon** среднего рода — это очевидная грамматическая ошибка, допущенная составителями анализируемой работы.

Для латинского варианта неологизма «нейрон» в словарях Д. Арнаудова и К. Рудзитиса приводятся два синонимичных латинских эквивалента: **neuron, i n** и **neurōnum, i n** [2, с. 322; 10, I, с. 145]. Последний вариант используется и в Морфологическом словаре медицинской терминологии [12, с. 173–174; с. 202]. Данный неологизм образован от греческого существительного νεῦρον — *жила, сухожилие, нерв*, в котором гласный **-o-** краток. При латинизации слог **-ov-** греческого этимона сохраняет краткость, поэтому в латинском варианте должно звучать **neurōnum, neurōni**, несмотря на произношение «нейрѳн» или «нейрѳны» в русских эквивалентах данного термина. В последнем издании гистологической номенклатуры встречается вариант **neuron, i n** и как самостоятельный термин, и как часть композитных образований (**interneuron, i n** — интернейрон; **motoneuron, i n** — мотонейрон). Однако непонятно, как в целом ряде терминов появляется родительный падеж **neurōnis** вместо **neurī** или по крайней мере **neurōni**: *corpus neurōnis, dendritum neurōnis granulosi, pes terminalis neurōnis coniferi, soma neurōnis bacilliferi* etc. Можно разве что предположить, что такая форма появилась под влиянием формы **axōnis** в терминах *ramus collateralis axōnis, terminatio calycealis axōnis*, или под влиянием формы термина **neuraxon, ōnis m**, зафиксированной в словарях Д. Арнаудова и К. Рудзитиса [2, с. 320; 10, II, с. 142], но исключенной из последнего издания МГН.

Возникает вопрос и по поводу грамматического и акцентологического статуса латинского эквивалента существительного «остеон» — неологизма **osteōnum, i n**. Данный термин образован от греч. ὀστέον — *кость*, в котором слог **-ov-** краток. Соответственно в парадигмах *ostéonum, ostéoni* ударение должно быть на третьем слоге от конца слова. В МГН встречаются термины **osteōnum primarium/secundarium** (первичный/вторичный остеон) и **canalis/lamella osteōni** (канал/концентрическая пластинка остеона). В «Морфологическом словаре медицинской терминологии» дается вариант **osteōnum** и его два сочетания с прилагательными аналогично современному изданию МГН. В то же время в словаре К. Рудзитиса зафиксирована форма *osteon, ei (ostei) n* [10, II, с. 212] по образцу упоминавшегося выше **neuron — neurī**. В двухтомном латинско-украинско-английском словаре медицинской терминологии приводятся два варианта латинского термина «остеон»: **osteon, i n**

и **osteonum, i n**, причём во втором варианте ударение некорректно проставлено на втором слоге от конца слова [11, II, с. 210].

Очевидно, что подобного рода морфологический и акцентологический разнобой в нормативных номенклатурах необходимо устранять и добиваться унификации употребляемых латинских форм при передаче одних и тех же понятий. Для этого, в первую очередь, должны быть выработаны унифицированные международные стандарты латинских гистологических терминов, в которых не должны допускаться синонимичные терминологические формы выражения тех или иных понятий. А эти стандарты должны определяться, прежде всего, на основании традиционных норм латинской акцентуации и морфологической адаптации греческой лексики, действовавших ещё в античное время и отражённых, в частности, в латинских лексиконах в латинизированных греческих словах.

В ряде случаев в многословных латинских терминах наблюдается также отступление от обычных норм синтаксиса. Так, в терминах, которые начинаются выражением «*Textus lymphoideus adjunctus ...*» — «Лимфоидная ткань, ассоциированная с...» причастие **adjunctus** требует датива латинского существительного, с которым оно вступает в синтаксическую связь, и это правило выдерживается в семи подобного рода терминах, например, *Textus lymphoideus adjunctus broncho* — Лимфоидная ткань, ассоциированная с бронхом. Однако в составлении латинского эквивалента термина «лимфоидная ткань, ассоциированная с поверхностью» авторов явно подвело недостаточное знание грамматики латинского языка, ибо мы видим термин *Textus lymphoideus adjunctus superficies* вместо *Textus lymphoideus adjunctus superficiēi*. В термине *Glandula sebacea adnexa pili* причастие *adnexa*, содержащее приставку **ad-**, как и производящий его глагол *adnecto, adnexui, adnexum* — *связывать, сочетать, соединять* управляет дативом, поэтому вместо генетива **pili** должен быть датив **pilo**.

В некоторых случаях наблюдается совершенно произвольная интерпретация значения латинских морфем при построении многословного термина или его перевода. Так, в российском издании МГН встречаем термин **Cellūla formans coloniam** и его эквивалент «Клетка, формирующая колонии» вместо «колонию» [16, с. 37]. В примечании к данному термину на этой же странице читаем **Cellula (?) formantes colonias** — букв. клетка, которые формируют колонии. Очевидно, что должно быть или 1) **cellula formans coloniam** (клетка, формирующая колонию), или 2) **cellula formans colonias** (клетка, формирующая колонии), или 3) **cellulae formantes colonias** (клетки, формирующие колонии). Последний латинский вариант приводится и в украинском издании МГН [6], однако его украинский и русский эквиваленты почему-то представлены в единственном числе: **колонієформна клітина** и **колонієформная клетка**.

Нередко в латинских терминах допускается употребление близкородственных морфемных образований, ведущее к искажению фонематического

содержания слова. Так, мы встречаем ряд терминов со словом *sustenans*: *Epitheliocytus sustenans*, *Epitheliocytus columnaris sustenans externus/internus*, *Epitheliocytus cuboideus sustenans externus*, *Vestibulocytus sustenans*. Форма *sustenans* по законам грамматики латинского языка должна быть причастием настоящего времени от глагола *sustenare*. Однако такой глагол не зафиксирован ни в словаре латинского языка И. Дворецкого, ни в Оксфордском словаре латинского языка. В этих словарях находим глаголы *sustineo*, *sustinui*, *sustentum* — *поддерживать* и производный от него глагол *sustento*, *sustentavi*, *susnentatum* с тем же значением. Форма причастия от первого глагола — *sustinens*, от второго — *sustentans*. Не подлежит сомнению, что все представленные выше латинские гистологические термины должны включать форму **sustentans**, например, **Vestibulocytus sustentans** («вестибулярная поддерживающая клетка» в русском и «опорный вестибулоцит» в украинском издании МГН). С этой же основой **sustenta-** встречаем в МГН, в частности, термин *Sustentocytus*, синоним термина *Vestibulocytus sustentans*, а в Международной анатомической номенклатуре — термин *sustentaculum tali* — опора таранной кости [8, с. 29].

В латинском термине **Oligodendrocytus satellites** (сателлитный олигодендроцит) непонятен морфологический статус формы **satellites**. В словарях И. Дворецкого, К. Рудзитиса и в Оксфордском словаре латинского языка приводится единственный вариант словарной формы данного существительного — *satelles*, *itis m* («спутник, охраняющее и сопровождающее лицо, сателлит») без других лексем, производных от данного слова [5, с. 686; 11, II, с. 471; 16, с. 1692]. Поэтому **satellites**, согласно нормам латинской грамматики, можно воспринимать только как форму *Nominativus pluralis*, употребление которой было бы оправдано, если бы она сочеталась с формой *Oligodendrocyti* — *Nominativus pluralis* существительного *Oligodendrocytus*. Однако значение анализируемого термина на всех языках как в российском, так и в украинском изданиях номенклатуры приводится в единственном числе. Поэтому очевидно, что термин «сателлитный олигодендроцит» в латинском эквиваленте может быть представлен только как **Oligodendrocytus satelles**. К сожалению, в МГН подробных неточностей грамматического плана можно найти и больше.

Наблюдается большое количество случаев, когда одно и то же понятие выражается различными или морфологически сходными латинскими существительными, сравним:

Русский эквивалент термина	Латинский эквивалент термина
Гранула базофильная	Granulum basophilum
Гранула нуклеосомная	Granum nucleosomatiss
Почка апоптотическая	Gemma apoptotica
Почка роста волосяного фолликула	Torus gemmalis folliculi pili

Столь же часто встречается и обратное явление — когда латинское существительное переводится различными русскими эквивалентами, сравним:

Латинский эквивалент термина	Русский эквивалент термина
<i>Elementum columnāre</i>	Цилиндрическая субъединица
<i>Elementum periphericum</i>	Периферический элемент
<i>Vinculum sarcolemmaticum</i>	Плотная пластинка
<i>Vinculum sarcoplasticum</i>	Плотное тельце

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что проблема лексической полисемии и поливариантности латинских и русских прилагательных столь же актуальна, как и для существительных. В связи с этим нам представляется, что для лучшего понимания структуры терминов МГН и закономерностей употребления их лексического состава было бы очень полезным и для латинистов, и для гистологов совместно разработать и опубликовать латинско-русско-белорусские (для вузов Беларуси) и латинско-украинско-русские (для вузов Украины) словари синонимичной терминологической гистологической лексики (существительные и прилагательные). Такие словари уже были изданы в БГМУ латинистами совместно с анатомами [1; 9], и сейчас на очереди разработка подобных словарей по гистологической терминологии. Эти словари нужны, прежде всего, преподавателям-морфологам, но и латинистам работа над этими гистологическими терминами дает немало материала для грамматических и терминологических наблюдений, обобщений и выводов.

В целом нельзя не отметить того факта, что составители латинской части МГН провели большую плодотворную работу по разработке новой гистологической лексики и терминологии. Удачными и соответствующими нормам латинского терминообразования следует признать прежде всего термин *cellula precursoria* для передачи понятия «стволовая клетка». Прилагательное *precursorius, a, um*, производное от глагола *praescuro, praescurri, praescursum* — бежать впереди, предшествовать более точно передаёт суть и роль данных клеток, чем понятие «стволовой» или украинское «стовбурний», которые практически были бы кальками английского термина *stem cell*, где *stem* передаёт понятия «основа», «стержень», «стебель роста», «росток». Теперь на основе нормативного гистологического термина *cellula precursoria* можно создавать, в частности, клинический термин «лечение стволовыми клетками» — *curatio (therapia) cellulis precursoriis* и другие необходимые термины.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что выход в свет каждого нового издания любой Международной медико-биологической номенклатуры должен являться неординарным событием для латинистов медицинских вузов. Ведь они не просто преподаватели основ профессиональной латинской терминологии — на них возложена миссия быть хранителями и ревнителями чистоты и нормативности этой терминологии. А это обязывает их

к внимательнейшему исследованию текста каждой из таких номенклатур на предмет соблюдения норм латинской грамматики и правил терминообразования, ибо, к сожалению, эти нормы далеко не всегда соблюдаются. Мы убеждены, что каждая такая номенклатура должна быть подробно обсуждена в коллективах латинистов, причем не один раз, учитывая многоаспектность проблем, связанных с особенностями терминологического состава текста номенклатуры, его пониманием и употреблением. На основании таких обсуждений следовало бы направлять в государственную редакционную коллегию, ответственную за издание национального варианта МГН, свои предложения по исправлению ее текста. В этом плане можно сослаться на опыт латинистов Российской Федерации, которые выпустили недавно работу «Международная анатомическая номенклатура с элементами грамматики», в которой исправили грамматические ошибки в латинских номенклатурных терминах, согласовав эту работу с Российской анатомической номенклатурной комиссией [7]. И, как уже упоминалось выше, латинисты должны быть также инициаторами разработки совместно с преподавателями медико-биологических кафедр словарной и иного рода толковательной литературы, облегчающей преподавателям и студентам осмысленное восприятие данной номенклатуры и ее употребление в учебных и научных целях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Существительные* одного смыслового ряда в анатомической номенклатуре : толковый слов. / авт.-сост.: А. Г. Авксентьева, О. Л. Жарикова. – Минск : МГМИ, 1996. – 33 с.
2. *Медицинская терминология на пяти языках: Latinum, Русский, English, Francais, Deutch* / авт.-сост. Г. Д. Арнаудов. – София : Медицина и физкультура, 1964. – XXIV. – 1029 с.
3. *Боголепов, В. Н.* Латинский язык : учеб. для медиков / В. Н. Боголепов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Медгиз, 1955. – 334 с.
4. *Дворецкий, И. Х.* Древнегреческо-русский словарь: ок. 70 000 сл. : в 2 т. / И. Х. Дворецкий. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. – 2 т.
5. *Дворецкий, И. Х.* Латинско-русский словарь: ок. 50 000 слов / И. Х. Дворецкий. – 3-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1986. – 840 с.
6. *Гістологічна* термінологія. Міжнародні терміни з цитології та гістології людини : навч. посіб. : пер. з англ. вид. / Федеративний міжнар. ком. з анатом. термінології ; ред.: Ю. Б. Чайковський, О. Д. Луцик. – Київ : Медицина, 2010. – 304 с.
7. *Международная анатомическая терминология с грамматикой латинских терминов* / под ред. Г. В. Петровой. – М. : Абрис, 2019. – 336 с.
8. *Международная анатомическая номенклатура* / под ред. Л. Л. Колесникова. – М. : Медицина, 2003. – 424 с.
9. *Международная гистологическая номенклатура* / под общ. ред. Ю. Н. Копаева. – М. : Медицина. – 1973. – 97 с.
10. *Руденок, В. В.* Русско-латинский словарь прилагательных одного смыслового ряда в современной анатомической терминологии : учеб.-метод. пособие / В. В. Руденок, А. З. Цисык. – 2-е изд., доп. – Минск : БГМУ, 2011. – 48 с.
11. *Латинско-русско-латышский словарь медицинских терминов* : в 2 т. / авт.-сост. К. Рудзитис. – Рига : Лиесма, 1973 – 1977. – 2 т.

12. *Українсько-латинсько-англійський медичний тлумачний словник: близько 33 000 термінів* : в 2 т. / ред.: М. Павловський [та ін.]. – Львів : Словник, 1995. – 2 т.
 13. *Морфологічний словник медичної термінології* / авт.-уклад. О. В. Федотов [та ін.]. – Київ : Вища шк., 1985. – 312 с.
 14. *Чернявский, М. Н.* Латинский язык и основы фармацевтической терминологии : учеб. / М. Н. Чернявский. – 3-е изд., пер. и доп. – М. : Медицина, 1994. – 384 с.
 15. *Oxford Latin Dictionary* / comp. by Clare P. G. W. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1968. – XXIII + 2126 p.
 16. *Terminologia histologica.* Международные термины по цитологии и гистологии человека с официальным списком русских эквивалентов / под ред. В. В. Банина, В. Л. Быкова. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2009. – 272 с.
- Вперше опубліковано: Актуальні питання лінгвістики, професійної лінгводидактики, психології і педагогіки вищої школи : зб. ст. IV Міжнар. наук.-практ. конф., 7–8 листоп. 2019 р., м Полтава. – Полтава : Астроя, 2019. – С. 424–431.*

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИСА В АНГЛИЙСКИХ ЭКВИВАЛЕНТАХ МЕЖДУНАРОДНОЙ АНАТОМИЧЕСКОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ

Преподавание курса медицинской латыни на английском языке иностранным учащимся ведётся уже в течении больше десяти лет и становится общепринятой формой работы в вузах стран СНГ. Для обеспечения этой работы создается англоязычная учебно-методическая документация, разрабатываются учебно-методические комплексы, печатается учебная литература.

Очень важным фактором, стимулирующим организацию учебного процесса в англоязычных группах, стало первое отечественное издание Международной анатомической терминологии (МАТ), в котором представлены эквивалентные латинские, русские и английские термины [2]. Это издание стало эталонным источником лексики для анатомического раздела учебной программы, как в русскоязычных, так и в англоязычных группах, и поэтому его терминологический состав заслуживает всестороннего изучения и комментирования. В рамках данной статьи мы сравнили некоторые семантически эквивалентные латинские и английские термины, представленные в МАТ, и проанализировали явления лексической вариативности и синтаксической неадекватности в данных терминах.

Как показывает содержание Международной анатомической терминологии, интересующие нас явления достаточно часто встречаются и в русском, и в латинском вариантах МАТ. Например, понятие «шов» передаётся как *raphe* (шов на мягких тканях) и как *sutura* (шов на костной ткани). Понятие «перекрёст» передаётся как существительное *chiasma* (в сочетании с прилагательным *opticum* и существительным *tendinum*) и как существительное *decussatio* (в сочетании с существительными *lemnisci*, *pedunculorum*, *pyramidum*, *tegmenti*). Попытка обобщить лексическую вариативность ла-

тинских существительных при определении латинских эквивалентов русских терминов на базе предыдущего издания Международной анатомической номенклатуры [3] была предпринята латинистами и анатомами нашего вуза [1]. В настоящее время с учётом выхода МАТ эта работа пересматривается и дополняется.

В качестве примера синтаксической неадекватности приведём термины, обозначающие названия мышц по их функциям или названия некоторых артерий. В каждой из этих групп терминов в семантических эквивалентах на латинском и русском языках не совпадают падежи определяемой анатомической структуры, а иногда и морфологическая форма номинации мышцы:

лат.	рус.
<i>musculus levator scapulae</i>	мышца, поднимающая лопатку
<i>musculus tensor veli palatini</i>	мышца, поднимающая нёбную занавеску
<i>arteria nutriens fibulae</i>	артерия, питающая малоберцовую кость

Особенность англоязычного варианта Международной анатомической терминологии в том, что здесь массово используются латинские однословные и многословные эквиваленты как для полного, так и для частичного лексического отражения анатомического понятия. Так, в разделе *Skeletal system* из 958 терминов 52 термина абсолютно идентичны по форме, как в латинском, так и в английском вариантах: *calvaria, clivus, skeleton, foramen magnum, linea terminalis, sustenaculum tali* etc. В миологии практически все названия мышц по их функции — дубликаты латинских эквивалентов, сравним:

лат. *musculus adductor pollicis brevis* — *Adductor pollicis brevis*
musculus levator anguli oris — *Levator anguli oris*

Очень много случаев, когда в английском эквиваленте двухсловного или многословного термина определяющие существительные (нередко и с прилагательным), совпадающие по форме с латинскими эквивалентами, соединяются с такими же латинскими по форме лексическими эквивалентами с помощью предлога *of*:

ala cristae galli — *ala of crista galli*
septum corporum cavernosorum — *septum of corpora cavernosa*
sinus venarum cavarum — *sinus of venae cavae*

При поиске английских эквивалентов подобного рода терминов у учащихся возникают затруднения в том случае, когда требуется передать именительный и родительный падежи множественного числа латинской конструкции (сравним два последних термина в приведённых выше примерах). Ведь здесь необходимо умение правильно определять элементы латинской грамматики не только в латинском, но и англоязычном тексте: например, сочетание **venae cavae** в последнем примере может быть воспринято как форма *Genetivus singularis*. И это, в частности, одно из неоспоримых свидетельств того, что без владения элементами латинской грамматики учащимся чрезвычайно трудно осознанно понимать и усваивать современный англоязычный вариант Международной анатомической терминологии даже при

столь значительном количестве латинской лексики и целых лексико-грамматических блоков. Ведь без понимания структуры латинского термина его англоязычный вариант становится бессмысленным набором буквенных символов, чрезвычайно тяжёлым для механического запоминания.

Немалую сложность при задаче адекватной замены латинского термина англоязычным вариантом представляет и то, что использование латинского существительного как семантического эквивалента англоязычного варианта варьируется синтаксически или чередуется с употреблением других лексических вариантов данного понятия. Например, термин *sulcus* в англоязычном эквиваленте может иметь несколько вариантов перевода в зависимости от той анатомической структуры, в названии которой употребляется данный термин. Во-первых, в шести терминах употребляется латинский аналог в качестве англоязычного варианта (*sulcus limitans*, *sulcus of auditory tube*, *sulcus of corpus callosum*, *sulcus sclerae*, *sulcus tali*, *sulcus terminalis cordis*), и в этих терминах синтаксис конструкции или соответствует латинским нормам, или корректируется с помощью предлога **of**. Еще больше терминов, в которых перевод конструкции с *sulcus* строится по синтаксическим нормам английского языка, когда первое место занимает определение-прилагательное, заимствованное из латыни: *central sulcus*, *lateral sulcus*, *inferior frontal sulcus* etc.

Вторая разновидность построения англоязычного эквивалента латинского термина, включающего существительное *sulcus* — это термины, в которых выступает английский лексический эквивалент латинского *sulcus* — существительное *groove*: *costal groove*, *pulmonary groove*, *lateral bicipital groove* etc. Особенностью употребления данного существительного является то, что оно нередко употребляется в особой синтаксической конструкции с предлогом **for** для передачи группы согласованного или несогласованного определения, выступающего в латинском эквиваленте термина в Genetivus singularis:

лат.	англ.
<i>sulcus nervi petrosi majoris</i>	groove for greater petrosal nerve
<i>sulcus venae cavae</i>	groove for vena cava

Подобного рода лексическая вариативность наблюдается при переводе на английский язык многих других существительных. Здесь встречается употребление: 1) латинской лексемы; 2) ее ассимилированного варианта; 3) английского эквивалента:

ala nasi — **ala** of nose но: *ala major ossis sphenoidalis* — greater **wing** of sphenoid

crista galli — **crista** galli но: *crista corporis costae* — **crest** of body of rib

ligamentum venosum — **ligamentum** venosum но: *ligamentum capitis femoris* — **ligament** of head of femur

foramen magnum — **foramen** magnum но: *foramen canaliculi cochlearis* — **opening** of cochlear canaliculus.

Интересно отметить, что такая лексическая вариативность нередко наблюдается даже в названиях рядом находящихся структур:

facies articularis superior (vertebrae) — superior articular *facet*

facies articularis superior (atlantis) — superior articular *surface*

Отдельно следует упомянуть те случаи, когда в англоязычном варианте рядом приводятся взаимозаменяемые названия, в которых используются ассимилированные латинские или английские названия:

ala of ilium; wing of ilium

bony union; synostosis

femur; thigh bone

Если говорить о вариативности прилагательных одного смыслового ряда в современной анатомической терминологии, то эта проблема изучена нами на материале русских терминов и их латинских эквивалентов, которые представлены в МАТ. В ее русской части мы определили 147 прилагательных, которые при переводе на латынь дают от двух до четырёх лексических вариантов перевода. Результаты данной работы были опубликованы в виде Русско-латинского словаря [5]. Сравнение этого материала с его англоязычными эквивалентами показывает, что в них в большинстве случаев сохраняется ассимилированная латинская лексика из латинских эквивалентов. Например, дифференциация лексических вариантов понятия *подъязычный* имеет в латинских терминах и их английских эквивалентах следующий вид:

glandula sublingualis — sublingual gland

nervus hypoglossus — hypoglossal nerve

os hyoideum — hyoid bone

Однако не все так однозначно, например, с прилагательными *большой* и *малый*, которые в латинских вариантах терминов могут передаваться в форме всех трех степеней сравнения, ср.: foramen magnum, ala major, musculus gluteus maximus. Применительно к латинским терминам мы выяснили, что понятие «большой» в одиночных структурах передаётся прилагательным magnus, a, um (nucleus magnus и еще 6 терминов); в терминах, которые передают понятие размера в сходных по структуре (чаще всего парных) и находящихся рядом образованиях употребляется форма сравнительной степени (omentum majus, trochanter major и еще 40 терминов), и форма превосходной степени — только в приведенном выше термине musculus gluteus maximus. Понятие «малый» передается прилагательным parvus, a, um в двух терминах (vena cardiaca parva; vena saphena parva), прилагательным minor, minus в терминах, которые передают понятие размера в сходных по структуре (чаще всего парных) и находящихся рядом образованиях (ala minor и еще 41 термин), прилагательным minimus, a, um только в термине musculus adductor minimus.

В англоязычном варианте МАТ выражение понятий «большой» и «малый» не всегда совпадает с отмеченными выше закономерностями. Только в одном разделе анатомической терминологии в этом отношении имеется

полное соответствие — в разделе о мышцах (Muscular system). Здесь соблюдаются отмеченные соответствия во всех терминологических эквивалентах, сравним:

musculus adductor magnus — Adductor magnus

musculus adductor minimus — Adductor minimus

musculus adductor digiti minimi — Adductor digiti minimi

musculus rhomboideus major / minor — Rhomboid major / minor

musculus gluteus maximus / minimus — Gluteus maximus / minimus

В других разделах англоязычного варианта МАТ встречается как употребление форм major / minor, так и их англоязычных вариантов greater / lesser. Первый вариант употребляется в 9 терминах (major / minor alar cartilage of nose, major / minor calices ect.). Второй вариант встречается в 19 терминах (greater / lesser curvature of stomach, greater / lesser horn of hyoid ect.). Как особые случаи употребления английских эквивалентов в передаче латинских лексических вариантов понятий *большой* и *малый*, которые выходят за рамки отмеченных выше закономерностей, нужно упомянуть два термина:

arteria pancreatica *magna* — *greater* pancreatic artery

venae cardiacaе (cordis) *minimae* — *small* cardiac veins.

Если говорить о синтаксических особенностях английских эквивалентов МАН по сравнению с их латинскими эквивалентами, то, прежде всего, следует упомянуть о значительном количестве предложных конструкций, которые служат для передачи латинского несогласованного (реже согласованного) определения. Это термины с существительными artery (4 термина), branches (21 термин), canal (4 термина), canaliculus (1 термин), facet (6 терминов), fissure (3 термина), fossa (4 термина), groove (23 термина), hiatus (2 термина), cells в сочетаниях с прилагательными aminergic, noradrenergic, dopaminergic (23 термина), impression (5 терминов), nerve (9 терминов), в которых используются предлоги for, in, to, сравним:

arteria ductus deferentis — artery to ductus deferens

canalis arteriae vertebralis — canal for vertebral artery

canaliculus chordae tympani — canaliculus for chorda tympani

cellulae noradrenergicae medullae oblongatae — noradrenergic cells in medulla

fissura ligamenti teretis — fissure for round ligament

fossa vesicae biliaris — fossa for gallbladder

hiatus nervi petrosi majoris — hiatus for greater petrosal nerve

impressio ligamenti costoclavicularis — impression for costoclavicular ligament

impressio pancreatica hepatis — pancreatic impression on liver

rami tractus optici — branches to optic tract

Обобщая информацию о синтаксической вариативности в англоязычных эквивалентах латинских терминов, отметим, что она чаще всего встре-

чается в структуре терминов, содержащих несогласованное определение, выраженное существительным или сочетанием существительного и прилагательного. Это структура, первая часть которой в роли определяемого понятия состоит из существительного или согласованного определения, которая может состоять как из латинских лексем, так и из их англоязычных эквивалентов. Вторая часть термина в роли определения в таких случаях может состоять:

1) из латинских лексем в Genetivus, практически повторяющих латинскую часть термина, сравним:

лат. eminentia fossae triangularis	англ. eminentia fossae triangularis
falx cerebelli	falx cerebelli

2) из латинских или английских лексем в Nominativus, присоединенных к первой части термина посредством предлога *of*:

лат. prominentia canalis facialis	англ. prominence of facial canal
pyramis vestibuli	pyramid of vestibule

3) из прилагательного, которое выступает в роли эквивалента формы существительного в Genetivus в латинском термине и занимает первое место в английском:

лат. anulus conjunctivae	англ. conjunctival ring
rima palpebrarum	palpebral fissure

4) из конструкции, состоящей из предлогов *for, in, to* и существительного (или существительного с прилагательным):

лат. nervus musculi pyramiformis	англ. nerve to pyramiformis
sulcus nervi petrosi majoris	groove for greater petrosal nerve

Мы отметили только основные, но далеко не все виды вариативности лексического состава и синтаксического строения в семантически эквивалентных латинских и английских терминах, представленных в Международной анатомической терминологии. Как нам представляется, англоязычный вариант МАТ содержит намного больше несистемных форм презентации терминов по сравнению с латинским. Поэтому латинистам в сотрудничестве с анатомами целесообразно наладить совместную работу по систематизации и комментированию англоязычной части МАН. При этом важно не только согласовывать соответствие концептуального анатомического содержания с его языковым оформлением в виде терминов [4, с. 18], но также совместно разрабатывать учебно-методические пособия, облегчающие иностранным учащимся работу по усвоению и переводу латинских терминов и их англоязычных эквивалентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Существительные* одного смыслового ряда в анатомической номенклатуре : толковый слов. / авт.-сост.: А. Г. Авксентьева, О. Л. Жарикова. – Минск : МГМИ, 1996. – 33 с.
2. *Международная анатомическая терминология* / под ред. Л. Л. Колесникова. – М. : Медицина, 2003. – 424 с.

3. *Международная анатомическая номенклатура* / под ред. С. С. Михайлова. – М. : Медицина, 1980. – 240 с.

4. *Новодранова, В. Ф.* Концепты анатомии и их языковая репрезентация / В. Ф. Новодранова // *Всероссийский межвузовский сборник научных трудов*. – Самара : ИПК «Содружество» : ГОУВПО «СамГМУ», 2007. – Вып. 2. – С. 9–19.

5. *Руденок, В. В.* Русско-латинский словарь прилагательных одного смыслового ряда в современной анатомической терминологии : учеб.-метод. пособие / В. В. Руденок, А. З. Цисык. – 2-е изд., доп. – Минск : БГМУ, 2011. – 48 с.

Впервые опубликовано: Когнитивные исследования языка. От когнитивной лингвистики к когнитивному терминоведению : сб. науч. тр. / ТГУ им. Г. Ф. Державина ; отв. ред. Л. Н. Манерко. – Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Г. Ф. Державина, 2015. – Вып. XX. – С. 580–587.

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ЛАТИНСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СОСТАВЕ СТОМАТОЛОГИЧЕСКИХ АНАТОМИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Под стоматологическими анатомическими терминами мы понимаем названия всех анатомо-гистологических структур, которые входят в сферу деятельности специалиста-стоматолога (терапевта, ортодонта, ортопеда, хирурга) и соответственно включают понятия остеологии, неврологии, ангиологии, миологии и других разделов современной морфологии человека. Прилагательные составляют основную часть терминологии этого комплекса, выступая в роли определений, которые характеризуют принадлежность, место расположения, особенности формы и другие существенные признаки морфологических структур. В рамках небольшой статьи трудно представить исчерпывающую информацию по теме нашего исследования, поэтому мы попытаемся представить его наиболее существенные и характерные, на наш взгляд, результаты. Для анализа терминов мы пользовались изданиями, в которых представлена профильная стоматологическая лексика [2; 6], а также последним вариантом Международной анатомической терминологии с официальным списком русских эквивалентов [3].

Рассмотрим, прежде всего, морфологическую структуру исследуемой группы прилагательных. В этом плане наблюдается 4 основные разновидности: 1) однокорневые прилагательные; 2) прилагательные, включающие суффикс; 3) прилагательные, включающие приставку; 4) прилагательные, составленные путем сложения основ.

Однокорневые прилагательные составляют самую немногочисленную группу. Это прилагательные *caecus, a, um* — *слепой* (*forāmen caecum linguae* — *слепое отверстие языка*); *durus, a, um* — *твердый* (*palātum durum* — *твердое нёбо*); *mollis, e* — *мягкий* (*palātum molle* — *мягкое нёбо*); *oblīquus, a, um* — *косой* (*linea oblīqua* — *косая линия*) и некоторые другие.

Прилагательные, образованные от основы существительных с помощью суффиксов, в стоматологических терминах встречаются чаще всего.

Первое место по частотности (около 80 %) здесь занимают прилагательные с суффиксом **-āl-** и его разновидностью **-ār-**: *buccāis, e* — *щёчный* (*facies buccālis* — *щёчная поверхность*); *dentālis, e* — *зубной* (*arcus dentālis* — *зубная дуга*); *alveolāris, e* — *альвеолярный* (*os alveolāre* — *альвеолярная кость*); *molāris, e* — *молярный* (*dentes molāres* — *моляры, большие коренные зубы*). Нередко такие прилагательные сочетаются с приставками: *premolāris, e* — *премолярный* (*dens premolāris* — *малый коренной зуб, премоляр*); *retromandibulāris, e* — *занижнечелюстной* (*vena retromandibulāris* — *занижнечелюстная вена*); *sublinguālis, e* — *подъязычный* (*plica sublinguālis* — *подъязычная складка*).

Остальные суффиксы, которые встречаются спорадически, представим в алфавитном порядке в виде таблицы:

Суффикс	Прилагательное и его перевод	Термин	Перевод термина
-ān-	<i>mediānus, a, um</i> — срединный	<i>sulcus mediānus linguae</i>	срединная борозда языка
-ārī-	<i>salivarius, a, um</i> — слюнный	<i>glandūlae salivariae majōres</i>	большие слюнные железы
āt-	<i>fimbriātus, a, um</i> — бахромчатый	<i>plica fimbriāta</i>	бахромчатая складка
-ĕ-	1) относящийся к околоушной железе; 2) околоушной	<i>fascia parotidea</i>	фасция околоушной железы
		<i>ductus parotideus</i>	околоушной проток
-īc-	<i>clīnicus, a, um</i> — клинический	<i>corōna clīnica</i>	клиническая коронка
-īdĕ-	<i>pterygoideus, a, um</i> — крыловидный	<i>tuberositas pterygoidea</i>	крыловидная бугристость
-īn-	<i>palatīnus, a, um</i> — нёбный	<i>glandūlae palatīnae</i>	нёбные железы
-īv-	<i>īncisīvus, a, um</i> — резцовый	<i>papilla incisiīva</i>	резцовый сосочек
-ōrī-	<i>buccinatorius, a, um</i> — щёчный	<i>nodus buccinatorius</i>	щёчный узел
-ōs-	<i>mucōsus, a, um</i> — слизистый	<i>tunīca mucōsa oris</i>	слизистая оболочка рта

Среди всех этих преимущественно латинских суффиксов выделяется суффикс **-ide-**, который восходит к греческому существительному **εἶδος** (*вид*) и обычно сочетается с греческими основами существительных (*pterygoideus* ← *πτέρυξ, πτέρυγος* (крыло) + *ide* + *us*).

Прилагательные с префиксальной морфемой делятся на слова, составленные: а) из латинских морфем; б) из латинизированных греческих морфем; в) комбинированные варианты. Чаще всего встречаются слова, состо-

ящие из латинских морфем. Большинство таких слов, кроме приставки, включают суффиксы -āl- / -ār-: *crista transversālis* — *поперечный гребешок*; *fossa occlusālis* — *окклюзионная ямка*; *glandūla submandibulāris* — *поднижнечелюстная железа*; *orgānum juxtaorāle* — *околоротовой орган*.

Встречаются также префиксальные прилагательные и с другими суффиксами, представленными в приведённой выше таблице:

accessorius, a, um — *добавочный* (*cuspis accessoria* — *добавочное остриё*)

digastricus, a, um — *двубрюшный* (*fossa digastrica* — *двубрюшная ямка*)

incisivus, a, um — *резцовый* (*dens incisivus* — *резцовый зуб, резец*)

Префиксальные прилагательные без суффиксальной составляющей встречаются редко; мы определили только пять таких единиц:

deciduus, a, um — *отпадающий* (*dens deciduus* — *молочный зуб*);

impar, āris — *непарный* (*ganglion impar* — *непарный ганглий*)

permānens, ntis — *постоянный* (*dens permānens* — *постоянный зуб*)

profundus, a, um — *глубокий* (*lamīna profunda* — *глубокая пластинка*)

transversus, a, um — *поперечный* (*plicae palatīnae transversae* — *поперечные нёбные складки*).

Греческие приставки немногочисленны (всего четыре) и употребляются в составе прилагательных, как правило, вместе с латинизированными греческими основами.

Комбинированные варианты, включающие греко-латинские префиксальные и корневые морфемные элементы, встречаются редко. В их числе, в частности, следующие прилагательные, содержащие латинскую (*infra*, *intra*, *supra*) и греческую (*para*, *peri*) приставки:

infrahyoideus, a, um — *подподъязычный* (*ramus infrahyoideus* — *подподъязычная ветвь*);

intraparotideus, a, um — *внутриоколоушный* (*plexus intraparotideus* — *внутриоколоушное сплетение*)

paramolāris, e — *околомолярный* (*cuspis paramolāris* = *tuberculum paramolāre* — *околомолярный бугорок*);

peridentālis, e — *околозубной* (*rami peridentāles* — *околозубные ветви*)

suprahyoideus, a, um — *надподъязычный* (*ramus suprahyoideus* — *надподъязычная ветвь*)

Прилагательные, которые образованы сложением именных или глагольных основ, по частотности употребления можно сравнить с префиксальными образованиями. Они включают основы существительных, существительного и прилагательного, прилагательных, глагола и прилагательного. При этом слагаемые основы могут быть греческими, латинскими, или комбинированными:

Исходные слова	Образованное прилагательное	Термин и его перевод
греч. γένειον — подбородок + греч. γλῶσσα — язык	genioglossus, a, um — подбородочно-язычный	muscūlus genioglossus — подбородочно-язычная мышца
греч. γλῶσσα — язык + греч. φαρυγγαῖος — глоточный	glossopharyngéus, a, um — языкоглоточный	nervus glossopharyngéus — языкоглоточный нерв
лат. palātum, i n — нёбо + греч. γλῶσσα — язык	palatoglossus, a, um — нёбо-язычный	muscūlus palatoglossus — нёбо-язычная мышца
греч. μέσος — средний + лат. buccālis, e — щёчный ← bucca, ae f — щека	mesio Buccālis, e — щёчно-мезиальный	cuspis mesio Buccālis — щёчно-мезиальный бугорок
лат. fungus, i m — гриб + лат. forma, ae f — форма	fungiformis, e — грибовидный	papillae fungiformes — грибовидные сосочки
лат. disto — отстоять + лат. linguālis, e — язычный ← lingua, ae f — язык	distolinguālis, e — язычно-дистальный	cuspis distolinguālis — язычно-дистальный бугорок

Если перейти к семантике исследуемых прилагательных, то, прежде всего, нужно упомянуть о том, что несколько прилагательных (от двух до четырех) могут иметь одинаковое значение и при переводе на русский язык в составе разных терминов передаются одним и тем же определением. Например, прилагательные *hyoideus, a, um*, *hypoglossus, a, um* и *sublinguālis, e* имеют значение **подъязычный** (*os hyoideus* — *подъязычная кость*, *nervus hypoglossus* — *подъязычный нерв*, *plica sublinguālis* — *подъязычная складка*). Приведём ещё три таких прилагательных и покажем пример их дифференцированного употребления в следующей таблице:

Прилагательное	Латинский эквивалент	Термины и их перевод
жевательный	massetericus, a, um	arteria masseterica — <i>жевательная артерия</i>
	masticatorius, a, um	muscūli masticatorii — <i>жевательные мышцы</i>
нёбный	palatinālis, e	cuspis palatinālis — <i>нёбный бугорок</i>
	palatinus, a, um	glandūlae palatinae — <i>нёбные железы</i>
поперечный	transversālis, e	crista transversālis — <i>поперечный гребень</i>
	transversus, a, um	plicae palatinae transversae — <i>поперечные нёбные складки</i>

Подобного рода прилагательные довольно часто встречаются во всех разделах анатомической терминологии. По нашим подсчётам, в последнем издании Международной анатомической терминологии определяется 147 семантических групп прилагательных, обладающих одинаковым значе-

нием внутри каждой такой группы. В научной и учебной литературе нет однозначной классификации таких прилагательных: их считают синонимами (лексической синонимией) [4, 52] или квазисинонимами [1, 97]. Однако, в любом случае, такая лексическая вариативность части прилагательных создает определённые проблемы при переводе терминов с русского языка на латинский. Для решения этой проблемы кафедра латинского языка в сотрудничестве с кафедрой нормальной анатомии БГМУ в 1996 г. опубликовала «Русско-латинский словарь прилагательных одного смыслового ряда в современной анатомической терминологии» [5]. В этом году тем же авторским составом подготовлено к печати расширенное и исправленное издание данного словаря на основе последнего издания МАТ.

Следует отметить и нередкие случаи перевода латинских прилагательных существительными в русских эквивалентах терминов:

Латинский термин	Русский вариант
Pulpa coronālis	Пульпа коронки
Pulpa radiculāris	Пульпа корня
Papillae linguāles	Сосочки языка

Сюда же следует отнести и те случаи, когда прилагательное в сочетании с существительным при переводе на русский язык теряет свой самостоятельный статус и придает семантическую окраску термину-существительному:

Латинский термин и его буквальный перевод	Русский вариант термина
dens canīnus (зуб собачий или клыковый)	клык
dens incisīvus (зуб резцовый)	резец
dens molāris (зуб молярный, большой коренной зуб)	моляр
dens premolāris (зуб премолярный, зуб малый коренной)	премоляр

И, в завершение, ещё отметим вариативность выражения значения «похожий на что-то», «подобный чему-то», которое обычно оформляется в русских эквивалентах конечным формантом *-видный*. Латинские прилагательные с таким значением образуются, как уже отмечалось выше, с помощью греческого суффикса *-ide-* в сочетании с родовыми окончаниями *-us*, *-a*, *-um* (*pterygoideus*, *a*, *um* — *крыловидный*), а также с помощью латинского суффикса *-āt-* с родовыми окончаниями *-us*, *-a*, *-um* (*foliātus*, *a*, *um* — *листовидный*) или латинского конечного суффиксоида *-formis*, *e* (*filiformis*, *e* — *нитевидный*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилина, Н. И. Проблемы синонимии в курсе «Латинский язык и основы медицинской терминологии» / Н. И. Данилина // Научные и методические проблемы медицинской терминологии : материалы Междунар. учеб.-науч.-метод. конф. зав. каф. (курсами) латин. яз. и основ терминологии высш. мед. и фармац. учеб. заведений / под ред. В. И. Мидленко. – Ульяновск : Вектор-С, 2009. – С. 95–97.

2. *Кочкарева, А. Г.* Толковый латинско-русский словарь терминов терапевтической стоматологии: ок. 1000 латин. терминов с их рус. эквивалентами / А. Г. Кочкарева, В. Ф. Новодранова, З. А. Рыжжина ; под ред. Л. М. Максимовской. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2006. – 160 с.

3. *Международная анатомическая терминология* / под ред. Л. Л. Колесникова. – М. : Медицина, 2003. – 424 с.

4. *Нечай, М. Н.* Латинский язык и стоматологическая терминология : учеб. пособие для студентов стом. ф-тов вузов / М. Н. Нечай. – Тюмень : Печатник, 2010. – 255 с.

5. *Руденок, В. В.* Русско-латинский словарь прилагательных одного смыслового ряда в современной анатомической терминологии : учеб. пособие / В. В. Руденок, А. З. Цисык. – Минск : МГМИ, 1996. – 20 с.

6. *Цисык, А. З.* Учебно-методические разработки по стоматологической лексике / А. З. Цисык, А. Г. Третьякович, Л. И. Васильева. – Минск : МГМИ, 1996. – 28 с.

Впервые опубликовано: Олимпиада по латинскому языку и основам медицинской терминологии — важная составляющая качества образования в XX веке : учеб. пособие / Л. М. Тихонова, Н. Н. Савельева, Р. М. Хайруллин, А. З. Цисык. — Ульяновск : Вектор-С, 2011. — С. 59–64.

НАЗВАНИЯ БОЛЕЗНЕЙ В ТВОРЧЕСТВЕ РИМСКИХ ПОЭТОВ КАТУЛЛА, ГОРАЦИЯ И МАРЦИАЛА

Введение. Лексика современной латинской медицинской терминологии в своём большинстве восходит к литературным памятникам Древнего Рима. Однако в научной литературе практически не встречаются работы, посвящённые исследованию медицинской лексики в работах известных римских писателей. Поэтому **целью** нашей работы будет проведение анализа творчества трёх крупных поэтов древнего Рима — Катулл, Горация и Марциала для определения лексики, обозначающей названия заболеваний, а также её сравнение с названиями заболеваний и болезненных состояний, которые представлены в современной латинской клинической терминологии. В качестве **материала** для статьи были использованы тексты латинских оригиналов указанных выше поэтов и переводы их поэзии на русский язык, в качестве **методики исследования** — авторский анализ и интерпретация лексики текстов римских поэтов.

Результаты исследования. Гай Валерий Катулл, живший в Риме с 87 по 54 годы до н. э., оставил сборник из ста шестнадцати различных по тематике стихов. Большинство из них посвящены личной жизни Катулл, его друзьям, недругам и любовным увлечениям. Именно в этих стихотворениях, связанных с бытовыми реалиями повседневной жизни, обнаруживается лексика, связанная с интересующей нас тематикой. Для работы мы использовали латинский текст и его русские эквиваленты по изданию [4].

В стихотворении XDIV Катулл рассказывает о недавнем пребывании в своём Тибурском поместье, где он «изгнал из груди злостный кашель» — *malamque pectore expulsi tussim*. А злостный кашель — *mala tussis* — напал

на него в Риме, после того как в доме знакомого Сестия он услышал очень плохо составленную судебную речь хозяина дома, в которой было «полно яда и всякой заразы» (*plenam veneni et pestilentiae*). Поэтому после сильного негативного впечатления от прочитанной Сестием судебной речи его поразили не только частый кашель (*frequens tussis*), но и холодный насморк (**gravedo frigida**). Таким образом, перед нами яркий пример психогенной простуды и такого же насморка — **gravedo sive coryza nervoxa** [8, т. 1, с. 425]. Спасался от этой напасти поэт, как он пишет, «покоем и крапивой» (*otioque et urtica*), поскольку крапива в то время применялась как лечебное средство от простуды.

В стихотворении LII Катулл пишет о зобе недруга Нония, который занял должность курульного эдила (*sella in curuli struma Nonius sedet*). В LXXI стихотворении поэт говорит, что соперника, уведшего его подружку, «по заслугам сечет поздняя подагра» (*merito tarda podagra secat*). Встречается у него в LXXVII стихотворении и слово «чума» (**pestis**), которым поэт метафорически называет предательство друга Руфа (*heu heu nostrae pestis amicitiae*).

Упоминание о целом ряде заболеваний мы находим и в творчестве выдающегося римского поэта Квинта Горация Флакка (65–8 гг. до н. э.). Они встречаются в его «Одах», «Сатирах» и в «Посланиях». Стихотворные переводы Горация мы приводим по изданию [2], латинский текст — по изданию Ф. Клингера [9]. Так, в третьей оде первой книги Гораций с сожалением говорит о том, что зря титан Прометей обманным путём похитил для людей огонь с Олимпа, ибо за это люди понесли наказание в виде различных болезней: «После кражи огня, уведённого с эфирных небес, истощение и новая когорта лихорадок навалилась на землю // (*post ignem aetheria domo // subductum macies et nova februm // terres incubuit cohors*).

Об ознобе (**frigor**), который чередуется с лихорадкой (**febris**), Гораций упоминает, рассказывая в первой книге «Сатир» о скупце, которому в час болезни никто не придёт на помощь:

Если когда лихорадки озноб ты почувствуешь в теле,
Или другою болезнью ты будешь прикован к постели,
Кто за тобой-то станет ходить и готовить лекарства?
(Сатиры, I, 1. Пер. М. Дмитриева)

Упоминает Гораций о кашле, боле в боку и подагре в первой книге своих «Сатир», говоря о пророчестве старой сабинянки по поводу его судьбы:

Этот ребенок, сказала она, не умрет ни от яда,
Ни от стали врага, ни от боли в боку, ни от кашля,
Ни подагра его не возьмет...

Hunc neque dira **venena** nec hosticus auferet ensis,
Nec laterum **dolor** aut **tussis**, nec tarda **podagra**...
(Сатиры, I, 9. Пер. М. Дмитриева)

Говорит Гораций и о разновидности подагры — хирагре, поражающей суставы рук. Так, в первой книге первого «Послания» он советует своему другу Меценату: «Все ж не бросай охранять себя от хирагры узловатой» (*nodosa corpus polis prohibere chiragra*). В этом же послании он, зная, что Меценат страдает гнойной болезнью глаз (**lippus**), советует ему не пренебрегать употреблением специальных мазей (*non tamen idcirco contemnas lippus inungi*).

Сильное эмоциональное потрясение, как считает Гораций (с известной долей преувеличения), иногда может исцелить больного, даже охваченного летаргией (**lethargia**):

Часто и новость гóнит старую хворь. Ведь сильные крови приливы
Иль к голове или к телу любого из нас потрясают,
Мигом влияя на ум. Иной летаргией был болен.
Смотришь — врача своего на кулачный уж бой вызывает!
(Сатиры, II, 3. Пер. М. Дмитриева)

Распространённым заболеванием в Риме была водянка (**hydrops**). Гораций во второй книге «Од» сравнивает алчность с водянкой, растущей у человека, ведущего нездоровый образ жизни:

Жажде волю дав, все растёт водянка,
Теша блажь свою, коль болезни сущность
Не оставит жил и с ней вместе недуг
Бледного тела.
(Оды, II, 2. Перевод Г. Ф. Церетели)

В целом придерживаясь концепции умеренности во всем и здорового образа жизни, Гораций во второй книге «Посланий» советует молодому Лоллию рано вставать и больше двигаться, чтобы не заболеть, в частности, водянкой (**morbis hydropicus**):

Чтоб человека зарезать, ведь до света встанет разбойник, —
Ты, чтоб себя уберечь, ужель не проснешься? Не хочешь
Бегать, пока ты здоров? Побежишь, заболевши водянкой.
(Посл. I, 2. Пер. Н. С. Гинцбурга)

Здоровье, считает Гораций, — высшая ценность для человека. Ибо никакие богатства не приносят радости больному лихорадкой или подагрой:

Ибо ни дом, ни земля, ни меди иль золота груды
Прочь лихорадку отвести от больного не могут.
Если кто алчен и скуп, его радуют дом и богатство
Так, как картины — слепца, как подагрика радуют грелки.
(Посл. I, 2. Пер. Н. С. Гинцбурга)

Марк Валерий Марциал, живший в 40–194 годах нашей эры, написал свыше 1500 эпиграмм, составивших 15 книг. Тонкий наблюдатель и талантливый мастер пера, он оставил потомкам блестящие зарисовки быта и нравов императорского Рима, в которых можно найти и названия разнообразных заболеваний, распространённых среди его современников. Все переводы его

эпиграмм приводятся нами в переводе Ф. А. Петровского [5]. Русский текст перевода эпиграмм сверялся с полным сводом эпиграмм Марциала, где представлен латинский текст эпиграмм и их перевод на русский язык А. А. Фета [7].

Как и Катулл, и Гораций, Марциал нередко упоминает о таком лёгком недомогании, как кашель (**tussis**). Чаще всего название этого недомогания, как, впрочем, и других, поэт подает в ироническом или язвительном контексте. Например, во второй книге эпиграмм (II, 26) читаем:

Невии тяжко дышать, одолел ее кашель жестокий,
Складки одежды она все заплевала себе.
Что же, мой друг, уже, по-твоему, кончено дело?
Нет, ты обманут: хитрит, не умирает она.

Часто упоминает Марциал и о лихорадке (**febris**), используя это название в чисто иронической интерпретации. Вот пример из четвёртой книги его эпиграмм (IV, 80):

Ты в лихорадке, Марон, декламируешь: если не знаешь,
Что это бред, не в уме, право, ты, друг мой, Марон.
Ты декламируешь даже больной и даже в ознобе:
Если вспотеть ты не способен, — читай!

Среди часто упоминаемых Марциалом заболеваний встречаются подагра (**podagra**) и хирагра (**chiragra**), получившие широкое распространение среди современников поэта. Так, в одной из эпиграмм первой книги (I, 98) читаем:

Судится все Диодор и подагрою, Флакк, он хворает.
Но и не платит в судах: болен хирагрою он.

Чуть не единственный раз Марциал говорит в серьёзном и даже трагическом тоне о какой-то болезни, когда рассказывает о чуме (**pestis**) как причине смерти добродетельного римского гражданина Феста (I, 78):

Схваченный злою чумой за свое неповинное горло,
Только лишь черная хворь подобралась к лицу,
Сам, без единой слезы, утешая друзей огорченных,
Принял решение Фест к Стикса озерам уйти.

В остальных случаях названия заболеваний, как уже упоминалось выше, встречаются у Марциала в иронически-комедийных контекстах. Вот, например, в переводе пятьдесят шестой эпиграммы десятой книги читаем:

Не вырезая, гнойник вылечивать Фанний умеет,
Мерзкие шрамы рабов уничтожает Эрós.
Гермес грыжу лечить умеет, что твой Подалирий.
Но надорвавшихся, Галл, кто же излечит, скажи?

При знакомстве с данным переводом Ф. А. Петровского и сличении его с текстом латинского оригинала мы видим определённые лексико-семантические несоответствия между названием «**гнойник**» перевода и «**stillantem**

uvam» в оригинале. Текст оригинала представленного выше перевода выглядит следующим образом:

Non secat et tollit **stillantem** Fannius **uvam**,
Trisitia servotumsigmata delet Eros,
Enterocelarum fertur Podalirius Hermes:
Qui sanet ruptos, dic mihi, Galle, quis est?

В Оксфордском словаре латинского языка слово **uva** в медицинском контексте рассматривается как синоним слова **uvula** (нёбный язычок) [10, с. 686]. Поэтому в нашем дословном переводе текст первой строки звучит следующим образом: «Фанний, не рассекая, удаляет нёбный язычок, по которому струится влага». В этом плане более близок к оригиналу перевод А. А. Фета: «Фанний мокрый нарост снимает, не разрезая» [7, с. 686]. Как видим, **uva stillans** оригинала вряд ли можно отождествить с гнойником, который уже в трудах Авла Корнелия Цельса, жившего на полвека раньше Марциала, обозначается как **abscessus** [3, с. 14]. Точно так же «гнойник», в латинском эквиваленте «**abscessus**», представлен и в современной клинической терминологии [8, т. 1, с. 25]. В то же время слово греческого происхождения **enterocele** (грыжа стенок кишок или грыжа внутренностей, в переводе А. Ф. Петровского «грыжа»), употребляется и в современной клинической терминологии [8, т. 1, с. 598]. В поэзии Марциала можно встретить названия и таких заболеваний, как чесотка (**scabies**, VI, 37), морозная язва (**lues**, XI, 41), лишай на лице (**lichen**, XI, 48), зуд (**prurigo**, XIV, 23), волдырь (**pustula**, XIV, 167). Все эти названия встречаются и в современной латинской клинической терминологии [8, т. 1, т. 2].

Выводы. Наше исследование показало, что большинство названий заболеваний или патологических состояний, которые встречаются в поэзии Катулла, Горация и Марциала, вошли в состав современных медицинских лексиконов на латинском, английском и других языках, о чём свидетельствуют известные многоязычные словари медицинской терминологии Г. Арнаудова и Б. Злотницкого [1; 6]. И это подтверждает актуальность и важность изучения латинских первоисточников современной медицинской терминологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Медицинская терминология на пяти языках: Latinum, Русский, English, Francais, Deutch* / авт.-сост. Г. Д. Арнаудов. – София : Медицина и физкультура, 1964. – XXIV. – 1029 с.
2. *Гораций. Собрание починений / Гораций.* – СПб. : Биограф. ин-тут, «Студия биографика», 1993. – 447 с.
3. *Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь: ок. 50 000 сл.* / И. Х. Дворецкий. – 3-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1986. – 840 с.
4. *Катулл, Г. В. Сочинения / Г. В. Катулл ; пер. с лат. О. Славянки.* – М. : Рус. панорама, 2009. – 384 с. – На рус. и лат. яз.
5. *Марциал, М. В. Эпиграммы : перевод / М. В. Марциал ; вступ. ст. В. С. Дурова.* – СПб. : Комплект, 1994. – 447 с.

6. *Медицинский словарь*: английский, русский, французский, немецкий, латинский, польский / под ред. Б. Злотницкого. – Варшава : Польское гос. мед. изд-во, 1970. – 1604 с.
7. *Марциал, М. А.* Поэт великого города: полный свод эпиграмм / М. В. Марциал : пер. А. А. Фета. – репр. воспроизведение изд. 1891 г. – М. : Русский Гулливер, 2012. – 1063 с.
8. *Rudzitis, K.* Terminologia medica : in 2 vol. / K. Rudzitis ; cur. E. Pondere. – Riga : Liesma, 1973–1977. – 2 vol.
9. *Horati, Q. F.* Carmina / Q. F. Horati. – Leipzig : Teubner, 1959. – 380 s.
10. *Oxford Latin Dictionary* / comp. by P. G. W. Clare. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1968. – XXIII + 2126 p.
Публикуется впервые.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ АНТИЧНОЙ ЛЕКСИКИ

Основной задачей курса латинского языка медицинских вузов Республики Беларусь уже в течение многих лет находится преподавание основ создания и функционирования латинской медицинской терминологии. Содержание этого курса периодически пересматривается, корректируется и дополняется с учётом новых открывающихся аспектов в этом содержании и по мере возникновения новых направлений и тенденций в отечественном и мировом терминоведении. В частности, в центре внимания латинистов медицинских вузов всегда находятся вопросы истории создания терминов, и одному из таких вопросов посвящена и данная статья.

Интернациональный фонд европейской медицинской лексики начал создаваться, как известно, в Древней Греции. Затем латинский язык ассимилировал многие уже созданные греческие термины и на его лексико-грамматической основе уже в течение многих веков идёт процесс создания новых терминов, который продолжается и в наши дни. Одним из видов терминотворчества является терминологизация — переход общеупотребительного слова в разряд терминов. Из интернационального медицинского лексикона мы выбрали группу терминов, истоки которых лежат в общелитературном фонде греческого и латинского языков, и проанализировали пути их терминологизации.

Большое количество греческих и латинских существительных прошли терминологизацию на основе метафорического сходства физического процесса или внешнего вида. Так, греческое существительное *katarrhaktēs* первоначально значило «водопад» и подобное ему изливание воды [1, с. 906]. На основе такого концепта и появился латинский медицинский термин **cataracta** «катаракта», обозначающий заболевание глаз, при котором зрение словно закрывает пелена воды — некоей патологической жидкости, выделяемой мозгом, как считали античные врачи. Термин «катаракта», восходя-

щий к греческому *katarrhaktes*, фиксируется также в современных английском, немецком и французском медицинских лексиконах [2, с. 906].

К этой же группе мы отнесли и термин **catarrhus** (катар), который имеет значение «воспаление слизистой оболочки с образованием экссудата», чаще всего катар верхних дыхательных путей. Данный термин, как и предыдущий, появился как метафорическое переосмысление греческого слова *katarrhoos* (стекание). Уже у Аристотеля оно употребляется в значении «насморк» [1, с. 906] и в этом или близком к нему значении присутствует в современном русском, английском, немецком и французском медицинских лексиконах [2, с. 906].

Путем метафорического переосмысления внешних признаков вещества появился термин «фавус» (**favus** seu **dermatomycosis favosa**), который в русском языке имеет также народный вариант «парша». Это название хронического дерматоза на коже головы, проявляющегося в виде маленьких (2–4 мм) желтоватых сухих корочек вокруг волосяных фолликулов. Термин возник на основе сходства скопления таких корочек с медовыми сотами (латинское существительное *favus, i m* — пчелиный сот) [3, с. 320].

Подобным же путем латинское название птицы сорока — **pica** стало термином, обозначающим «болезненное пристрастие к непригодной пище». Такое явление наблюдается, в частности, у беременных женщин, истеричных больных и душевнобольных. Теминологизация произошла на основе замеченного пристрастия сороки к хватанию и удерживанию различных блестящих предметов, непригодных к пище. Термин **pica** имеет синонимы **gustus depravatus** (извращённый вкус) и **cissa** — латинизированный грецизм *kissa*, аналог латинского названия сороки. В последнее время эти два термина обычно заменяются. Интересно отметить, что уже древние греки словом *kissa* называли извращённый вкус у беременных [1, с. 948]. В современных медицинских лексиконах русского и других языков наблюдается тенденция к замене терминов **pica** и **cissa** описательными вариантами «извращённый вкус» в русском и соответствующими аналогами в английском, немецком и французском языках, а также термином **picacismus** [2, с. 463].

Любопытное переосмысление значения слова предшествовало появлению интернационального термина **lymph** (лимфа), обозначающего специфическую желтоватую жидкость, содержащуюся в лимфатических капиллярах и сосудах. Слово *lymph* появилось в античном латинском лексиконе как производное от *Lymphae fontium* (Лимфы источников). В этом названии слово *Lymphae* по наличию буквы «у» (ипсилон) и сочетания «rh» заставляет думать о своём греческом происхождении. И действительно, *Lymphae* — это трансформация греческого слова *Nymphae*, т. е. нимфы, божества водных источников, а в дальнейшем — чистая, прозрачная вода, и только в XVII в. это слово стало интернациональным медицинским термином «лимфа» [4, с. 473; 2, с. 272].

Греческая лексика в европейских языках очень часто появлялась в статусе термина путем метафоризации, используя посредничество латыни. Любопытно, в частности, история термина «шприц», который вошёл в русскую и латинскую медицинскую латынь из немецкого языка (*Spritze*), сравним фармацевтическое выражение наших дней *in spritz-tubulis* и его русскоязычный аналог «в шприц-тюбиках». А вот английский и французский языки приспособили в этом случае греческое слово *syrix* с первичным значением «полый тростник», затем «дудочка», которое по сходству формы превратилось в термин **syringe** в английском и термин **seringue** во французском. Интересно отметить, что во французском языке термин **seringue** возник еще в XIII в. на основе бытовавшего в средневековой латыни грецизма *syringa* (сиринга для инъекции) [4, с. 761], но по непонятным сегодня причинам этот латинский термин не прижился и не отражен в многоязычных словарях латинской лексики Д. Арнаудова [2] и Б. Злотницкого [5].

На основе греческих слов, уже имеющих терминологический статус, может произойти вторичная терминологизация с возникновением новых семантических оттенков. Так, от греческого существительного **kolon** — *толстая кишка* возникает греческое прилагательное *kolikos, kolike, kolikon* — *прямокишечный* или *кишечный*. Затем по правилу языковой компрессии женский род прилагательных в сочетаниях с существительным субстантивируется: *kolike posos* (кишечная болезнь) превращается в существительное *kolike*, которое латинизируется в форме **colica, ae f** [2, с. 82]. В медицине термин «колика» определяется как «сильная схваткообразная боль, являющаяся в виде внезапного приступа, исходящего от кишок» и употребляется в несколько изменённых графически вариантах и в других иностранных языках [2, с. 82]. Однако следует отметить, что понятие «колика» в современной медицине вышло за рамки патологических явлений, относящихся первоначально только к кишечнику: в лексиконах современной медицины встречаются термины «печёночная колика», «почечная колика» и ряд других ее видов.

Расширение семантики существительного в направлении терминологизации с медицинским смыслом — очень распространённое явление в европейских языках, которое было заимствовано из средневековой латыни — основного источника пополнения лексического фонда развивающихся национальных языков Западной Европы. В частности, если говорить о понятии «внезапный острый приступ боли или болезни», то в современном латинском медицинском лексиконе, берущем начало в средневековой латыни, можно встретить несколько номинативных терминов с таким значением. В частности, из греческого языка путем латинизации и терминологизации существительного *paroxysmos* («возбуждение», «раздражение») с XV в. в медицинскую практику вошел термин «пароксизм» — сильный приступ, сильный припадок. Этот же термин и с тем же значением употребляется в английском, немецком и французском языках [2, с. 363]. Подобным обра-

зом в средневековой латыни подверглось терминологизации существительное **ictus**, имевшее в латыни античного периода пять значений: 1) удар, толчок, ушиб, рана, укус; 2) нападение, натиск, набег; 3) удар такта, ударение; 4) биение пульса; 5) заключение договора [3, с. 371]. В медицинской латыни это существительное приобрело значение «приступ», «вспышка болезни», особенно в отношении инсульта и в таком значении оно употребляется и в медицинской лексике немецкого и французского языков [2, с. 222; 4, с. 412].

В настоящей статье мы представили только небольшие фрагменты из огромной области историко-лингвистических явлений и фактов, относящихся к медицинской терминологизации на основе античной лексики, и эта область лингвистики ждёт ещё многих исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дворецкий, И. Х. Древнегреческо-русский словарь: ок. 70 000 сл. : в 2 т. / И. Х. Дворецкий. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. – 2 т.
 2. Медицинская терминология на пяти языках: Latinum, Русский, English, Francais, Deutch / авт.-сост. Г. Д. Арнаутов. – София : Медицина и физкультура, 1964. – XXIV. – 1029 с.
 3. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь: ок. 50 000 сл. / И. Х. Дворецкий. – 3-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1986. – 840 с.
 4. Duboi, J. Dictionnaire étymologique et historique du Français / J. Duboi, H. Mitterrand, A. Dauzat. – Paris : Larousse, 2007. – 893 p.
 5. *Lexicon medicum. Anglicum. Russicum. Gallicum. Polonum. Germanicum.* / Pod redakcją B. Zlotnickiego. – Warszawa : Państwowy zakład wydawnictw lekarskich, 1971. – 1603 s.
- Впервые опубликовано: Теория и практика профессионально ориентированного обучения иностранным языкам : материалы XIV Междунар. научн.-практ. конф., Минск, 31 мая 2021 г. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол.: Т. Г. Переварова (гл. ред.) [и др.] . – Минск : МИТСО, 2021. – С. 158–161.*

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ СПРАВОК К ТЕРМИНАМ ГРЕЧЕСКОГО И ЛАТИНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В «БОЛЬШОМ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНОВ» ПОД РЕДАКЦИЕЙ Э. Г. УЛУМБЕКОВА

В условиях быстрого развития медицины и смежных с ней наук возрастает роль высококачественной словарно-справочной литературы, в которой были бы представлены достоверные и профессионально грамотные определения медицинских терминов, снабженные разъяснениями и этимологическими справками. В течение более сорока лет такую роль в русском общеобразовательном пространстве успешно выполнял трёхтомный «Энциклопедический словарь медицинских терминов» (ЭСМТ), вышедший в 80-е годы прошлого века под редакцией академика Б. В. Петровского и включавший около 60 000 словарных статей и терминов [10]. Однако все

словари со временем устаревают как в результате переоценки многих понятий, так и из-за необходимости введения информации по новым терминам, появляющимся в большом количестве каждый год.

В Российской Федерации за решение подготовки качественно и количественно обновленного «Энциклопедического словаря медицинских терминов» взялся коллектив работников медицинских и смежных с ней наук под руководством С. Ю. Кочеткова и доктора медицинских наук, профессора Э. Г. Улумбекова. В результате работы более чем 100 человек в 2012 г. был издан Большой Энциклопедический словарь медицинских терминов (БЭСМТ), содержащий около 100 000 терминов [1]. Не касаясь вопроса качества профессиональных дефиниций, так как это дело медицинских специалистов, мы поставили задачу рассмотреть содержание статей БЭСМТ с точки зрения этимологических справок, сопровождающих дефиниции.

Вряд ли кто-нибудь станет оспаривать тот факт, что этимологические справки к терминам, сплошь и рядом состоящим из древнегреческих (далее — греческих) и латинских морфем а priori должны готовиться специалистами, в достаточной мере владеющими основами классических языков — греческого и латыни. В упомянутом выше трёхтомном «Энциклопедическом словаре медицинских терминов» роль такого специалиста сыграл выдающийся российский филолог-классик, профессор и заведующий кафедрой латинского языка Московской медицинской академии имени И. М. Сеченова с 1964 по 1990 гг. Максим Наумович Чернявский. Под его руководством не только редактировались этимологические справки, касающиеся лексики античного происхождения, но и была подготовлена сводная таблица-словарь латинских и греческих словообразовательных элементов, помещённая в третьем томе указанного выше словаря. Там же помещена и обстоятельная статья об истории и современном состоянии русской и международной медицинской терминологии, восходящей к античной лексике. Но при знакомстве с составом авторского коллектива БЭСМТ [1] мы не увидели в нем ни одного филолога-классика нашего времени. А ведь в этом коллективе могла бы быть, прежде всего, доктор филологических наук, профессор Валентина Федоровна Новодранова, автор монографии «Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии» [5], возглавлявшая до недавнего времени кафедру латинского языка и основ терминологии Московского государственного медико-стоматологического факультета. Ибо без участия специалиста по классическим языкам любая словарная работа — даже гораздо меньшего масштаба — получается с неточностями и ошибками, как свидетельствует анализ «Краткого словаря медицинских терминов», подготовленного к печати российскими врачами в 2004 г. [6]. Посему при чтении этимологических справок, содержащихся в БЭСМТ[1], как мы и предполагали, оказалось очень много неточностей и ошибок, о чем и пойдёт речь в данной статье.

Во-первых, обращает на себя внимание несистемность и непоследовательность авторов словаря в приведении этимонов к очень большому количеству терминов, относящихся к семантически родственной группе или восходящих к морфологически сходной модели образования. Возьмём, например, многочисленную группу названий, восходящих к латинским отглагольным существительным с финалью -sio (tio, xio). У одной части таких терминов, как это общепринято представлять в словарях, в том числе и в ЭСМТ [10], приводится форма 1-го лица соответствующего латинского глагола, затем форма супина, например: **аддукция** [лат. adduco, adductum — *приводить*]. Но в другой части подобного рода терминов приводится только форма 1-го лица латинского глагола, например: **инфузия** [лат. infundo — *вливать*]. В третьей же группе в качестве этимона приводится уже латинское отглагольное существительное, например: **селекция** [лат. selectio — *отбор*].

Подобного рода несистемность наблюдается и при подаче информации о названии химических элементов и антропологических точек на черепе: у одной части терминов этимологическая информация приводится, а у другой отсутствует. Так, к названиям **бром, фосфор, хлор** этимологические справки приведены, а у названий **йод, магний, фтор** они отсутствуют; к названиям **базион, назион, опистион** имеются этимологические справки, а у названий **астерион, ламбда, стефанион** их нет.

Несистемность, сочетающаяся с неточностью приведенной информации, наблюдается во многих этимологических справках. Так, к термину **анаэробиионт** приведена следующая справка: [ан + аэро + греч. biosis — *жизнь*]. Однако чуть ниже по поводу термина *аноксибионт* уже читаем следующее: **аноксибионт** [аноксия + греч. bion, biontos — *живущий*]. По сходной словообразовательной модели представлена и этимологическая структура термина оксибионт: [окси + греч. bion, biontos — *живущий*]. Лингвисту, знакомому с основами греческого, понятно, что правильными являются два последних варианта, но как быть в этой ситуации тем пользователям словаря, которые такими знаниями не обладают?

Неумение различать греческие и латинские словообразовательные терминыэлементы очень часто подводит составителей словаря. Так, они отождествляют греческую приставку dys-, имеющую значение «расстройство», «отклонение от нормы» и латинскую приставку dis-, имеющую значение «разделение», «распространение», «смещение», утверждая, что дис- диз-, ди- [греч. dys-] — приставка, обозначающая «разделение», «разъединение», «расчленение», «отрицание». Однако различие между этими приставками становится заметным уже в их латинских вариантах, сравним термины **дисморфоз (dysmorphosis)** — *отклонение от нормальной формы* и **диссекция (dissectio)** — *рассечение*. На отождествление этих приставок в отечественных этимологических словарях мы обращали внимание еще 25 лет назад [8, с. 25–27], но удивительно, что это заблуждение оказывается столь живучим.

Непонимание структуры слова, включающего морфемы греческого происхождения, ведёт к ошибочной версии этимологии термина. Таких случаев в словаре немало. Например, не понимая, что конечный терминологический элемент **-тропный** восходит к греческому **tropos** «поворот», «направление», в структуре слова **рентропный** видят латинское *ren* (почка) и греческий терминологический элемент *trophe* (питание). Определяя словообразовательный элемент **brachy-** на основе греческого термина **brachion** — *рука, плечо* и правильно выделяя его в клинических терминах, связанных с этой анатомической частью тела, например брахиалгия (боль в плечевой кости), в то же время неправомочно расширяют семантику элемента **brachy-** на те случаи, когда этот элемент уже создан на основе греческого прилагательного **brachys** — короткий, укороченный и употребляется в значении «укорочение какой-либо анатомической структуры», например: брахидактилия (укорочение пальцев кисти или стопы), брахиэзофагус (врожденные укороченные размеры пищевода). Поэтому странно видеть этимологическую справку брахи-, относящуюся к понятиям «рука», «плечо» в объяснении этимологии терминов брахивазия, брахигнатия, брахикрания и др. Небезынтересным в связи с этим было узнать всем пользователям словаря и не только им, что слово **brachion** — это по существу сравнительная степень от прилагательного **brachys**, и плечевую кость античные греки называли так, поскольку она просто короче локтевой (11, с. 264).

Не разобрались составители БЭСМТ [1] и с дифференциацией значения двух греческих существительных, которые внешне отличаются только ударением, но смысл у них совершенно различный — **thýmos** и **thymós**. Первое существительное имеет значение «тимьян», и это растение использовалось при сжигании частей жертвенных животных, которые содержали вилочковую железу. Вилочковая железа животных по форме напоминала цветки тимьяна, и поэтому постепенно тимусом (*thymus*) анатомы начали называть вилочковую железу животных и человека [3, с. 216]. Второе существительное имеет широкий спектр значений, передающих душевные свойства человека: душа, дух, воля, настроение, эмоциональная сфера и др. [2, Т. 1, с. 800]. Поэтому первое существительное в современной медицинской терминологии в форме терминологического элемента **тим-** употребляется всего в нескольких терминах, в которых говорится об отношении к вилочковой железе: тимома (опухоль, исходящая из ткани вилочковой железы), тимоцит (общее название клеток из вилочковой железы), тимэктомия (удаление вилочковой железы). Намного шире употребляется терминологический элемент **тим-** от существительного **thymós**, который выступает составной частью слов в значении «относящийся к настроению, к чувству». При этом данный терминологический элемент может встречаться и в начальной части термина, и как его конечный элемент. Например, тимопатия (общее название психопатий с преобладанием аномалий в эмоциональной сфере), тимолептики (антидепрессанты, лекарственные средства, применяющиеся при лечении психиче-

ских расстройств, сопровождающихся депрессией). В нескольких терминах употребляется конечный терминологический элемент **-тимия**: атимия (отсутствие или снижение эмоциональных реакций), гипертимия (повышенное настроение, сопровождающееся усиленной двигательной и психической активностью), дистимия (преходящее расстройство настроения без видимой причины). Поэтому составителям БЭСМТ [1] следовало бы дифференцировать терминологический элемент **тим-** по образцу составителей ЭСМТ [10]: **ТИМ(О)** — 1) греч. *thýmos* тимьян, анат. *thymus* вилочковая железа — составная часть сложных слов, означающая «отношение к вилочковой железе»; 2) греч. *thymós* — душа, настроение, чувство — составная часть сложных слов, означающая «относящийся к настроению, к чувству» [10, Т. 3, с. 180].

Все мы со школьной скамьи помним, что галогены — это химические элементы, рождающие соли. Но в БЭСМТ [1] по поводу этого слова читаем следующее: **галогены** [гало + ген]. Выше **гало** толкуется как «сероватобелое кольцо, окружающее диск зрительного нерва при глаукоме». Но достаточно раскрыть современный словарь иностранных слов, чтобы найти следующую информацию: 1) галó [франц. *halo* < греч. *hálós* — круг, диск]; 2) гало... [греч. *hals, halós* — соль]. В этом же словаре [4, с. 175] можно встретить не только термин *галогены*, но и с этим же греческим словообразовательным элементом **гало-** со значением «соль» термины галобионты, галогениды, галоиды, галофиты. Таким образом, БЭСМТ [1] полностью дезориентирует читателя в толковании первой части термина **галогены**. Но таким же образом он дезориентирует его и в отношении второй составляющей термина. Ведь **ген** понимается прежде всего как существительное *ген* — структурная и функциональная единица наследственности, этимологически восходящее к греческому существительному **genos** — *рождение, происхождение, род* [2, Т. 1, с. 319]. Но в слове галогены нет никаких следов присутствия смысловой единицы «ген». Здесь **-ген** — сокращенная форма от конечного терминологического элемента **-генный** со значением «рождающий», «производящий» от греческого конечного суффикса *genēs*, и это вполне соответствует значению слова галоген — рождающий соль. Подобного рода смысловая ошибка присутствует в БЭСМТ в огромном количестве этимологических справок к терминам-существительным от *аллергены* до *эстрогены*.

По линии наименьшего сопротивления пошли составители словаря в определении этимологии названия лекарственного растения **пион (уклоняющийся)**. Поскольку в клинических терминах часто встречается терминологический элемент **пи(о)-** в значении «гной» (пиометра, пиоторакс, пиогенный и др.), восходящий к греческому *puon* — *гной*, этимологию данного растения связали с этим словом. Однако уже латинское ботаническое название этого растения (*Paeonia anomala*) показывает, что в нем отсутствует буква **у**, и это значит, что этимология этого названия не связана с существительным *puon* *гной*. В четырехтомном греческо-польском словаре под редакцией

3. Абрамовичувны находим существительное пион (лат. *раeonia*), и там же определяется его этимологическая связь с именем бога Пеана, врачевателя богов во время Троянской войны [12, с. 367].

Следует также внести ясность в этимологию слова «антибиотик» и родственных с ним современных терминов пребиотик, пробиотик, синбиотик. В БЭСМТ [1], ЭСМТ [10] и других словарях вторую составную часть этих слов **-биотик** выводят от греческого существительного **bios** (жизнь). Но тогда непонятно происхождение элемента **-тик** и его функциональная роль в структуре вышеперечисленных слов. Однако всё становится понятным, если компонент **-биотик** мы свяжем с греческим прилагательным **biōtikos** — жизненный, производным от существительных *biōtē* или *biotos* со значением «жизнь», причём все эти три слова присутствуют в греческом лексиконе античного периода [2, с. 367].

Наконец, непонятно, почему у огромного количества терминов этимологические объяснения просто отсутствуют (алогия, алопеция, анафия, биота, ортез, пемфигус, пломба, порриго et caetera).

К сожалению, в рамках одной статьи невозможно рассказать о всех многочисленных ошибках и недостатках этимологических справок в рассмотренном словаре. Нет в нём и сводной таблицы греческих и латинских словообразовательных элементов, нет и статьи об использовании таких элементов в современных терминах, и в целом создается впечатление, что составители БЭСМТ [1] максимально дистанцировались от античных источников отечественной и международной терминологии. В связи с этим вспоминается статья М. Н. Славятинской «Кривда и правда» о латинском языке», в которой высказаны горькие и негодующие слова по поводу явной тенденции к недооценке наследия античности в системе отечественного образования [7, с. 260–265]. Хочется надеяться, что наша статья привлечёт внимание латинистов медицинских вузов к БЭСМТ[1] и содержание этого словаря будет еще не раз пристально рассмотрено *sub specie latinitatis*. Такие фундаментальные отечественные издания, как БЭСМТ [1], в идеале призванные стать эталоном для всех авторов словарно-справочной, научной и научно-популярной литературы, должны, на наш взгляд, обязательно быть предметом анализа коллективного органа латинистов медицинских вузов Российской Федерации — Рабочей группы по латинскому языку и основам терминологии учебно-методической комиссии по лингвистическим дисциплинам УМО МЗ РФ. Нужно всё-таки активно помогать медицинским специалистам поддерживать надлежащий уровень лингвистического обеспечения словарной литературы, ибо без этого её качество, как видим, оставляет желать лучшего.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Большой энциклопедический словарь медицинских терминов: более 100 000 терминов / под ред. Э. Г. Улумбекова.* – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2012. – 2263 с.

2. *Дворецкий, И. Х.* Древнегреческо-русский словарь: ок. 70 000 : в 2 т. / И. Х. Дворецкий. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. – 2 т.
 3. *Карузин, П. И.* Словарь анатомических терминов / П. И. Карузин. – М., Л. : Гос. изд-во, 1928. – 293 с.
 4. *Толковый словарь* иноязычных слов: наиболее употребительная иноязычная лексика, вошедшая в русский язык в XVIII–XX и начале XXI века: ок. 25 000 сл. и словосочетаний / авт.-сост. Л. Н. Крысин. – М. : Эксмо, 2009. – 939 с. (Б-ка словарей).
 5. *Новодранова, В. Ф.* Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии. *Laterculi vocum Latinarum et terminorum* : монография / В. Ф. Новодранова ; РАН, МГМСУ, Ин-т языкознания. – М. : Яз. славян. культур, 2008. – 321 с. (Studia philologica).
 6. *Радзевич, А. Э.* Краткий толковый словарь медицинских терминов / А. Э. Радзевич, Ю. А. Куликов, Е. В. Гостева. – М. : МЕДпресс-информ, 2004. – 367 с.
 7. *Славятинская, М. Н.* Кривда и правда о латинском языке / М. Н. Славятинская // Язык медицины : междунар. межвуз. сб. науч. тр. в честь юбилея В. Ф. Новодрановой. – Самара : КРУПТЕН-Волга, 2015. – С. 260–265.
 8. *Цисык, А. З.* Словообразовательные элементы и слова древнегреческого происхождения в «Словаре иностранных слов» (М.: Русский язык, 1989) / А. З. Цисык // Studia philologica : матэрыялы “круглага стала” філолагаў-класікаў г. Мінска, прысвечанага навуковай дзейнасці прафесара Я. І. Парэцкага, 26 чэрвеня 1992 г. / рэд. А. З. Цісык. – Мінск : МДПІЗМ, 1993. – С. 25–27.
 9. *Цисык, А. З.* Лингвистические и культурно-исторические аспекты восприятия и усвоения античного наследия в курсе латинского языка медицинского вуза / А. З. Цисык, Л. М. Тихонова // Парадигмы культурной памяти и константы национальной идентичности : коллектив. моногр. – Н. Новгород : Изд. ННГУ им. Н. И. Лобачевского. 2020. – С. 75–86.
 10. *Энциклопедический словарь* медицинских терминов: ок. 60 000 терминов : в 3 т. / гл. ред. Б. В. Петровский. – М. : Сов. энцикл., 1982–1984. – 3 т.
 11. *Frisk, H.* Griechisches etymologisches Wörterbuch : in 3 Bd. / H. Frisk. – Heidelberg : Carl Winter Univ. Verl., 1960. – Bd. 1 : A-K. – 938 s.
 12. *Słownik greco-polski* / pod. red. Z. Abramówiczówny. – Warszawa: Państw. wydaw. nauk., 1962. – Т. 3. – S. 367.
- Впервые опубликовано: Методические и лингвистические проблемы LSP : Междунар. науч.-практ. конф., Самара, 18–19 мая 2021 г. / Самар. гос. мед. ун-т ; редкол. : Е. В. Бекишева [и др.]. – Самара : СамГМУ, 2021. – С. 188–194.*

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ ЛАТИНСКОЙ ЛЕКСИКИ И ТЕРМИНОЛОГИИ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ГИСТОЛОГИЧЕСКОЙ НОМЕНКЛАТУРЕ

В последнее время в связи с растущей востребованностью гистологической и цитологической информации в диагностике и лечении заболеваний значительно возрастает интерес к терминам по цитологии и гистологии человека. И даже людям, весьма далёким от медицины, приходится сталкиваться с необходимостью сделать гистологический анализ и с опаской ждать его результата. Поэтому новейшее издание Международных терминов по цитологии и гистологии в России [1], где изложен субстанциально-

предметный состав гистологии и цитологии как базисных наук современной медицины, закономерно продолжает привлекать внимание не только гистологов и специалистов всех других областей медицинской науки, но и лингвистов, работающих в области латинской и национальной медицинской терминологии. Наша, в частности, работа будет посвящена исследованию некоторых лексических и семантических аспектов латинской части Международной гистологической терминологии (МГТ). При сверке латинских терминов с лексикой классической латыни мы использовали латинско-русский словарь И. Х. Дворецкого [2].

Прежде всего, ознакомление с трёхязычным текстом МГТ даёт нам основание отметить, что большинство её латинских терминов заимствованы из первого издания Международной гистологической терминологии [3] и Международной анатомической терминологии её последнего издания [4]. В то же время составители МГТ провели большую и в целом плодотворную работу по разработке новой латинской части гистологической лексики и терминологии. Удачным и соответствующим нормам латинского терминообразования следует признать, в частности, создание термина «*cellula precursoria*» для передачи понятия «стволовая клетка». Прилагательное *precursorius*, a, um (предшествующий) — производное от глагола *praescuro*, *praescurri*, *praescursum* (бежать впереди, предшествовать) — более точно передает суть и роль данных клеток, чем понятие «стволовой», которое практически было бы калькой английского термина *stem cell*, где *stem* передаёт понятия «основа», «стержень», «стебель роста», «росток». Поэтому в МГТ вошёл целый подраздел из десяти терминов, обозначающих различные виды стволовых клеток: *cellula cornealis precursoria* (корнеальная стволовая клетка), *cellula endothelialis precursoria* (эндотелиальная стволовая клетка), *cellula epidermalis precursoria* (эпидермальная стволовая клетка) et cetera. На основе гистологического термина *cellula precursoria* можно создавать, в частности, клинический термин «лечение стволовыми клетками» — *curatio (therapia) cellulis precursoriis* и другие необходимые современные клинические термины. Лингвистически обоснованным следует признать и создание однословного синонима термина *cellula precursoria* — существительного *stipitoblastus*. Данный термин образован с помощью основы *stipit-* латинского существительного *stipes*, *stipitis m* (ствол, столб, ветвь) и латинизированного греческого слова *blastus* от *blastós* (росток, отпрыск, побег), добавленного в качестве конечного элемента. Соответственно наблюдаем в цитологической части МГТ многословные термины *stipitoblastus verus* (истинная стволовая клетка), *stipitoblastus artificialis* (искусственная стволовая клетка) et cetera.

Не вызывает возражения и неолатинизм авторов ***ambientia*, ae f**, используемый ими для передачи современного понятия «среда» в таком терминологическом новообразовании, как *microambientia*, ae f (микросреда), употреблённом в трёх многословных терминах: *microambientia haematopoietica*

(гемопозитическая среда), *microambientia haematopoietica extramedullaris* (экстрamedулярная гемопозитическая среда), *microambientia haematopoietica intramedullaris* (интрамедулярная гемопозитическая среда). Существительное *ambientia*, ае f образовано по известной еще в классической латыни словообразовательной модели, согласно которой к основе причастия настоящего времени (*participium praesentis activi*) добавляется конечный формант -ia:

Латинский глагол	Причастие настоящего времени	Образованное существительное	Перевод
<i>praesum, praeesse</i> присутствовать	<i>praesens, ntis</i> — присутствующий	<i>praesentia, ae f</i>	присутствие
<i>sufficio, sufficere</i> быть достаточным, хватать	<i>sufficiens, ntis</i> — являющийся достаточным	<i>sufficientia, ae f</i>	достаточность, достаточное количество
<i>tolero, tolerare</i> терпеть, быть терпимым	<i>tolerans, ntis</i> — терпеливо переносящий	<i>toletrantia, ae f</i>	терпимость, терпеливое отношение
<i>ambio, ambire</i> обходить, ходить вокруг	<i>ambiens, entis</i> — ходящий вокруг	<i>ambientia, ae f</i>	букв. то, что вокруг, а в биологии — то, что окружает некий биологический объект, т. е. его среда

Поэтому данный термин, на наш взгляд, может успешно конкурировать с раньше представленными в словарно-справочной литературе в значении «среда» существительными *circumstantia, ae f, condiciōnes, um f, medium, i n* [5, с. 675].

Как известно, гистология, которая только в XIX в. окончательно отпочковалась от анатомии, всё ещё пребывает в процессе становления своей терминологии. В значительной мере это относится к составной части гистологии — цитологии, большинство терминов которой образовалось в XX в. и продолжает образовываться в XXI в. Если сравнить предыдущий выпуск Международной гистологической терминологии, опубликованный в 1973 г. с последним её выпуском, о котором мы говорим в данном исследовании, то в нём мы находим около 530 терминов, не считая синонимов, в то время как в предыдущем — около 275. В частности, в последнем издании выделен отдельно клеточный цикл — *Cyclus cellularis*. В нём представлено много новых терминов: *cellula postmitotica* (постмитотическая клетка), *periodus metotica* (метотический период), *microtubula kinetochori* (кинетохорная микротрубочка), *nodulus reconnectionis* (рекомбинационный узелок) и многие другие. Естественно, что по мере дальнейшего углубленного изучения строения клеток и происходящих в них процессов будет уточняться и конкретизироваться соответствующая терминология, и это, несомненно, будет отражено в последующих изданиях МГТ.

Процессом становления терминологического аппарата цитологии и гистологии, по-видимому, можно объяснить и присутствие в латинской, русской и английской частях МГТ значительного количества синонимичных формулировок для определения одного и того же термина, сравним:

Латинский термин	Русский термин	Английский термин
Facies E; Facies fracta externa	Поверхность E. Наружная поверхность разлома	E face; External fractured face; Exoplastic face
Limbus microvillosus; Limbus penicillatus; Limbus struatus	Микроворсинчатая каемка; Щеточная каёмка; Исчерченная каёмка	Microvillous border; Brush border; Striated border
Vesicula secretoria; Granulum secretorium; Vacuola secretoria	Секреторная везикула; Секреторная гранула; Секреторная вакуоль	Secretory vesicle; Secretory granule; Secretory vacuole

Поскольку каждая терминологическая система стремится к однозначности в определении и выражении составляющих ее членов, то можно ожидать, что со временем поливариантность терминов в МГН значительно уменьшится, как это произошло, в частности, с Международной анатомической терминологией.

Многие общие раньше анатомо-гистологические термины переосмысляются и приобретают в МГН новые или несколько измененные значения. Так, термин **fenestra** в Международной анатомической терминологии встречается дважды в значении «окно»: fenestra cochleae (круглое окно улитки) и fenestra vestibuli (овальное окно преддверия). В МГН существительное fenestra передается уже транслитерированной формой «фенестра»: fenestra endothelocytī (фенестра эндотелиоцита) и fenestra omentalis (фенестра сальника). Примеры подобного рода транслитерирования латинских и латинизированных греческих существительных встречаются в МГН часто. Так, пять раз встречаем существительное тека (из греч. theca букв.местилище, капсула) — соединительно-тканная оболочка фолликула, напр.: theca folliculi (тека фолликула), theca nuclearis spermatozoī (перинуклеарная тека сперматозоида). От существительного cavea, ae f (полость, выемка), встречающегося в анатомии в термине cavea thoracis (грудная полость), в МГТ образована форма caveola, ae f (кавеола) — небольшая вогнутость плазматической мембраны клеток. Термин reticulum, наряду с русским эквивалентом «сеть», употребляется в транслитерированном варианте «ретикулюм»: reticulum sarcoplasticum — саркоплазматическая сеть или саркоплазматический ретикулюм; reticulum stellatum — звёздчатый ретикулюм. Параллельно идет процесс обогащения гистологической терминологии новой лексикой. Для этого нередко используется лексика, которая или мало употребляется в классической латыни, или появилась в постклассический период. Как правило, эта лексика приобретает определенные семантические оттенки по сравнению с семантикой своего первоначального этимона. К тому же такая

лексика не использовалась в анатомической терминологии. В качестве примера можно привести следующие существительные:

Латинское существительное	Значение в общелитературной латыни	Примеры терминов в МГН	Русский эквивалент
crusta, ae f	кора, скорлупа	crusta urothelialis	пластинка уротелия
semiluna, ae f	половинка луны, полулуние	semilunula serosa	серозное полулуние
strues, is f	куча, груды	strues erythrocytorum	неустойчивые агрегаты эритроцитов
trama, ae f	ткань, паутина	trama terminalis	терминальное сплетение

Сравнивая латинский и английский текст эквивалентных терминов в последних выше упомянутых изданиях, нельзя не заметить, что латинский текст в них нередко испытывает влияние английского языка, как в лексическом, так и в синтаксическом отношении. Например, русские прилагательные с конечным терминовым элементом *-genus* со значением «происходящий» или «порождающий» в медико-биологической латыни традиционно передаются на латинский язык с конечным элементом *-genus, a, um*: андрогенный — *androgenus, a, um*; биогенный — *biogenus, a, um*; патогенный — *pathogenus, a, um et cetera*. Однако в МГТ прилагательные с такой семантикой последовательно передаются с формами, включающими конечный элемент *-genicus, a, um*: *cellula myogenica* (миогенная клетка), *epithelium spermatogenicum* (сперматогенный эпителий), *textus haemangiogenicus* (гемоангиогенная ткань). Не вызывает сомнений, что такие формы составители латинской части МГТ ввели под влиянием соответствующих англоязычных вариантов, сравним:

Английский вариант	Латинский вариант
Myogenic stem cell	<i>cellula myogenica precursoria</i>
Spermatogenic epithelium	<i>epithelium spermatogenicum</i>
Haemangiogenic tissue	<i>textus haemangiogenicus</i>

Явно под влиянием английских терминов, включающих латинизированный греческий суффиксом **-id**, образованы некоторые их латинские эквиваленты, которые нормативно должны быть представлены в форме существительных среднего рода с окончанием *-um*:

Английский вариант	Латинский вариант	Нормативный латинский вариант
Ellipsoid	<i>ellipsoid</i>	<i>ellipsoidum</i>
Myoid	<i>myoid</i>	<i>myoidum</i>

В то же время в двух других терминах латинские эквиваленты представлены в нормативных вариантах:

Английский вариант	Латинский вариант	Русский вариант
crystalloid	crystalloideum	кристаллоид
osteoid	osteoidium	остеоид

Таким образом, можно сделать вывод, что в последнем варианте Международной гистологической терминологии ее латинские эквиваленты, во первых, не все еще унифицированы, а во вторых, не все представлены в нормативной форме. И здесь очень важно, чтобы между латинистами и гистологами постоянно поддерживалась профессиональная творческая связь в виде совместных рабочих совещаний и круглых столов, в результате которых можно было бы выработать совместную позицию в отношении оценки и интерпретации тех или иных терминов и их иноязычных эквивалентов. Результатом такой совместной работы должны стать методические рекомендации кафедр гистологии и латинского языка, в которых студентам и преподавателям будут даваться необходимые разъяснения по поводу лексических и семантических особенностей гистологической лексики и терминологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Terminologia histologica*. Международные термины по цитологии и гистологии человека с официальным списком русских эквивалентов / под ред. В. В. Банина, В. Л. Быкова. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2009. – 272 с.
 2. *Дворецкий, И. Х.* Латинско-русский словарь: ок. 50 000 слов / И. Х. Дворецкий. – 3-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1986. – 840 с.
 3. *Международная гистологическая номенклатура* / под общ. ред. Ю. Н. Копаева. – Киев : Вища шк., 1980. – 113 с.
 4. *Международная анатомическая терминология* / под ред. Л. Л. Колесникова. – М. : Медицина, 2003. – 424 с.
 5. *Русско-латинский словарь для ботаников* / авт.-сост.: М. З. Кирпичников, Н. Н. Забинкова. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. – 855 с.
- Впервые опубликовано: Теория и практика профессионально ориентированного обучения иностранным языкам : материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 9 июня 2023 г. / Международный университет «МИТСО» ; редкол. : В. Б. Скрюмблевич (гл. ред.) [и др.]. – Минск : МИТСО, 2023. – С. 341–346.*

О ЛЕКСИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОКАХ НЕКОТОРЫХ НОМИНАТИВНЫХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНОВ

В терминологическом курсе латинского языка, каковым является наша дисциплина в структуре подготовки специалистов медицинского и фармацевтического профиля, важное место занимают вопросы этимологии терминов. В этой области знания постоянно открываются новые аспекты, которые требуют теоретического исследования и осмысления, что позволяет

дополнять со временем содержание нашего терминологического курса новым актуальным материалом. В русле этой работы, в частности, рассмотрим вопрос о роли некоторых прилагательных древнегреческого (далее — греческого) происхождения в образовании номинативных медицинских терминов. Для исследования мы выбрали русскоязычные номинативные термины, зафиксированные в Большом Энциклопедическом словаре медицинских терминов (БЭСМТ), изданном в Москве в 2012 г. в издательстве ГЭОТАР-Медиа [1], с частотными финалями **-ген**, **-лик**, **-ник**, **-тик**. Дефиниции терминов приводятся по этому же словарю. В качестве источника латинских эквивалентов анализируемых терминов использовался двухтомный латинско-русско-латышский словарь медицинских терминов К. Рудзитиса [2].

Термины-существительные с финалью **-ген** весьма активно пополняют медицинский лексикон русского языка последних десятилетий. Одна часть этих терминов обозначает «вещество, оказывающее определенное патологическое или иного рода воздействие», ср.: *аллерген* — вещество, способное сенсibilизировать организм и вызывать аллергию, *мутagen* — общее название физических, химических и биологических агентов, способных вызвать мутацию, *патоген* — вирус, микроорганизм или иная субстанция, вызывающая болезнь. Происходит и расширение семантики некоторых таких терминов. Так, термин *аллерген* кроме значения, указанного выше, приобрел значение «препарат для диагностики и лечения аллергических заболеваний, изготовленный из экзогенных аллергенов» [1, с. 44].

Другая часть терминов с финалью **-ген** в групповых названиях лекарственных средств имеет значение «вызывающий или вызывающие определенное фармакологическое воздействие»: *андрогены* — группа мужских половых гормонов, способствующих формированию вторичных половых признаков по мужскому типу, *галлюциногены* — вещества, вызывающие психотические состояния, *пирогены* — вещества, вызывающие лихорадку. Как и в первой группе, наблюдается расширение семантики отдельных терминов, ср.: *эстрогены* — 1) гормоны яичников, коркового вещества надпочечников и плаценты, участвующие в развитии женских половых органов и вторичных половых признаков; 2) фармакологические препараты эстрогенных гормонов.

Третья часть терминов с финалью **-ген** указывает на отношение к генетической информации, ср.: *антиген* — вещество, несущее признаки генетически чужеродной информации и способное специфически стимулировать иммунокомпетентные клетки [1, с. 98]. Все латинские эквиваленты упомянутых трех групп русских терминов с финалью **-ген** являются существительными II склонения среднего рода: *аллерген* — *allergĕnum, i n*; *androĕnum, i n*; *antigĕnum, i n* [2, т. 1, с. 75; с. 105; с. 126].

Морфологическая структура русских вариантов рассматриваемых терминов включает основу греческого (иногда — латинского) существительного или прилагательного и конечный элемент **-ген**. И здесь мы попытаемся

определить этимологию этого элемента и выяснить, будет ли она общей для существительных всех трех указанных выше групп, включающих данный конечный элемент.

В БЭСМТ конечный элемент **-ген** определяется как начальная часть греческого суффиксоида **-gēnes**, имеющего значение «порожденный», «возникший из чего-либо» [1, с. 404]. Это определение находит подтверждение и в лексиконе греческого языка, ср.: *diogenes* — родившийся от Зевса [3, т. 1, с. 408]; *oikogenes* — родившийся и выросший дома; *protogenes* — родившийся первым [3, т. 2, с. 1156; с. 1434]. Следует отметить, что в греческом языке количество такой лексики довольно ограничено. Но в процессе развития в постантичной Европе медицинской терминологии и расширения количества заимствованной греческой лексики суффикс **-genes** стал широко употребляться при образовании латинских неологизмов, в которых приобрел дополнительные значения: 1) «обусловленный каким-то фактором, в том числе каким-то органом или структурой организма»; 2) «происходящий под воздействием какой-то биологической структуры или ее части»; 3) «порождающий или вызывающий какие-то явления». При этом форма **-genes** подверглась латинизации и приобрела форму **-gēnus, a, um**; это изменение было впервые зафиксировано в словаре К. Рудзитиса [2]. В современной лингвистической литературе конечный словообразовательный элемент **-gēnus, a, um** обозначается как «греческий deverбальный базисный компонент, оформленный по бессуффиксальному типу», имеющий два основных значения: 1) «порождающий, вызывающий»; 2) «порождаемый, вызываемый чем-нибудь» [4, с. 260], поэтому значение этого компонента, приведенное в БЭСМТ, нуждается в дополнении. Латинская лексика с его включением относится к прилагательным, ср.: *angiogēnus, a, um* — ангиогенный, происшедший из кровеносной системы; *haematogēnus, a, um* — гематогенный, кровородный [2, т. 2, с. 110; с. 760]; *osteogēnus, a, um* — остеогенный, происходящий из кости; *pathogēnus, a, um* — патогенный, вызывающий заболевание [4, т. 2, с. 210; с. 264].

Теперь возникает вопрос: могли ли подобного рода прилагательные служить источником образования существительных, включающих элемент **-gen**?

В современной лингвистике рассматривается явление языковой компрессии, при котором в сочетании существительного с прилагательным выпадает существительное, выражающее базовое терминологическое понятие, а оставшееся прилагательное субстантивируется, сохраняя род существительного: *leucocytus neurophilus* (нейрофильный лейкоцит) > *neurophilus, i m* — нейروفил; *remedium lithagōgum* (камнегонное средство) > *lithagōgum, i n* — камнегонное средство [4, с. 261]. Нам представляется, что подобного рода языковая компрессия проходила первоначально в группе частотных существительных с базовым терминологическим понятием **remedium** (вещество, средство) и прилагательными, обозначающими определенное фар-

макологическое воздействие»: *remedium androgёnum* (андрогенное средство) > *androgёnum, i n* — андроген, мужской половой гормон; *remedium hallucinogёnum* (галлюциногенное вещество) > *hallucinogёnum, i n* — галлюциноген, средство, порождающее галлюцинации; *remedium oestrogёnum* (эстрогенное средство) > *oestrogёnum, i n* — эстроген, средство, содержащее женские половые гормоны. Дальше вступал в силу закон аналогии, в соответствии с которым, например, из сочетания *remedium pathogёnum* (патогенное вещество) выделялось существительное *pathogёnum, i n* — патоген. И по этой же схеме появлялись и другие существительные, нередко уже минуя латинский первоисточник. Отметим, что в этимологических словарях нередко фиксируется и временная дистанция между появлением изоморфемных прилагательных и существительных с элементом **-ген**, и эта информация свидетельствует о том, что чаще всего первыми появляются прилагательные, приведем в качестве примера историю появления генетически родственных пар слов *аллергический (аллергенный)* — *аллергия* и *патогенный* — *патоген* [5, с. 23; с. 600].

Однако при этимологическом анализе русскоязычных терминов с финалью **-ген** нельзя смешивать термины-существительные, образованные от прилагательных с финалью **-генный** с теми существительными, которые включают основу слова «ген». Данное слово, заимствованное от греческого существительного *genos род, происхождение*, обозначает структурную и функциональную единицу наследственности, контролирующую образование какого-либо признака. К последним принадлежат, например, уже упомянутый выше термин **антиген** (*antigёnum, i n*) — вещество, несущее признаки генетически чужеродной информации и способное специфически стимулировать иммунокомпетентные клетки. Поэтому нельзя распространять признаки наличия основы **-ген**, восходящей к греческому существительному **genos**, на те случаи, когда элемент **-ген** русскоязычного термина передает финаль *-genum* его латинского этимона, образованного от прилагательного (см. выше). Так, составители БЭСМТ видят в составе слова *акнегенный* — акне + ген [1, с. 31], хотя очевидно, что первоисточник — латинское прилагательное *аснегёnus, a, um* — вызывающий акне, т. е. юношеские угри; в составе слова *аллерген* — аллергия + ген [1, с. 44], в составе слова *аритмогенный* — аритмия + ген [1, с. 124] (кстати, наука еще не определила генов аллергии, юношеских угрей и аритмии). Таких примеров можно привести немало, и они свидетельствуют о непонимании составителями словаря морфологической структуры многих терминов, составленных на основе родственных этимологически, но не тождественных морфологически и семантически слов и словообразовательных элементов.

Анализ этимологии русскоязычных номинативных терминов с финалями **-лик**, **-ник** и **-тик** показывает, что такие термины в своей массе также восходят к латинским или латинизированным греческим прилагательным, которые в результате уже упомянутой выше компрессии стали субстанти-

вированными прилагательными. Например, слово «неврастеник, страдающий неврастенией» (*neurasthenicus*, i m от *homo neurasthenicus*) восходит к новолатинскому прилагательному *neurasthenicus*, a, um, созданному с помощью греческого существительного *neuron* *нерв* и прилагательного *asthenicós* — *слабосильный, болезненный*. Новолатинское сочетание слов *homo melancholicus* «меланхолический человек», в котором новолатинское прилагательное *melancholicus* восходит к греческим словам *melaína cholé* — *черная желчь* (речь идет о черной желчи в гуморальной концепции темпераментов у античного врача Клавдия Галена), превращается в существительное *melancholicus*, i m — *меланхолик*.

Наряду с русскоязычными терминами мужского рода с финалью **-лик**, образовавшимися из латинских прилагательных этого же рода, немало терминов, восходящих к латинским прилагательным среднего рода, которые обозначают названия лекарственных средств. Например, термин «анаболик» (средство, стимулирующее синтез белка и увеличивающее массу скелетной мускулатуры) восходит к греческому прилагательному *anabolikós* — *поднимающий вверх, повышающий*. Затем вследствие компрессии в выражении *remedium anabolicum* образовалось существительное *anabolicum*, i n — *анаболик*.

У большинства существительных с финалью **-тик**, образованных по подобной модели, как и у терминов с финалью **-лик**, наблюдаются две семантические подгруппы.

Первая подгруппа включает существительные мужского рода и обозначает лиц — носителей какого-то заболевания. Например, слово «астматик, больной астмой» (*asthmaticus*, i m от *homo asthmaticus*) восходит к греческому прилагательному *asthmaticós* — *страдающий от астмы*.

Вторая подгруппа включает существительные мужского рода, восходящие к латинизированным древнегреческим прилагательным, которые обозначают групповые названия лекарственных средств. Например, слово «антибиотик, вещество, подавляющее жизнеспособность определенных микроорганизмов» (*antibioticum*, i n), восходит к новолатинскому прилагательному *antibioticus*, a, um, образованному с помощью греческой приставки *anti-* со значением «противодействие» и греческого прилагательного *biotikós* «жизненный». И здесь обратим внимание на то, что в БЭСМТ неточно указана этимология слова «антибиотик» (анти + греч. *bios* — жизнь) [1, с. 97]. Слово «спазмолитик, средство, устраняющее или облегчающее судороги» (*spasmolyticum*, i n) восходит к новолатинскому прилагательному *spasmolyticus*, a, um, образованному от греческого существительного *spasmós* — *судорога* и отглагольного прилагательного *lytikós* — *освобождающий, ведущий к устранению каких-то факторов*.

Таким образом, мы определили, что значительное количество современных номинативных терминов, принадлежащих в основном к фармацевтической и клинической лексике, восходят к прилагательным. Эти прилага-

тельные заимствованы или из греческого лексикона античного времени, или созданы в постантичное время с помощью греческих аффиксальных и корневых морфологических элементов. Итоги нашего исследования, в частности, могут быть использованы при составлении этимологических пояснений при составлении учебной литературы и медицинских терминологических словарей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Большой энциклопедический словарь медицинских терминов: 100 000 терминов* / под ред. Э. Г. Улумбекова. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2012. – 2263 с.

2. *Латинско-русско-латышский словарь медицинских терминов* : в 2 т. / авт.-сост. К. Рудзитис. – Рига : Лиесма, 1973–1977. – 2 т.

3. *Дворецкий, И. Х. Древнегреческо-русский словарь: ок. 70 000 сл.* : в 2 т. / И. Х. Дворецкий. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. – 2 т.

4. *Новодранова, В. Ф. Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии. Laterculi vocum Latinarum et terminorum* : монография / В. Ф. Новодранова. – М. : Яз. славян. культур, 2008. – 321 с. (Studia philologica).

5. *Duboi, J. Dictionnaire étymologique et historique du Français* / J. Duboi, H. Mitterrand, A. Dauzat. – Paris : Larousse, 2007. – 893 p.

Впервые опубликовано: Теория и практика профессионально ориентированного обучения иностранным языкам : материалы XIV Междунар. научн.-практ. конф., Минск, 31 мая 2021 г. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол.: Т. Г. Переварова (гл. ред.) [и др.] . – Минск : МИТСО, 2021. – С. 167–171.

О ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ЛАТИНСКИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ ТЕРМИНОВ-СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ФИНАЛЯМИ -АНТ/-ЕНТ

Современная латинская медицинская и фармацевтическая терминология развивается и обогащается вместе с развитием медико-биологических и клинических наук. Две самые важные проблемы в этой области, на наш взгляд — это создание новых терминов, востребованных в учебно-справочной и научной литературе и достижение договоренности между всеми латинистами, работающими в пределах единого русскоязычного образовательного пространства об унификации имеющейся и создаваемой новой латинской терминологии. В последнем выпуске сборника «Язык медицины», посвященного методическим и лингвистическим аспектам международной медицинской терминологии, мы уже упоминали о данных проблемах и приводили конкретные примеры терминов, требующих унификации [1, с. 185–189]. Продолжая работу в данном направлении, предлагаем наши предложения по упорядочению лексического и грамматического статуса группы терминов медицинского и парамедицинского значения, имеющих окончания -ант и -ент.

На первый взгляд, кажется, что все термины с указанными окончаниями являются транслитератами латинских причастий настоящего времени с финалями -ans, -antis / -ens, entis и определение их латинских эквивалентов не должно представлять особенных трудностей. Однако, чтобы определить адекватные латинские эквиваленты этих терминов, сначала проанализируем их семантику и морфологическую структуру, принимая во внимание также и этимологические аспекты.

Все термины с финалями -ант и -ент в отношении их семантики можно разделить на несколько групп.

К первой следует отнести групповые названия лекарственных препаратов или средств, отражающие их фармакологическую или иную направленность (антидепрессант, антиоксидант, миорелаксант, репеллент).

Во вторую — названия терминов, характеризующих их биохимические или физические свойства (детергент, конкремент, линимент, медикамент, пенетрант, секвестрант, сорбент, фермент).

В третью группу можно отнести названия парамедицинского характера, которые могут использоваться в различных сферах медико-биологических и других наук (дезодорант, ингредиент, компонент, консервант, пигмент, сегмент, эквивалент).

К четвертой группе отнесем названия действующих лиц с медицинской или парамедицинской семантикой (аспирант, ассистент, лаборант, реципиент).

Если проанализировать морфологическую структуру терминов в каждой из перечисленных групп, то окажется, что далеко не все эти термины восходят к формам латинских причастий настоящего времени.

Приблизительно четверть терминов из первых трех групп морфологически состоит из латинской глагольной основы настоящего времени и латинского суффикса -мент- (-ment-):

линимент < linimentum < linĕre (мазать, покрывать) + ment + um

медикамент < medicamentum < medicāre (лечить) + ment + um

пигмент < pigmentum (< pingmentum) < pingĕre (раскрашивать) + ment + um

сегмент < segmentum (< secmentum) < secāre (сечь, рассекать) + ment + um

фермент < fermentum < fermentāre (давать перебродить) + ment + um

Таким образом, латинские эквиваленты терминов с финалью -мент могут быть только существительными среднего рода 2-го склонения с окончанием -um.

Значительная часть терминов на -ант/-ент действительно восходит к латинским причастиям настоящего времени, которые были ассимилированы русским языком, или непосредственно из научной латыни, или через языки-посредники (английский, немецкий, французский):

агент < agens, ntis — действующий < agĕre — действовать

консервант < conservans, ntis — консервирующий < conservāre — консервировать

лаборант < labōrans, ntis < laborāre — работать

репеллент < repellens, entis < repellere — отталкивать
реципиент < recipiens, entis < recipere — брать, получать
сорбент < sorbens, ntis < sorbere — вбирать, поглощать.

К данной группе существительных примыкает быстро увеличивающаяся группа терминов-неологизмов, в состав которых входят существительные, образованные на основе английских или французских прилагательных, причастий или существительных с финальным суффиксом -ant и греческих или латинских префиксальных или корневых словообразовательных элементов, которые уже приобрели статус интернациональных:

антиоксиданты < франц. antioxydant < греч. anti- — против + франц. oxyder — окислять

антидепрессанты < англ. antidepressant < греч. anti- — против + англ. depress — подавлять + суф. -ant

миорелаксанты < фр. myorelaxants < греч. my (o) — мышца + франц. relaxer — расслаблять

В большинстве случаев подобного рода русскоязычные термины на -ант/-ент, ассоциирующиеся с латинскими причастиями, оформляются в форме латинского participium praesentis activi. Однако при этом наблюдается разноречивость в определении рода таких существительных. Так, в русско-латинском словаре для ботаников М. Э. Кирпичникова и Н. Н. Забинковой [3, с. 226, 262, 463, 604] все термины, имеющие форму participium praesentis activi, выступают в мужском роде, независимо от их семантики:

интродуцент — introducens, entis m

компонент — componens, entis m

пенетрант — penetrans, ntis m

реципиент — recipiens, entis m

Дифференцировано с учетом семантики слова представлен род интересующих нас субстантивированных причастий в медицинском словаре К. Рудзитиса. Так, названия действующих лиц представлены, как правило, в мужском роде [4, т. 1, с. 63; т. 2, с. 413, 414]:

аггравант — aggravans, ntis m

реципиент — recipiens, entis m

реконвалесцент — reconvalescens, entis m

Вне этого правила оказалось только одно существительное — ассистент, которому, несмотря на добавочное определение *помощник*, немотивированно присвоен средний род: assistens, ntis n [4, т. 1, с. 165].

Существительные, обозначающие способ действия или предназначение, отнесены, как правило, к среднему роду [4, т. 1, с. 165, 505, 894]:

десиккант — desiccans, ntis n

детергент — detergens, entis n

ингредиент — ingrediens, entis n

Тем не менее, мы можем уже говорить о четкой тенденции к семантико-грамматической дифференциации латинских эквивалентов существитель-

ных, восходящих к латинским причастиям настоящего времени, которая прослеживается в словаре К. Рудзитиса. Однако нам представляется, что с современной точки зрения на исследуемую проблему имеются основания представить более универсальную и унифицированную систему семантико-грамматической дифференциации латинских эквивалентов интересующих нас терминов.

На наш взгляд, все термины на -ант/-ент, обозначающие действующее лицо (*nomina agentis*), — и в этом мы соглашаемся с принципом семантико-грамматической детерминации, используемом в словаре К. Рудзитиса — в латинских эквивалентах целесообразно представлять в форме субстантивированных причастий настоящего времени мужского рода:

аспирант — *aspirans, ntis m*

ассистент — *assistens, ntis m*

реципиент — *recipiens, entis m*

реконвалесцент — *reconvalescens, entis m*

Латинские существительные — эквиваленты остальных терминов, обозначающих предназначение, состав, способ действия и другие признаки или свойства, целесообразно представлять в форме, аналогичной существительным с финалью -mentum (*fermentum, i n*):

антидепрессант — *antidepressantum, i n*

гемоконсервант — *haemoconservantum, i n*

сорбент — *sorbentum, i n*

Интересно отметить, что в учебнике М. Н. Чернявского для фармацевтов, изданном еще 20 лет назад, латинский эквивалент термина *гемоконсервант* дается в форме *haemoconservantum, i n* [2, с. 362], то есть именно так, как предлагается в нашей работе. Думается, что такое «предвосхищение» нашей точки зрения не просто интуитивно — к этому подталкивает сама логика рассуждений о надлежащем грамматико-семантическом оформлении подобного рода терминов.

Однако в том же учебнике термин *антикоагулянт* представлен как причастие без указания рода — *anticoagulans, ntis* [2, с. 360], что, на наш взгляд, не совсем корректно, ибо слово *антикоагулянт* в русской терминосистеме — это все-таки существительное. Согласно системе отражения латинских эквивалентов, принятой в словаре К. Рудзитиса, латинским эквивалентом данного существительного должна быть форма *anticoagulans, ntis n*, а согласно предлагаемой нами системе — *anticoagulantum, i n*. И здесь возникает проблема смысловой и грамматической дифференциации латинских форм, которыми передаются практически идентичные по смыслу понятия.

Рассмотрим выражение *антикоагулянтное средство*. В нем слово *антикоагулянтное* является приложением к существительному *средство*, и поэтому эквивалентная латинская форма *anticoagulans, ntis* является причастием, выступающим в роли определения, и перевод нашего двухсловного слова должен выглядеть как *remedium anticoagulans*. Во множественном

числе, согласно нормативной грамматике, наше сочетание принимает форму *remedia anticoagulantia*, и такая именно форма каждого слова не может вызывать никакого сомнения. Однако вместо *коагулянтные средства* в научной и научно-справочной литературе чаще всего звучит сокращенная и емкая форма существительного *коагулянты*, и здесь уже у латиниста имеется выбор: либо субстантивировать форму среднего рода причастия *anticoagulans* и получить форму *anticoagulantia, ium n*, или использовать предложенную нами форму существительного *anticoagulantum, i n* и в итоге получить форму *anticoagulanta, orum n*. Второй способ мы считаем более целесообразным и перспективным, учитывая общую тенденцию любой терминологической системы к унификации и упрощению.

Естественно, предложенная схема унификации оформления латинских эквивалентов терминов-существительных с окончаниями *-ант/-ент* может встретить вопросы или даже возражения. Однако эта проблема актуальна и требует своего решения. Хотелось бы, чтобы данный вопрос стал предметом профессионального обсуждения, в том числе на одном из заседаний Рабочей группы по латинскому языку при Учебно-методической Комиссии по лингвистическим дисциплинам медицинских вузов Российской Федерации. Ведь число латинских терминов-неологизмов растет, а теоретические основы их оформления отечественной лингвистикой практически не разрабатываются.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цисык, А. З. Об унификации оформления неологизмов и заимствованных слов в современной латинской терминологии / А. З. Цисык // Методические и лингвистические аспекты международной медицинской терминологии : материалы Всерос. науч.-метод. конф., Самара, 10–11 окт. 2013 / Самар. гос. ун-т. ; редкол. : Н. Н. Крюков [и др.]. – Самара : Порто-принт, 2013. – С. 185–189.

2. Чернявский, М. Н. Латинский язык и основы фармацевтической терминологии : учеб. / М. Н. Чернявский. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Медицина, 1994. – 384 с.

3. Русско-латинский словарь для ботаников / авт. сост.: М. З. Кирпичников, Н. Н. Забинкова. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. – 855 с.

4. Рудзитис, К. Terminologia medica : латин.-рус.-латыш. слов. мед. терминов : в 2 т. / К. Рудзитис. – Рига : Лиесма, 1973–1977. – 2 т.

Впервые опубликовано: Филология и медицина : материалы науч. конф., Казань, 12–15 мая 2014 г. / Казан. гос. мед. ун-т ; сост. : А. И. Бовсуновская, Н. Г. Николаева. – Казань : Отечество, 2014. – С. 102–108.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ И СЛОВА ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В «СЛОВАРЕ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ»

Древнегреческий язык наряду с языком латинским составляет основу интернационального лексического фонда, куда входят многочисленные понятия бытовой, общекультурной и научной лексики. В процессе развития

и обогащения понятийно-лексического состава современных языков, в том числе русского и белорусского, число таких единиц постоянно растет. И в то же время весьма узок круг людей, особенно в Беларуси, владеющих основами древнегреческого (далее — греческого) языка и умеющих сделать историко-лингвистический анализ интернационализмов или слов родного языка греческого происхождения, даже если это дипломированные филологи. Причины такого состояния дел кроются в долголетнем забвении лицами, отвечавшими за образование в СССР, той истины, что без достаточной образованности в сфере классических языков и античной культуры не может быть полноценного гуманитарного образования в целом, не говоря уже об образовании специальном филологическом. В частности, без знания основ греческого языка трудно ориентироваться в мире слов (а тем более специальных научных терминов) даже лингвисту, не говоря уже о представителях других профессий [1].

К сожалению, при сложившейся системе отечественного высшего образования основы греческого языка в течение многих десятилетий не изучают ни представители гуманитарных профессий — филологи, историки, искусствоведы, журналисты, юристы, ни естественных и технических. И только будущие врачи в рамках предмета «Латинский язык и основы медицинской терминологии» проходят краткий курс терминообразования на базе греческих словообразовательных элементов [2].

И в таких специфических условиях дефицита знаний в области греческого языка представители различных областей науки и культуры обращаются в поисках этимологии слов к справочной литературе и прежде всего к самому массовому изданию такого рода — «Словарям иностранных слов». Один из таких словарей вышел 18-м изданием в 1989 г., и, как информируют читателя в кратком редакционном введении его составители, содержание этого словаря постоянно пересматривается и улучшается [3].

Поэтому читатель вправе потребовать от такого солидного издания точного и достоверного разъяснения этимологии и структуры слов, входящих в его состав. Однако анализ содержания словаря показывает, что в отношении слов, состоящих из элементов греческого языка, составители данного словаря допустили довольно много неточностей и даже ошибок.

Прежде всего, отметим, что в словаре нарушен принцип лингвистической системности. Как известно, в словарях подобного типа принято выделять начальные и конечные словообразовательные элементы (так называемые терминологические элементы [4], далее — ТЭ), обладающие способностью образовывать термины одного смыслового ряда. Так, согласно данному принципу, на с. 67 словаря выделяется начальный ТЭ **аэро...**, указывается его происхождение (от греч. *aér* — *воздух*) и приводится в алфавитном порядке целый ряд слов с данным ТЭ: *аэробиионты*, *аэробииос*, *аэрогенный* и т. д. Или приводится конечный ТЭ **...фоб**, дается его происхождение (от греч. *phóbos* — *страх*) и объяснение: «вторая составная часть сложных

слов, обозначающая «ненавистник», «противник» кого-то или чего-то, напр.: англофоб, юдофоб (с. 546). Если в отношении конечных ТЭ к словарю нет особых претензий, то в отношении начальных ТЭ словарь заслуживает очень многих критических слов.

Как показывает анализ словаря, в нем выделяется начальный ТЭ уже при наличии четырех родственных по составу слов. Например, выделяется ТЭ **петро...**, после которого следуют примеры *петроглифы*, *петрография*, *петролеум*, *петрология* (с. 384–385). И в то же время в других случаях в словаре не выделяются начальные ТЭ, входящие в состав не только четырех, но и пяти, шести и больше слов! Например, не выделяется ТЭ **голо**, с которым словарь приводит шесть терминов (*гологамия*, *голограмма*, *голография*, *голокриновые железы*, *голофаны*, *голоцен*). По девять и больше слов представлены в словаре с каждым из следующих начальных ТЭ, которые не выделены: **космо...**, **ксеро...**, **ларинго...**, **магнито...**, **орто...**, **пиро...**, **пневмо...**, **рео...**, **стено...**, **тромбо...**, **фило...**, **эко...** Всего же, по нашим подсчетам, из двухсот четырнадцати начальных ТЭ греческого происхождения, входящих в состав четырех и больше слов одного смыслового ряда, составители словаря выделяют только сто восемь. Таким образом, сто шесть начальных ТЭ (почти половина!) в словаре не выделены, что намного снижает уровень системности и научной объективности в объяснение приводимого словарного материала.

Особенно бросается в глаза отсутствие системности в выделении греческих приставок в качестве начальных ТЭ. В словаре выделяются приставки **а-** (**ан-**), **амфи-**, **анти-**, **гипер-**, **гипо-**, **мета-**, **пара-**, **пери-**, **экто-**, **эндо-**, **эпи-**. В то же время трудно понять, почему не выделяются не менее продуктивные в словообразовательном отношении приставки **ана-**, **апо-**, **диа-**, **ката-**, **про-**, **прос-**, **син-** (**сим-**, **си-**), **эк-**, **эн-**.

Нам представляется, что и с лингвистической, и с методической точки зрения следует дифференцировать омонимичные греческие и латинские приставки, особенно если эти приставки идентичны орфографически в русской и латинской транскрипции и близки или почти идентичны по семантике. Сравним, например, представленные в словаре слова латинского происхождения с приставкой про- (*рго-*) *провокация*, *прогресс*, *пропеллер* и слова греческого происхождения *прогноз*, *пролог*, *профилактика*, содержащие приставку про- (*прó-*). Обе омонимичные приставки (латинская и греческая) имеют в приведенных примерах сходное значение «предшествование» или «движение вперед», восходящее к индоевропейской общности [5]. В словаре на с. 409 выделяется только латинская приставка про-, причем почему-то не упомянуто ее основное значение, указанное нами выше, хотя слов с таким значением в словаре большинство, и во всех этих словах латинская приставка не выделена. Точно так же нет системности в объяснении слов с греческой приставкой про- (*прó-*). В частности, в приведенных выше примерах только при объяснении слова *пролог* выделяется греческая приставка

про-, хотя очевидно, что подобным образом следует объяснить и слова *прогноз* и *профилактика*.

Невыделение греческой приставки, нечёткая систематизация и дифференциация значения латинской — существенный недостаток словаря. Однако еще больше возражений вызывает выделение и объединение в одной словарной статье двух приставок, на первый взгляд, омонимичных (в русской транскрипции) и имеющих, согласно словарю, одинаковое значение, но на самом деле не совсем идентичных по семантике, а тем более различающихся орфографически в латинской транскрипции и принадлежащих к различным языкам. Таковыми являются латинская приставка дис- (**dis-**) и греческая приставка дис- (**δύσ-**), в латинской транскрипции **dys-**, по поводу которых в словаре на с. 171 читаем следующее: «дис..., диз... (лат. *dis*, греч. *dys* — приставка, обозначающая разделение, отделение, отрицание (соответствует по значению русским «раз...», «не...»), сообщает понятию, к которому прилагается, отрицательный или противоположный смысл, напр. *дизартрия*, *дисгармония*, *дисквалификация*». Рассмотрим эту словарную статью с историко-лингвистической точки зрения.

Если обратиться к словарям латинского языка, то далеко не во всех из них мы находим у приставки **dis-** значение «отрицание». Например, в самом полном из выпущенных за советское время латинско-русском словаре И. Дворецкого во всех его изданиях этого значения нет [6]. Однако в сокращенном латинско-русском словаре А. Малинина приводятся два значения приставки **dis-**: «раз...» и «не...» [7]. Аналогичные значения данной приставки находим в словаре медицинской латыни К. Рудзитиса [8], хотя в учебниках и пособиях по медицинской латыни значение «отрицание» у приставки **dis-** не отмечается. В частности, в учебнике «Латинский язык и основы медицинской терминологии» под редакцией М. Чернявского приставка **dis-** рассматривается в паре с аналогичной ей по семантике греческой приставкой диа- **δια-** (*dia-*): сравним значение латинского существительного *dissemination* («*рассеивание*») и греческого существительного *διάγνωσις* (*diagnōsis*) букв. распознавание. В одном из наиболее авторитетных дореволюционных словарей — сокращенном латинско-русском словаре Ананьева, Яснецкого и Лебединского указаны четыре значения приставки **dis-**: 1) деление или дробление целого на части; 2) отторжение; 3) прерывание; 4) отрицание простого [10]. Пятитомный латинско-польский словарь под ред. М. Плеззи приводит также четыре значения данной приставки: 1) деление; 2) удаление; 3) отрицание; 4) усиление значения [11].

Как явствует из сказанного выше, семантика латинской приставки **dis-** не во всех словарях отражается одинаково, хотя значение «отрицание» в большинстве словарей все же фиксируется. Однако оно не является основным для данной приставки: в частности, судя по словарю Ананьева, Яснецкого и Лебединского, из 134 основных корневых слов с приставкой **dis-** последняя только в 13 случаях имеет значение «отрицание положительного

смысла слова». Наиболее употребительные из этих слов: *discors* — несогласный, *difficilis* — тяжелый (букв. нелегкий), *diffidere* — не доверять, *dispar* — неравный, *displicere* — не нравиться, *dissentire* — не соглашаться. Поэтому в словарной статье, посвященной приставке **dis-**, прежде всего, должна быть представлена дифференциация значений латинской приставки, ибо совершенно очевидно, что, например, в словах *дислокация* и *дисквалификация* представлены различные её значения. «Словарь иностранных слов» всё-таки обязан предоставлять своему читателю, чаще всего не имеющему соответствующей лингвистической подготовки, полную и объективную информацию о составе слова и о значении его составных частей.

Древнегреческая приставка дис (*δύσ-* / *dys*) имеет более узкую семантику по сравнению с латинской **dis-**: отрицание положительного смысла, усиление отрицательного смысла, нарушение, расстройство [12]: *δύσκλεια* — бесславие, *δύσλονος* — очень трудный, *δυσεντερία* — расстройство кишечника. Генетически эти приставки тоже различны: лат. **dis-** восходит к индоевропейскому корню *dwo/dwi*, что соответствует славянскому «два» и греческому *διά* [13]. В то же время греческое *δυσ-* не имеет прямых лингвистических параллелей в латинском языке [14]. Таким образом, ясно, что первичным значением греческой приставки **dis-** было «разделение», и только позже развилось значение «противоположность по смыслу», как нечто, разделившееся на две противоположные части. Вспомним в этой связи, что в греческом языке античного периода из индоевропейского корня *dwi* образовались, кроме предлога и приставки *διά*, также и числительное — приставка *δίς* — два, дважды: *διπλόω* — удваивать, *δίπους* — двуногий, *δισθάνης* — умирающий дважды.

Думается, что приведенные историко-лингвистические справки достаточно убедительно аргументируют наш тезис о необходимости разделения вышеупомянутых латинской и греческой приставок: каждая из них требует своей отдельной словарной статьи и соответствующей дифференциации при объяснении значения и структуры слова. В противном случае словарь лишается четких историко-лингвистических ориентиров, что неизбежно ведет к смешиванию не только приставок, но и других ТЭ, принадлежащих разным языкам. Например, на странице 357 в слове **оптиметр** элемент **опт-** отмечен как латинский (лат. *optos* — *видимый*), хотя «опт» — это греческий корень от слова *ὀπτός* — *видимый* (ср. слова *оптика*, *оптический* с тем же греческим корнем). Слово **трахикарпус** (без объяснения составных элементов) названо латинским (с. 517), хотя оно составлено из основ греческих слов **τραχύς** — шероховатый, шершавый и **καρπός** — плод. Аналогичную ситуацию наблюдаем при объяснении слова **филлофора** (с. 541) и многих других. Дезориентирует словарь читателя и тогда, когда в сведениях о происхождении слова указывается не слово-первоисточник, а слово-посредник. Так, слово **мимикрия**, согласно словарю (с. 521), происходит от английского **mimicry**, хотя основным составляющим и первоисточником этого слова

является греческое прилагательное **μυικός** — *подражательный* [17]. Слово **масса**, как объясняет словарь (с. 304), происходит от латинского существительного **massa** — ком, глыба, хотя его первоисточником является греческое слово **μάζα** — тесто, однокорневое с глаголом **μάσσω** — месить, замешивать [18].

В ряде случаев имеет место не совсем удачное или даже неправильное толкование смысла слова. Так, слово **диатриба**, согласно словарю (с. 165), это «резкая, желчная, придирчивая речь с нападками личного характера». Однако подобного рода речь — это не диатриба, а **инвектива** [19]. Диатриба же — это речь философско-морального, назидательного характера, автор которой ведет идейный спор с воображаемым соперником. Какие-либо нападки личного характера, направленные против конкретной личности, в диатрибе отсутствуют [20].

Приведенные (и далеко не все) факты свидетельствуют о том, что филологическая культура составления рассматриваемого «Словаря иностранных слов» еще далеко не на должном уровне. И представляется, что она останется на таком уровне до тех пор, пока среди составителей подобного рода словарей или их редакционной коллегии не будет филологов-классиков — специалистов по латинскому и древнегреческому языкам и античной культуре. Ибо если посмотреть на состав редакционной коллегии «Словаря иностранных слов», то мы увидим докторов и сельскохозяйственных, и технических, и других наук. Однако среди них нет ни одного филолога-классика, который мог бы дать компетентную справку о словах и терминологических элементах латинского и греческого происхождения, составляющих весьма значительную часть «Словаря иностранных слов». Поэтому в Республике Беларусь пора начать работу над отечественным «Слоўнікам замежных слоў», в авторском коллективе которого должен быть представлен филолог-классик. Отметим, кстати, что в Украине еще в 1974 г. издан оригинальный украиноязычный словарь иностранных слов [21], и он не только лишен большинства отмеченных нами недостатков, но и заметно дополнен новыми словами. Кроме того, греческие слова приводятся в этом словаре в оригинале, т. е. напечатаны греческим шрифтом.

Издание белорусскоязычного «Слоўнікам замежных слоў» как и другой отечественной словарно-справочной литературы, разъясняющей происхождение слов и понятий, истоки которых восходят к античному миру, весьма актуально. Ибо, к сожалению, действительность такова, что в настоящее время с античным миром мало знакома не только основная масса населения Беларуси, но и ее интеллектуальная элита — специалисты с высшим образованием. Отсюда — многочисленные ошибки в употреблении слов греческого и латинского происхождения и античных культурно-исторических реалий [22], нигилистическое отношение к интернациональному лексическому фонду и терминологии греко-латинского происхождения [23]. Однако еще знаменитый римский оратор и теоретик ораторского искусства I в. н. э.

Квинтилиан в «Наставлении оратора» предостерегал своих учеников от ошибки, свойственной многим — осуждать то, чего не понимаешь (*ne damnent quod non intellegunt*) [24]. Слова Квинтилиана стали афоризмом, актуальным и в наши дни. И наиболее действенное средство борьбы с невежеством сегодня, как и во времена Квинтилиана — это обучение и просвещение, настойчивая работа в учреждениях образования, в прессе и других средствах массовой информации по разъяснению непреходящего значения духовного значения античности. Настоятельно необходимы публикации научного и научно-популярного характера, о заимствованиях в русском языке из греческого и латыни и о функционировании этих заимствований в различных сферах языкового общения. Крайне важна при этом координация работы филологов-классиков Минска, ибо здесь в госуниверситете, институте иностранных языков и мединституте сосредоточены наиболее квалифицированные специалисты по классическим языкам, работающие в Беларуси. Среди них длительное время заслуженным авторитетом пользовался недавно ушедший из жизни Я. И. Порецкий, столь много сделавший для ознакомления современников с латиноязычными писателями Беларуси эпохи Возрождения. Особо следует отметить небольшую, но очень богатую по содержанию книгу Я. И. Порецкого об элементах латинского словообразования в современных языках [25]. Я. И. Порецкий провел также большую работу по систематизации элементов греческого языка в русском и белорусском языках, и эта работа должна обязательно выйти в свет и помочь многим осознанно и вдумчиво посмотреть роль эллинского слова в наши дни. Нужно бережно и уважительно относиться к этому слову, и хочется выразить надежду, что именно таковым это отношение будет в белорусскоязычном «Слоўніку замежных слоў», составители которого не захотят повторять недостатки проанализированного нами «Словаря иностранных слов».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Славятинская, М. Н.* Греческое влияние в славянских языках : учеб. пособие по древнегреческому языку / М. Н. Славятинская. – М., 1988. – С. 153–204.
2. *Латинский язык и основы медицинской терминологии* / под ред. М. Н. Чернявского. – Минск, 1989. – С. 132–204.
3. *Васильева, Л. И.* Пособие по клинической терминологии / Л. И. Васильева, Л. М. Окатова. – Минск, 1989.
4. *Словарь иностранных слов.* – М., 1989. – С. 3.
5. *Лотте, Л. С.* Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминоэлементов / Л. С. Лотте. – М., 1982.
6. *Линдсей, В. М.* Краткая историческая грамматика латинского языка / В. М. Линдсей. – М., 1948. – С. 120.
7. *Дворецкий, И. Х.* Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. – М., 1976. – С. 332.
8. *Малинин, А. М.* Латинско-русский словарь / А. М. Малинин. – М., 1961. – С. 195.
9. *Рудзитис, К.* Латинско-русско-латышский словарь медицинских терминов : в 2 т. / К. Рудзитис. – Рига : Лиесма, 1973. – Т. 1. – С. 529.
10. *Латинский язык и основы медицинской терминологии.* – С. 181.

11. *Сокращенный латинский словарь* Ананьева, Яснецкого и Лебединского. – М., 1862. – С. 348.
 12. *Słownik łacinsko-polski* / pod red. M. Plezi. – Warszawa, 1962. – Т. 2. – S. 182.
 13. *Дворецкий, И. Х.* Древнегреческо-русский словарь / И. Х. Дворецкий. М., 1958. – Т. 1. – С. 429.
 14. *Frisk, H.* Griechisches etymologisches / H. Frisk. – Wörterbuch. Heidelberg, 1960. – S. 425.
 15. *Etymological Dictionary of the English Language.* – Oxford, 1961. – P. 376.
 17. *Тронский, И. М.* Очерки из истории латинского языка / И. М. Тронский. – М., 1953. – С. 129.
 18. *Шталь, И. В.* Инвектива как источник истории общественно-политической мысли / И. В. Шталь // *Поэзия Гая Валерия Катулла.* – М., 1977. – С. 212–226.
 19. *Стрельникова, И. П.* Диатриба и сатира / И. П. Стрельникова // *Взаимосвязь и взаимодействие жанров в развитии античной литературы.* – М., 1989. – С. 186–200.
 20. *Словник іншомовних слів* / за ред. О. С. Мельничука. – Киев, 1974.
 21. *Бабичев, Н. Т.* Словарь латинских крылатых слов / Н. Т. Бабичев, Я. М. Боровский ; под ред. Я. М. Боровского. – 2-е изд. – М., 1986. – С. 161.
 22. *Порецкий, Я. И.* Элементы латинского словообразования и современные языки / Я. И. Порецкий. – Минск, 1977.
- Впервые опубликовано: Studia philologica : матеріялы “круглага стала” філолагаў-класікаў г. Мінска, прысвечанага навуковай дзейнасці прафесара Я. І. Парэцкага, 26 чэрвеня 1992 / рэд. А. З. Цісык. – Мінск : МДПІЗМ, 1993. – С. 22–32.*

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ -PHREN- В МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ И СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ ЕГО ЗНАЧЕНИЯ

В латинской медицинской терминологии употребляется ряд терминов, в состав которых входит словообразовательный элемент древнегреческого происхождения **-phren**. Он восходит к лексике поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея» — к существительному **φρήν, φρενός**, которое чаще всего употреблялось в форме множественного числа **φρένες**. Согласно «Гомеровскому словарю» Вл. Краузе [7, с. 459], это существительное употреблялось в поэмах в двух значениях: 1) грудная перегородка (перепонка), отделяющая сердце и легкие от печени и 2) место нахождения разума, воли, духа, рассудка и чувств.

В последующие времена после Гомера — как в античности, так и в постантичное время — первое значение продолжали отождествлять с диафрагмой, т. е. грудобрюшной преградой — куполообразной мышцей, разграничивающей грудную полость от брюшной [5, т. 2, с. 1746; 7, с. 172]. Отсюда в латинскую анатомическую терминологию вошел ряд прилагательных с элементом **-phren-**, указывающим на отношение к диафрагме (диафрагмальный). Первым из них стало образованное в XVII в. швейцарским анатомом Каспаром Баухином прилагательное **phrenicus** со значением «диафрагмальный»: **Aa. phrenicae superiores** (верхние диафрагмальные ар-

терии), **Ganglia phrenica** (диафрагмальные узлы), **Nervus phrenicus** (диафрагмальный нерв) и др. [8]. Позже были образованы прилагательные, в состав которых вошла основа прилагательного **phrenicus phrenic-**, например: **Fascia phrenicopleuralis** (диафрагмально-плевральная фасция); **Lig. gastrophrenicum** (желудочно-диафрагмальная связка); **Lig. hepatophrenicum** (печеночно-диафрагмальная связка) и др. [8]. Следует отметить, что составители Большого энциклопедического медицинского словаря, на который мы ссылаемся ниже, ошибочно отождествляют греческий элемент **-phren-** со значением «диафрагма» с латинским элементом **fren-** со значением «уздечка» (от лат. **frenulum** — уздечка) в составе ряда терминов. Вот как подаются в данном словаре эти термины: **френальный** (*френо-* от греч. *phren, phrenes* — диафрагма) — относящийся к любой анатомической уздечке, **френопластика** (*френо-* от греч. *phren, phrenes* — диафрагма) — хирургическая коррекция ненормально прикрепленной уздечки, **френотомия** (*френо-* от греч. *phren, phrenes* — диафрагма) — рассечение уздечки языка или губы, **френэктомия** (*френо-* от греч. *phren, phrenes* — диафрагма) — иссечение уздечки языка или губы [1, с. 2074–2075]. Думается, что включение латинской формы указанных терминов (**frenalis, frenoplastica, frenotomia, frenecotomia**) в состав соответствующих словарных статей стало бы четким словоотличительным маркером и наверняка помогло бы составителям словаря избежать указанных ошибок.

Элементы **-phren-** / **-phrenic-** со значением «диафрагмальный» входят в состав и некоторых современных хирургических терминов [1, с. 2074–2075]: **phrenicotomia** — френикотомия (пересечение диафрагмального нерва) **phrenicotripsia** — френикотрипсия (раздавливание обнаженного диафрагмального нерва с целью исключения его из функции) и др.

Что касается второго значения гомеровского существительного **φρήν**, указывающего на умственно-эмоциональную активность человека, то оно тоже сохранилось в медицинских терминах античной и постантичной медицины, обозначающих различного рода расстройств человеческой психики. Так, уже в античное время встречаются такие названия расстройств психики как **φρενίτις = φρενιτισμός = φρενοβλάβεια** (безумие, помешательство), прилагательные **φρενιτικός** (буйно помешанный), **φρενοβλάβής** (помешанный), **φρενομανής** (беснующийся), **φρενοπληκτός** (пораженный безумием) [5, т. 2, с. 1746]. В постантичное время были образованы и употребляются термины **oligophrenia** — олигофрения (группа стойких патологических состояний, проявляющихся наследственным, врожденным или приобретенным в первые годы жизни интеллектуальным дефицитом); **phrenalgia** — френалгия (боль, возникающая в результате психической травмы и сопровождающаяся чувством тревоги или страха); **phrenocardia** — френокардия (психогенно обусловленные боли в области сердца); **schizophrenia** — шизофрения (группа психозов, проявляющаяся изменением личности и утратой единства психических процессов) и др. [1, с. 1159; с. 22074; с. 2075; с. 2139].

Однако для специалиста в области греко-латинской терминологии мало знать ее современное состояние. Так, в контексте темы нашей статьи преподаватель-латинист медицинского вуза обязан не только уметь объяснить студенту или коллеге-анатому смысловую и историко-генетическую связь между названиями **diaphragma** (диафрагма) и **nervus phrenicus** (диафрагмальный нерв), или структурно-семантические отличия между терминами **френокардия** и **френотомия**. Он должен также понимать пути формирования основного массива греко-латинской терминологии от ее лексических истоков до ее современного состояния. Поэтому мы рассмотрим сегодня более подробно семантический статус существительного **φρήν/φρένες** в его первичном семантико-информационном поле — в тексте поэм «Илиада» и «Одиссея». Для работы мы использовали как переводы на русский язык «Илиады» и «Одиссеи» [3; 4], так и электронные издания оригинала обеих поэм [10; 11].

Известный русский филолог-классик начала XX в. Ф. Ф. Зелинский посвятил исследованию смысла существительных, выражающих в тексте гомеровских поэм умственно-эмоциональную и в целом психическую активность человека, специальную работу под названием «Гомеровская психология» [6]. Он определил, что **φρένες** в контексте Гомеровских поэм обозначает определенную часть физического организма человека — его диафрагму или блону (оболочку). Он также приводит несколько указаний на место ее расположения: Одиссей собирается поразить циклопа Полифема в то место, где «диафрагма (**φρένες**) сдерживает печень» (Od. IX 301), а Патрокл угодил копьем в грудь Сарпедона, где диафрагма «охватывает плотное сердце» (Il. XVI 481). Ф. Ф. Зелинский также приводит многочисленные примеры, свидетельствующие о воздействии диафрагмы на эмоции, например, текст из десятой книги «Илиады», где говорится, как у взволнованного Агамемнона «дрожала внутри диафрагма» (τρομέοντο δέ οἱ **φρένες** ἐντός (Il. X 10)). Ученый пришел к выводу, что диафрагма у Гомера — это не только орган, в котором у человека происходит *осознание* его чувственных, в том числе зрительных и слуховых ощущений. Это также вместилище всех *представлений гомеровского человека*, — как тех, которые сохраняет память, так и тех, которые создаются на основании данных органов чувств. «Я скажу тебе слово, а ты запечатлей его в своих **φρένες**», говорится много раз у Гомера. Но осталось ли **φρένες** вместилищем разума и чувств человека в представлениях греков, живших после Гомера? Отчасти, да, как свидетельствуют приведенные нами выше постгомеровские названия помутнения рассудка. В то же время известно, что уже Гиппократ в своем трактате «О священной болезни» утверждал, что слово **φρήν / φρένες** получило свое толкование «грудобрюшная преграда» или диафрагма (διάφραγμα) чисто случайно и что напрасно ему приписывается функция разумения. «Ни диафрагмой, ни сердцем мы не мыслим, а исключительно мозгом», пишет он [2]. Но современный анализ значения слова **φρένες** в тексте Гомеровских поэм позволяет

определить, что за словом **φρένες** может скрываться даже не диафрагма, а совсем иная структура тела человека.

Так, английский ученый Ричард Онианс в своем исследовании особенностей психоэмоциональной деятельности персонажей Гомера [9, с. 39–102] считает, что трудно представить себе часть тела, менее подходящую на роль вместилища разума, чем диафрагма — мышца, отделяющая грудные органы от брюшной полости. Рассматривая значение слова **φρένες** в сочинениях Гомера и других греческих авторов, он приходит к выводу, что **φρένες** больше подходит для обозначения легких, чем диафрагмы в ее современном понимании. В частности, он приводит текст из «Илиады», где Патрокл, наступив ногой на грудь Сарпедона, «вытащил копье из его тела, и вместе с ним вышли его **φρένες**» (II. XVI 503). Это могло произойти, если **φρένες** — это легкие, но вряд ли могла «выйти» из тела диафрагма, плотная мышца, закрепленная по всему своему периметру. Когда Аякс поражает Гектора камнем в грудь «поверх края щита в метафренон», буквально в «область тела позади **φρένες**», Гектор болезненно задыхается, его рвет кровью, и от боли страдают его **φρένες** (II. 14, 412–439). И это звучит странно, если **φρένες** — это всего-навсего перегородка между грудной и брюшной полостью. Но эту странность можно объяснить, считает Р. Онианс, если признать, что **φρένες** — это легкие (**πραπίδες**). Ознакомившись по этому поводу с другими примерами и рассуждениями Р. Онианса, действительно можно вполне согласиться, что **φρένες** у Гомера следует понимать не как диафрагму в современном понимании слова, а как легкие, с дыхательной функцией которых связаны очень многие проявления эмоционально-духовной деятельности гомеровских персонажей. Отметим, что Ф. Ф. Зелинский также упоминает о том, что античные писатели после Гомера ставили знак смыслового равенства между **φρένες** и **πραπίδες**, поскольку анатомическое соседство диафрагмы с легкими своим стягиванием и растягиванием заставляло видеть в ней регулятор работы легких [6, с. 478].

Такова далеко не простая история значения словообразовательного элемента **φρήν**, который встречается в современной анатомической и клинической терминологии. Она в очередной раз доказывает важность историко-этимологических исследований терминов и их составных частей, пришедших к нам из далекой античности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Большой энциклопедический словарь медицинских терминов: 100 000 терминов / под ред. Э. Г. Улумбекова. — М. : ГЭОТАР-Медиа, 2012. — 2263 с.*
2. *Гиппократ. О священной болезни / Гиппократ // Сайт об античной литературе. — дата обращения: 22.08.2024.*
3. *Гомер. Илиада / Гомер ; пер. с древнегреч. Н. Гнедича. — М. : Худож. лит., 1986. — 384 с.*
4. *Гомер. Одиссея / Гомер ; пер. с древнегреч. В. Жуковского. — М. : Худож. лит., 1986. — 270 с.*

5. Дворецкий, И. Х. Древнегреческо-русский словарь: ок. 70 000 сл. : в 2 т. / И. Х. Дворецкий. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. – 2 т.
 6. Зелинский, Ф. Ф. Гомеровская психология / Ф. Ф. Зелинский // На коленях богов. Истоки европейской мысли о душе, разуме, теле, времени, мире и судьбе / Р. Онианс ; пер. С. Б. Сумм. – М. : Прогресс-Традиция, 1999. – С. 449–498.
 7. Карузин, П. И. Словарь анатомических терминов / П. И. Карузин. – М., Л. : Гос. изд-во, 1928. – 293 с.
 8. *Международная анатомическая терминология* / под ред. Л. Л. Колесникова. – М. : Медицина, 2023. – 424 с.
 9. Онианс, Р. На коленях богов. Истоки европейской мысли о душе, разуме, теле, времени, мире и судьбе / Р. Онианс ; пер. С. Б. Сумм. – М.: Прогресс-Традиция, 1999. – 592 с.
 10. *Homer Odyssey* / Homer // Perseus Digital Library. – URL: <https://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?=Perseus:text:1999.01.036> (дата обращения: 10.03.2024).
 11. *Homer Iliad* / Homer // Perseus Digital Library. – URL: <https://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?=Perseus:text:1999.01.033> (дата обращения: 10.03.2024).
- Впервые опубликовано: Междисциплинарность в изучении медицинской терминологии : сб. науч. тр. по материалам междунар. науч. конф., приуроченной к 100-летию со дня рождения Юрия Францевича Шульца. – М., 2024.*

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТЕРМИНА «СИФИЛИС»

После открытия в конце XV в. Нового Света в Европе появились не только какао, томаты, картофель и табак, но, как считают многие ученые, и такая страшная венерическая болезнь, как сифилис. Одна из версий ее появления и распространения в Европе связана с походом в 1494 г. на Неаполь короля Франции Карла VIII, в наемную армию которого вошли и те испанцы, которые участвовали в путешествиях Колумба к берегам Америки. Такие же испанские наемники оказались и в армии короля Неаполя Фердинанда. Именно эти наемники, как начали подозревать позже, и несли зачатки новой болезни, принесенной ими из Америки. В феврале 1495 г. армия Карла VIII захватила Неаполь, и эта победа отмечалась массовыми празднествами и настоящими оргиями в течение восьмидесяти дней. Считается, что эти неапольские события стали спусковым крючком для вспышки эпидемии новой венерической болезни. Уже к 1496 г. сифилис широко распространяется на территории Франции, Священной Римской империи (Германии и зависимых от нее стран), а вслед за тем продвигается по Польше и Венгрии дальше на восток. Вскоре болезнь достигла границ Московского государства, а также Испании, Португалии и стран северной Европы. Считается, что эта первая волна эпидемии убила несколько миллионов человек, и вплоть до середины XVI в. сифилис оставался одной из самых распространенных причин смерти жителей Европы [8, с. 56–58]. В наши дни ученые продолжают спорить, когда и каким образом эта болезнь возникла

и появилась в Европе, но многие считают, что она возникла в результате мутации автохтонной американской бактерии в организме европейцев [4; 7].

У новой болезни за первые 100 лет существования появилось несколько сотен различных имен. Чаще всего ее называли по названию предполагаемой страны происхождения: в Италии и в Испании говорили «французская болезнь» или «кельтский мор» (по-латыни «*Morbus Gallicus*» seu «*Lues Celtica*»); французы же, напротив, говорили «неаполитанская болезнь». В России говорили «польская болезнь», а в Османской империи — «христианская болезнь».

И вот в разгар первой эпидемии сифилиса в Европе появляется человек, который попытался дать название этой новой болезни, не упоминаящее о национальной принадлежности ее носителей. Это был талантливый итальянский врач, ученый и поэт Джироламо Фракасторо, который опубликовал в Вероне в 1530 г. на латинском языке свою гекзаметрическую поэму в трех книгах под названием «*Syphīlis sive morbus Gallicus*» — «Сифилис или галльская болезнь» [19]. Название «галльская», т. е. «французская», вытекает из начальных строк поэмы, в которых говорится, что новая болезнь в Лаций была занесена из-за печальных войн галлов (*per tristia bella Gallorum*). Фракасторо во время написания своей поэмы еще не осознавал, что сифилис передается преимущественно половым путем (к такому выводу он придет только в 1546 г. в своей книге «*De contagione*» («О заражении»). Тем не менее, он, видимо, подозревал, что болезнь народам Европы могла передаваться от испанских первооткрывателей Америки. Именно поэтому в третьей книге поэмы, где говорится о прибытии испанцев Христофора Колумба на остров Гаити, он вводит эпизод, в котором испанские моряки убивают в священной роще птиц, посвященных богу Солнца, и одна из них перед смертью пророчествует человеческим голосом дальнейшую судьбу святотатцев. Из ее слов явствует, что многие из них будут участвовать в губительных междоусобных войнах, и придет день, когда, охваченные страшной болезнью, изуродовавшей их, они будут просить помощи у этой рощи (III, 175–192). И здесь, на наш взгляд, автор поэмы, во-первых, явно имеет в виду участие испанских моряков как наемных солдат в будущих европейских войнах. А, во-вторых, речь идет о поразившем испанцев сифилисе, спасение от которого они, как и туземцы Гаити, будут искать в отваре из дерева «гуаякум» (*Guajacum officinale*), растущего в этой священной роще, о чем Фракасторо упоминает дальше в тексте третьей книги своей поэмы.

В ее названии Фракасторо использовал новое слово, которым обозначил болезнь аборигенов острова Гаити — «сифилис» (*syphīlis, īdis f*). Поэт рассказывает в третьей книге поэмы, что встретив этих аборигенов и заключив с ними союз, испанцы присутствуют на местном празднике бога Солнца, где видят людей, отмеченных какой-то ужасной и неведомой европейцам болезнью, и слышат от короля острова историю этого заболевания. Оказывается, некогда местный пастух Сифилус (Сифил), разгневанный

солнечным жаром, погубившим его стада, отпал от местного культа бога Солнца, объявил царя Алситоя новым богом и призвал весь народ поклоняться новому культу. За это бог Солнца Аполлон наказал народ новой болезнью, первой жертвой которой оказался Сифил: «... Сифила, который учредил в честь царя божественные жертвы и окропил их кровью в горах, у первого пошли по телу ужасные язвы, и он проводил бессонные ночи в конвульсиях всех членов тела. И от него первого, заболевшего, эта болезнь получила название «сифилис» (III, 326–332).

Сам Фракасторо ни в данной поэме, ни в других произведениях не оставил точных сведений, как он придумал название «Syphilus». В первой книге своей более поздней работы «О сифилисе» (*De syphilide*) он пишет, что «мы заимствовали название «сифилис» из предания» [10, с. 15]. Здесь нет прямого указания, откуда именно заимствовано это название — из предания, якобы услышанного на острове Гаити, или из преданий античных времен, ведь поэма Фракасторо изобилует реминесценциями из античной истории, географии и мифологии. Во второй книге своего последующего произведения «О контагии, контагичных болезнях и лечении» Фракасторо отмечает: «Я в своих стихах, написанных в виде забавы, назвал эту болезнь сифилисом» [11, с. 75]. Поэтому с XVI в. до настоящего времени среди ученых ведется полемика по поводу лингвистических истоков названия имени Сифилус, давшего, согласно приведенным выше словам Фракасторо (III, 326–332), начало названию болезни «сифилис». В частности, доминирует версия о том, что название болезни «сифилис» происходит от названия персонажа греческих мифов Сипила, сына Ниобы и царя Фив Амфиона, якобы болевшего этой болезнью, и приводится ссылка на шестую книгу «Метаморфоз», где об этом рассказывает Овидий. Такую версию встречаем, например, в этимологическом словаре М. Фасмера [9, т. 3, с. 629], этимологическом словаре русского языка Н. М. Шанского и Т. А. Бобровой [14, с. 289], в этимологическом словаре французского языка Дюбуа–Миттерана–Доза [16, р. 807]. Однако, как явствует из «Метаморфоз» Овидия (VI, 230–238), бог Аполлон убивает вполне здорового Сипила, одного из сыновей Ниобы, оскорбившей Латону, мать Аполлона и Артемиды:

Рядом с ним ехавший, стрел услыхав бряцанье в колчане,
Вмиг натянул поводья Сипил, но настигнут был тут же
Он неминучей стрелой...

(Перевод С. Шервинского) [6, с. 124]

Ничего не сообщают о болезни Сипила ни Роберт Гревс в «Мифах древней Греции» (1, с. 199–200), рассказывая о Ниобе и ее детях, ни известные античные мифографы Аполлодор и Гигин. И это логично, ибо первые земные поколения античных героев, восходящие к олимпийским богам, как известно из греческой мифологии, не были подвержены человеческим болезням.

П. Черных в «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» пишет: «Латинское научное название болезни **syphilis** впервые появилось в 16 веке в поэме итальянского ученого и врача Джироламо Фракасторо «*Syphilidis seu morbis gallici libri tres*» (1530). В данной поэме *Syphilus* было личным именем пастуха, которого поразила необычной и ужасной болезнью бог Аполлон, а имя этого пастуха Фракасторо заимствовал у Овидия» [12, т. 2, с. 165–166]. Здесь сначала выскажем замечание по поводу неправильного латинского названия данной поэмы, которое приводит П. Черных. Форма «*Syphilidis*» — это родительный падеж существительного **syphilis**, и оно должно согласовываться с родительным падежом существительного *morbus* — **morbi**. И тогда заглавие поэмы должно быть представлено в следующем виде: «**Syphilidis seu morbi gallici libri tres**» и в русском варианте должно звучать как «Сифилиса или французской болезни три книги». На титульном листе изданной в 1530 г. этой поэмы видим название «**Hieronimi Fracastorii Syphilis sive morbus Gallicus**» и такое название сохраняется в последующих переизданиях поэмы [19]. Однако еще более важным нам представляется отметить, что связь между именем персонажа «Метаморфоз» и именем персонажа поэмы Фракасторо далеко не столь очевидна, как кажется всем указанным выше авторам. Ибо объединяет эти имена только определенное сходство звучания и то, что оба указанных персонажа были наказаны богом Аполлоном. А против этой связи прежде всего свидетельствует то, что Сипил Овидия явно не был носителем ни пресловутой болезни, ни любой другой, похожей на нее. Во-вторых, в «Метаморфозах» имя сына Ниобы отличается орфографически от имени героя поэмы Фракасторо. Ведь у Овидия мы видим форму *Sipylus*, а у Фракасторо — *Syphilus*, т. е. диграф «**ph**» вместо простого «**p**» и «**y**» вместо «**i**» в первом слоге. К тому же имеются различия в метрической структуре слова *Sipylus* в латинском гекзаметре «Метаморфоз» (*Frēnā dābāt Sīpŷlūs VI, 231*), и слова *Syphilus* поэмы Фракасторо (*Sŷphīlūs ūt fama est... III, 291*). Ведь гласный «**i**» после начального **S** у Овидия краток (*Sīpŷlūs*), а гласный «**y**» в слове Фракасторо — долгот (Sŷphīlūs). А фактор долготы и краткости слога играл весьма важную роль в структуре античной стихотворной стопы.

Однако признание а priori наличия долгого слога **Sŷ-** в слове *Syphilus* привело многих исследователей поэмы Фракасторо к ошибочной мысли о том, что этот слог может быть начальной частью греческого существительного **sys** — свинья, в котором гласный «ипсилон» считается долгим. Впрочем, согласно словарю древнегреческого языка Лиддела–Скотта [18, с. 1904], гласный «ипсилон» в слове **sys** мог быть как долгим, так и кратким у различных авторов. Тем не менее, среди лингвистов и врачей распространилась версия о понимании слова «Сифилус» как сочетания греческих слов **sys**, **suos** — свинья и **philos** — друг, приятель как в буквальном смысле («друг свиньи»), так и в смысле «свинопас». В частности, это понимание стало столь популярным среди английских исследователей творчества Фра-

касторо, что в английском переводе поэмы 1693 г. его переводчик Н. Тейт при передаче сцены принесения сакральной жертвы богам заменяет слово «теленка» (*juvencus* в оригинале поэмы Фракасторо) на «свинью» (*swine*). В переводе на русский язык текста перевода М. Тейта звучит следующим образом: «...эта свинья должна будет во все времена при принесении ритуальной жертвы находиться у алтаря как свидетельство преступления (свинопаса) Сифилуса» [15, р. 118]. Но в поэме Фракасторо Сифил был пастухом только овец и крупного рогатого скота, как свидетельствует текст оригинала:

Syphilus (ut fama est) ipsa haec ad flumina pastor Mille boves, niveos mille haec per pabula Regi.

Alcithoo pascebat oves (III, 291–293).

В подстрочном переводе: «Как гласит предание, пастух Сифил возле этих рек на пастбищах царя Алцитоя пас тысячи коров и тысячи белошерстных овец». Важно также отметить, что в древнегреческих лексиконах во всех словах, состоящих из корня *су-* (от *sys*, *syos* «свинья») и второй номинативной основы, начальный слог *су-* краток: *sybótes* — свинопас, *syphéos* — свиной хлев, *syphórbion* — стадо свиней, *syphorbós* — свинопас [18, р. 1659; р. 1737]. Поэтому в неологизме Фракасторо *Syphilus* слог **Sy-** по аналогии с упомянутыми выше словами тоже должен был быть кратким. Почему он оказался долгим, поговорим ниже. Важно и то, что в тексте поэмы Фракасторо слова латинского лексикона **suarius** или **subulcus** со значением «свинопас» [3, с. 731, с. 740] по отношению к Сифилу не употребляются, так как он — **pastor** — пастух коров и овец (см. выше). Поэтому хочется надеяться, что в свете высказанных нами критических замечаний относительно толкования имени «Сифилус» как «пастух-свинопас» или «друг или «любитель свиньи», которого придерживаются даже некоторые современные знатоки античности [5, с. 145–146], эти толкования не будут больше восприниматься серьезно.

Не находят достаточного лингвистического подтверждения в качестве гипотетических источников неологизма Фракасторо «*Syphilus*» и греческие лексемы *syphilía* (соитие) и *syphlós* (постыдный, позорный), которые приводит М. Н. Чернявский [13, с. 418]. Они отсутствуют в наиболее полном словаре греческой лексики Лиддела–Джонса [18, р. 1737].

Тем не менее, ученые не прекращают поисков вероятных источников неологизмов Фракасторо «*Syphilus*» и «*syphilis*». И в этом плане заслуживает, на наш взгляд, особого внимания гипотеза, предложенная в 2017 г. группой ученых в англоязычной статье «Джироламо Фракасторо и истоки этимологии сифилиса» [17]. В резюме статьи ее авторы (Л. Ферейра и др.) отмечают, что «скрупулезное литературное исследование исторических фактов и мифологических образов, упомянутых в поэме Фракасторо, дали нам возможность сделать подробный анализ этого произведения и понять некоторые самые незначительные детали. В итоге мы предлагаем новую гипотезу,

в соответствии с которой истоки термина «сифилис» основываются на имени *Sipyulus* и на внешнем виде людей, страдавших от этой болезни». Рассмотрим более подробно рассуждения и основную аргументацию авторов указанной статьи.

Итак, ключевым словом для нахождения пути построения названий *Syphilus* и *syphilis*, придуманных Фракасторо, авторы статьи считают уже упомянутое имя «Сипил» (*Sipylos* / *Sipyulus*). В четвертом разделе своей статьи они подробно говорят об этом мифологическом персонаже и указывают на определенную связь между античными мифологическими мотивами, связанными с Сипилом, и преданиями, представленными в поэме Фракасторо и связанными с аборигенами Гаити. А затем они подключают к истокам имени *Syphilus* имя еще одного персонажа греческих мифов — женщины Филлиды (*Phyllis*, *Ἰδης*). Согласно греческим мифам, она была женой сына героя Афин Тезея Дамофонта, который уехал по делам и очень долгое время отсутствовал. От тоски по любимому Филлида повесилась и была превращена в миндальное дерево [2, с. 527]. О Филлиде Овидий упоминает дважды в поэме «Лекарства от любви» (55 и 591–608) и посвящает жалобам Филлиды вторую поэму своих «Героинь». Фракасторо в первой книге поэмы, где подробно описывает клинические признаки сифилиса, упоминает о миндальном дереве («скорбном дереве Филлиды»), указывая на сходство между узлами на миндальном дереве и повреждениями кожи у сифилитиков (I, 360–364): «Ты мог бы часто видеть, как из скорбного дерева Филлиды истекает густая жидкость, и как вскоре она застывает, превращаясь в упругую камедь. Почти так же обычно истекает при болезни по телу слизь, и она в конечном итоге превращается в плотный узловатый нарост». Кат Ваананен в статье «Сифилитические деревья: неподвижность и глухота у Овидия и Фракасторо» [20] выдвигает гипотезу, что в своей поэме Фракасторо использовал образы преобразования людей в деревья из «Метаморфоз» Овидия для того, чтобы более эмоционально показать воздействие сифилиса на человеческое тело и психику. Соглашаясь с данной гипотезой, добавим, что среди этих преобразований врачу и гуманисту Фракасторо, на наш взгляд, весьма впечатляющей могла показаться история несчастной Мирры (*Met.* 10, 507–508). Постепенно теряя человеческие черты, Мирра становится растением, которое покрывается полужидкой субстанцией, и это изображение явно перекликается с образом миндального дерева, который Фракасторо использует в первой книге своей поэмы, рисуя внешность сифилитиков.

Таким образом, Фракасторо, придумывая имя мифологического пастуха и название поразившей его болезни, берет за основу название *Sipyulus* как имя человека, наказанного гневом бога Аполлона (*Apollinis ira*) и в «Метаморфозах», и в рассказе короля аборигенов. Затем, находясь под эмоциональным впечатлением от замеченного им сходства между повреждениями кожи у больных сифилисом и корой миндального дерева в «Метаморфо-

зах», он приступает к творению своих неологизмов. К начальному слогу *Sipylos* он добавляет *Phyllis* и получает слово **Siphyllis**. Затем заменяет в нем букву «I» перед «S» на «Y», убирает одну букву «L» и составляет название болезни **Syphyllis**. Затем в этом названии он меняет букву «I» на «U» и получает имя **Syphylus**. Кстати, Фракасторо неоднократно прибегает в своей поэме к творческим изменениям античных и иных имен (*America* → *Ammeria*, *Antilles* → *Anthylia*, *Atlantis* → *Atlantia*, *Juane* → *Gyane*, *Ophir* → *Ophyre et caet.*). И, наконец, Фракасторо позаботился о придании долготы начальному слогу *Sȳ-* и этим обосновал дактилический статус слов *Sȳphīllis* и *Sȳphīlūs*. На наш взгляд, нет принципиального значения в том, какое из этих названий Фракасторо придумал первым, даже если он и пишет в своей поэме, что от имени Сифила местные жители впервые назвали болезнь «Сифилис»: *...a primo traxit cognomina morbus / Syphylidemque ab eo labem dixere coloni* (III, 332–333). Ввести в поэме сначала имя пастуха «*Syphilus*», а затем на его лексической основе название болезни «*Syphilis*» автору пришлось, очевидно, руководствуясь художественным замыслом и логикой изложенных событий. А одной из приоритетных целей для Фракасторо, как нам представляется, было убрать из названия появившейся новой болезни ее «национальный» эпитет (болезнь неаполитанская / итальянская / французская etc.). Его вымышленный персонаж Сифил — житель древней мифической страны Атлантии, и поэтому никакой европейский народ, по мнению поэта, не должен нести конкретной ответственности за эпидемию сифилиса в Европе. Такая позиция автора поэмы, думается, вполне соответствовала мировоззрению этого великого гуманиста, врача и ученого, каким был Джироламо Фракасторо.

Думается, что изложенная в нашей интерпретации новая версия происхождения названия болезни **syphilis** и названия имени **Syphīlus**, предложенная упомянутой группой авторов [17], выглядит более аргументированной с историко-культурных и лингвистических позиций, чем все предыдущие. Поэтому хочется надеяться, что у нее будет и больше шансов на положительное восприятие лингвистами и медиками, чем у версий, связанных только с названием «Сипил» (*Sipylos / Sipyulus*), или с греческими словами *sys* «свинья», *phīlos* («друг») или *philein* («любить»). И в этом плане важно подчеркнуть неувядающую плодотворность и перспективность союза лингвистики и медицины в решении вопросов истории возникновения и функционирования медицинских терминов от античности до современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Грейвс, Р.* Мифы Древней Греции : пер. с англ. / Р. Грейвс ; под ред. и с послесл. А. А. Тахо-Годи. – М. : Прогресс, 1992. – 624 с.
2. *Дворецкий, И. Х.* Древнегреческо-русский словарь: ок. 70 000 сл. : в 2 т. / И. Х. Дворецкий. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. – 2 т.
3. *Дворецкий, И. Х.* Латинско-русский словарь: ок. 50 000 сл. / И. Х. Дворецкий. – 3-е рус. изд., испр. – М. : Рус. яз., 1986. – 840 с.

4. *История* сифилиса. – URL: <https://boom.ms/storija-sifilisa> (дата обращения: 09.01.2022).
 5. *Коршунов, В. А.* Греколатиника. Отражение класики / В. А. Коршунов. – М. : НЕОЛИТ, 2018. – 528 с.
 6. *Овидий.* Собрание сочинений : в 2 т. / Овидий. – СПб. : Биограф. ин-т «Студия Биографика», 1994. – Т. 2. – 527 с.
 7. *Сифилис.* Краткий исторический очерк. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31651484 (дата обращения: 09.01.2022).
 8. *История* первой эпидемии сифилиса в Европе / В. И. Степаненко, В. Г. Коляденко, Б. Т. Глухенький, Р. Л. Степаненко // Український журнал дерматології, венерології, косметології. – 2002. – № 1. – С. 56–58.
 9. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1987. – Т. 3 (Муза – Сят). – 832 с.
 10. *Фракасторо, Д.* О контагии, контагиозных болезнях и лечени : пер. с латыни / Д. Фракасторо ; под ред. К. М. Быкова. – М. : Изд-во АН СССР, 1954. – 324 с.
 11. *Фракасторо, Д.* О сифилисе / Д. Фракасторо ; пер. с лат. В. О. Горенштейна. – М. : Медгиз, 1956. – 286 с.
 12. *Историко-этимологический словарь современного русского языка* : в 2 т. / авт.-сост. П. Я. Черных. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 2001. – Т. 2 Панцырь – Ящур. – 560 с.
 13. *Чернявский, М. Н.* Краткий очерк истории и проблем упорядочения медицинской терминологии / М. Н. Чернявский // Энциклопедический словарь медицинских терминов: ок. 60 000 терминов : в 3 т. / гл. ред. Б. В. Петровский. – М. : Сов. энцикл., 1984. – Т. 3 Рабдитозы – Ящур. – С. 410–425.
 14. *Этимологический словарь русского языка* / авт.-сост. И. М. Шанский. – М. : Прозерпина, 1994. – 399 с.
 15. *Anselment, R.* Fracastoro's "Syphilis": Nahum Tate and the Realms of Apollo / R. Anselment // Bulletin of the John Rylands Library. – 1993. – Vol. 73, iss. 1. – P. 105–118.
 16. *Duboi, J.* Dictionnaire étymologique et historique du Français / J. Duboi, H. Mitterand, A. Dauzat. – Paris : Larousse, 2007. – 893 p.
 17. *Girolamo Fracastoro and the Origin of the Etymology of Syphilis* / L. Ferreira, M. Dupont, G. Fracastoro, M. Bonati // Advances in Historical Studies. – 2017. – № 6. – P. 104–112.
 18. *A Greek-English Lexicon* / comp. by H. G. Liddell, R. Scott. – Oxford : Clarendon Press, 1996. – 2042 + 320 p.
 19. *Hieronimi Fracastorii Syphilis sive morbus Gallicus.* – Lipsiae : Apud Leopoldum Voss, 1830. – 72 p.
 20. *Syphilitic Trees: Immobility and Voicenesless in Ovid and Fracastoro.* – URL: <https://classicalstudies.org/annual-meeting/150/abstract-syphilitic-trees-immobility-and-voicenesse-ovid-and-fracastoro> (дата обращения: 09.01.2022.)
- Впервые опубликовано: Языки международного общения: культурно-исторические и профессиональные аспекты : сб. науч. тр. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, приуроченным к празднованию Дня славянской письменности и культуры / под ред. В. А. Липатова. – Курск, 2023. – С. 256–264.*

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАТОМО-ГИСТОЛОГИЧЕСКОГО ЛАТИНСКОГО ТЕРМИНА «FENESTRA»

В современной Международной латинской анатомической терминологии (МАТ) термин «fenestra» встречается в названиях двух структур среднего уха в значении «окно»: fenestra cochleae (овальное окно улитки) и fenestra vestibūli (круглое окно преддверия) [6, с. 195]. Данное терминологическое значение соответствует значению слова «fenestra» (окно) в лексиконе античной латыни [11, с. 685]. Использование общеупотребительной латинской лексики по сходству формы или функции для обозначения частей тела началось уже в античной медицинской литературе, как свидетельствует лексика трактата Авла Корнелия Цельса «De medicina» [5, с. 38–239]. Эту традицию продолжили также и врачи постантичного времени. В 1546 г. ученик известного анатома XVI в. Андреаса Везалия Джованни Филиппо Инграссиас, давая описание двух структур среднего уха, похожих на маленькие окна, впервые использовал слово «fenestra» в упомянутых выше терминах fenestra cochleae и fenestra vestibule.

В гистологических структурах, как и в анатомических, встречаются названия, которые условно сравниваются по форме с окном или окошком. Однако, в отличие от анатомических названий, в русской версии Международной гистологической терминологии (МГТ) они обретают транслитерированную форму «фенестра»: fenestra endotheliocytī (фенестра эндотелиоцита) [9, с. 27], fenestra omentālis (фенестра сальника), diaphragma fenestrae (диафрагма фенестры) [9, с. 27]. Составители МГТ также ввели причастие fenestrātus, a, um (фенестрированный, обладающий фенестрами), дериват глагола fenestro, āvi, ātum, āre (снабжать окнами), употребляемого еще в античной латыни [11, с. 685]. В «Большом энциклопедическом словаре медицинских терминов» понятие «фенестрированный» обозначается как «имеющий просветы или отверстия, ячеистый» [1, с. 2035]. В МГТ употребляются следующие термины: endotheliocytus fenestrātus (фенестрированная эндотелиальная клетка) и endothelium non fenestrātum (нефенестрированный (непрерывный) эндотелий) [9, с. 27], membrāna fenestrāta elastica (фенестрированная эластическая мембрана) [9, с. 99].

На основе латинского глагола fenestrāre в медицинской терминологии образованы и употребляются также некоторые термины-существительные [1, с. 2035]. Первый из них — фенестрация (fenestratio, ōnis f — оперативное образование специфического отверстия в какой-либо анатомической структуре). Данное слово входит в состав трех многословных терминов: 1) fenestratio labyrinthi (фенестрация лабиринта) для обозначения операции в костном лабиринте внутреннего уха; 2) fenestratio tentoria cerebelli (фенестрация мозжечкового намета); 3) fenestratio stapēdis (фенестрация стремени). Операция fenestratio cranii (фенестрация черепа) выполняется при эпилепсии.

Второй термин-существительное — *fenestrātor, ōris m* — фенестратор, хирургический инструмент для создания искусственного отверстия в подножной пластинке стремечка.

Таким образом, и в анатомии, и в гистологии, и в хирургии употребляются термины, этимологически и семантически связанные со словом *fenestra* — окно, просвет. Русское слово «окно» восходит к древнерусскому слову око «глаз» [8, с. 211], которое, как и латинское *oculus* — глаз, обозначает орган восприятия форм действительности при его взаимодействии со светом. И здесь закономерно возникает вопрос, связано ли латинское слово «fenestra» с семантикой света или зрения, наподобие русского слова «окно»?

Анализ лексики латинского языка античного времени позволяет нам сделать вывод, что в нем все слова, связанные с семантикой света (светить, светлый, светоносный, светоч, свеча, светильник и др.), этимологически восходят к существительному *lux, lucis f* (свет, блеск, сияние) [11, с. 1045–1053]. В то же время у слова «fenestra» не оказывается никаких родственных лексем, кроме диминутивов *fenestella* и *fenestrūla*. И, тем не менее, сложно поверить в то, что название такой части дома, как окно, предназначенной нести свет в темное помещение, никаким образом не связано с понятиями «свет» или «светить».

Не находя в общеизвестных лексиконах классической латыни ближайших родственников и источников слова *fenestra*, обратимся к языку, оказавшему мощнейшее влияние на становление лексики античного Рима — на древнегреческий (в дальнейшем греческий) язык. В отечественной научной литературе первое указание на греческое происхождение латинского слова *fenestra* мы находим в «Словаре анатомических терминов» П. И. Карузина. В составленном автором данного словаря списке греческих слов, которые были латинизированы и вошли в лексикон латинской анатомической номенклатуры мы видим греческое слово *phainéstra* и производное от него латинское слово *fenestra* [5, с. 27]. Думается, что, не являясь лингвистом, П. И. Карузин, даже если и знал основы греческого языка, не стал бы самостоятельно предлагать читателю составленные им сведения по греческой лексике, а должен был иметь перед собой труды авторитетных лингвистов, которыми и мог воспользоваться при составлении своего словаря. Такими лингвистами, на наш взгляд, могли быть Оскар Вейзе, опубликовавший в 1882 г. работу «Греческие слова в латинском языке» [13] и Гюнтер Заальфельд, опубликовавший в 1883 г. «Подробный историко-критический словарь греческих и иноязычных заимствований в латинском языке» [13]. В обеих работах слово *fenestra* считается латинизированным грецизмом, восходящим к греческому существительному *phainéstra* или *phanéstra* [13, 14]. Приняв за основу мнение указанных лингвистов, попытаемся привести лингвистическое обоснование перехода греческого слова *phainéstra* в статус латинского слова *fenestra*.

В современных наиболее известных лексиконах древнегреческого языка слово *phainéstra* не представлено. Но история слов знает много примеров,

когда малоизвестные или даже диалектные слова становились этимонами общелитературных слов, не оставив о себе следа в лексическом составе уже устоявшегося языка. Так, хотя авторы этимологического словаря древнегреческого языка Эрну–Мейе [11, с. 343] и отрицают наличие слова *phainéstra* в древнегреческом лексиконе, они, тем не менее, указывают, что оно представлено в энциклопедической работе «Свод знания» (*De compendiosa doctrina*) римского лексикографа IV в. н. э. Нония Марцелла. Не исключено, что это слово могло быть представлено в фрагментах и других античных авторов, что дало основания Оскару Вейзе и Гюнтеру Заальфельду включить его в свои упомянутые выше историко-этимологические работы. Поэтому, на наш взгляд, имеются определенные основания для более подробной гипотетической лексемы «*phainéstra*» или ее варианта «*phanéstra*».

В первой части указанных слов отчетливо просматривается морфема *phain-* / *phan-*, которую мы однозначно ассоциируем с греческим глаголом *phaino* (светить, сверкать), что подтверждает и Г. Заальфельд [Saalfeld, 1883: 481]. Вторая часть слова — это суффикс *-str-* + финаль *-a*, которые в греческом языке присоединяются к глагольной основе настоящего времени при образовании существительных женского рода, обозначающих орудие, результат или место действия [7, с. 179]. В лексиконе древнегреческого языка И. Дворецкого [4] можно встретить ряд примеров существительных, образованных подобным образом. Это, например, *kónistra* (покрытая песком площадка для состязания атлетов) от *konío* (покрывать песком) + *-stra*; *orchéstra* (орхестра — полукруг впереди сцены, на котором совершал свои действия и исполнял роль хор) от *orchéomai* (плясать) + *-stra*; *pálaistra* (палестра, место обучения искусству борьбы) от *palaío* (бороться) + *-stra*. Поэтому, на наш взгляд, имеются лингвистические основания придать существительному *phainéstra*, образованному по образцу трех приведенных выше слов, значение «место или способ освещения», и этим обосновать название той части архитектуры дома, которая обеспечивает доступ света снаружи, каковой и является окно. Таким образом, слово *phainéstra*, которое полностью соответствует морфологическим и семантическим нормам греческого языка античности, вполне может считаться членом его лексического фонда. А то, что оно не вошло в известный на сегодня письменный свод древнегреческой лексики, может иметь массу причин, учитывая потерю бесчисленного количества памятников древнегреческой письменности.

Теперь обратимся к той лексеме, которая, присутствуя в современных лексиконах греческого языка периода античности, передает понятие «окно» аналогично существительному *fenestra* в латинском языке. Это существительное *thyrís, ídos* с первоначальным значением «вход в пещеру», «дверь», «ворота» [4, с. 120]. Однако путь эволюции данной лексемы к значению «окно», указанному ниже отмеченных выше значений, был далеко не простым и одномоментным.

Известно, что в архаичный период истории в Древней Греции строили только одноэтажные здания, причем во всех таких зданиях окна отсутствовали, а свет проникал внутрь помещений через открытую дверь [2, с. 105], и поэтому в поэмах Гомера нет упоминаний об окнах. Возможно, этот факт дал основание известному знатоку античности М. Л. Гаспарову высказать парадоксальное мнение, что «даже слова для обозначения окна в греческом языке не было» [3, с. 172], хотя это не совсем так. Действительно, известно, что в доклассический, и в классический период своей истории древние греки светлую часть дня проводили в основном вне дома — на агоре, в палестрах или гимназиях, в поле, на охоте, на поле боя и в других местах вне дома, а с наступлением вечерней поры освещали комнаты домов светильниками. При таком образе жизни особой нужды в окнах не ощущалось. Однако, уже с V века до н. э. под крышей верхнего этажа начинают сооружать небольшие окошка под названием *thyris, idos* [2, с. 120]. Данное существительное является диминутивом слова *thýra* (дверь, калитка, ворота) и такое же значение было первоначальным у слова *thyris*, и только впоследствии у него появилось значение «окошко» [4, с. 802]. Такие окошки устраивались в виде затворяемых отверстий над дверью и их называли *photagogoí thýrai* (окошка, проводящие свет) [5, с. 1758]. Как видим, для греков классической эпохи понятие «окно» или «окошко» ассоциировалось, прежде всего, с понятием «дверца», через которую в комнату можно было впустить свет. У греческих поселенцев Италии, по-видимому, оказались другие представления о названии окон, и поэтому у них появилось уже упомянутое выше слово *phainéstra* или *phanéstra*, которое может быть истолковано как «место освещения» или «способ освещения». Почему данное слово сравнительно легко могло быть ассимилировано одним из латинских диалектов Италии? На наш взгляд, это можно объяснить тем, что в латинском языке существовала модель образования существительных от основы настоящего времени глагола с помощью суффикса *-str-*, сходная со словообразовательной моделью в греческом языке. Это, например, слова *claustrum* (ключ, засов) от *claudere* (закрывать, запирает), *haustrum* (колодезное ковшевое колесо) от *haurire* (черпать), *lustrum* (очистительная жертва) от *lustrare* (освящать, очищать), *monstrum* (знамение, знак) от *monere* (предостерегать, предвещать) [12, с. 335–1131]. Относительно же того, когда окна — *fenestrae* в современном понимании этого слова становятся частью архитектуры Рима, в современной науке об античности пока нет единого мнения. Думается, что упоминания окон в комедиях Плавта дают основания предполагать, что окна как таковые уже были достаточно известной частью архитектуры Рима III в. до н. э.

Таким образом, историко-лингвистический анализ истоков греческих слов *phainéstra* и *thyris* и их семантики в контексте особенностей употребления бытовой реалии «окно» помогает не только определить картину возникновения и эволюции этого понятия и отражающих его слов в классиче-

ских языках. Думается, что такой анализ позволяет более точно и наглядно восстановить пути становления конкретных современных анатомических и гистологических терминов, одним из которых является термин *fenestra*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Большой энциклопедический словарь медицинских терминов: 100 000 терминов* / под ред. Э. Г. Улумбекова. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2012. – 2263 с.
 2. *Велишский, Ф. Ф.* Быт греков и римлян / Ф. Ф. Велишский. – Прага : Тип. И. Милиткий и Новак, 1878. – XVI. – 670 с.
 3. *Гаспаров, М. Л.* Занимательная Греция. Рассказы о древнегреческой культуре / М. Л. Гаспаров. – М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1995. – 381 с.
 4. *Дворецкий, И. Х.* Древнегреческо-русский словарь: ок. 70 000 сл. : в 2 т. / И. Х. Дворецкий. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. – Т. 1.
 5. *Дворецкий, И. Х.* Древнегреческо-русский словарь: ок. 70 000 сл. : в 2 т. / И. Х. Дворецкий. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. – Т. 2.
 6. *Карузин, П. И.* Словарь анатомических терминов / П. И. Карузин. – М., Л. : Гос. изд-во, 1928. – 293 с.
 7. *Международная анатомическая терминология* / под ред. Л. Л. Колесникова. – М. : Медицина. 2003. – 424 с.
 8. *Славятинская, М. Н.* Учебник древнегреческого языка / М. Н. Славятинская. – М. : Изд-во МГУ, 1993. – Ч. II. – 256 с.
 9. *Этимологический словарь русского языка* / авт-сост. И. М. Шанский. – М. : Прозерпина, 1994. – 399 с.
 10. *Terminologia histologica.* Международные термины по цитологии и гистологии человека с официальным списком русских эквивалентов / под ред. чл.-корр. РАМН В. В. Банина, В. Л. Быкова. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2009. – 272 с.
 11. *Ernout, A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine: histoire des mots / A. Ernout, A. Meillet. – Paris : Éd. C. Klincksieck, 1939. – XXI + 1184 p.
 12. *Oxford Latin Dictionary* / comp. by Clare P. G. W. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1968. – XXIII + 2126 p.
 13. *Saalfeld, G.* Thesaurus Italograecus: Ausführliches historisch-kritisches Wörterbuch der griechischen Lehn- und Fremdwörter im Lateinischen / G. Saalfeld. – Wien : Druck und Verl. von Carl Gerold's Sohn, 1884. – 1183 S.
 14. *Weise, O.* Die griechischen Wörter im Latein / O. Weise. – Leipzig : Hirzel, 1882. – VIII + 546 s.
- Впервые опубликовано: Термины в коммуникативном пространстве : материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием «Терминология, дискурсология и экология языка в современной лингвистике», Астрахань 8 февр. 2024 г. / Астрахан. гос. мед. ун-т ; отв. ред. С. И. Маджаева. – Астрахань : Изд-во ФГБОУВО Астраханский ГМУ, 2024. – С. 104–109.*

ОБ ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНОВ, СОЗДАНЫХ НА ОСНОВЕ АНТИЧНОЙ ЛЕКСИКИ

Древнегреческий язык (далее — греческий) и латынь являются источниками многих общелитературных слов и профессиональных терминов в каждом европейском языке. Однако этимология определенной части такой лексики до сих пор является предметом научных дискуссий. Нередки

случаи, когда неправильная версия этимологии слова закрепляется в словарно-справочной литературе и традиционно используется в информационном пространстве, являясь по существу скрытым источником дезинформации [14, с. 180–183]. В наше время, когда благодаря интернету появилась возможность доступа к фундаментальным словарям классических и современных языков, появилась возможность по-новому взглянуть на этимологию многих современных понятий и слов. Именно такого рода исследованию посвящена тема нашей работы.

Начнем с этимологии слова «ангина», обозначающего «острое инфекционное воспаление слизистой оболочки зева и миндалин». В русском языке оно появилось в XVII в. как транслитерат латинского варианта *angina* в результате заимствования из западноевропейских языков, в которых этот медицинский термин по форме практически аналогичен латинскому [15, I, с. 44; 1, с. 23]. Существительное *angina* зафиксировано еще в латинском языке его античного периода в значении «воспаление горла» [2, с. 58; 23, с. 129]. В цитированных выше словарях, как и в большинстве других словарно-справочных изданий, латинское существительное *angina* рассматривается как суффиксальное производное от глагола *ango, angere* — сжимать, сдавливать, беспокоить. В то же время в Оксфордском словаре латинского языка, в котором *ango* указано как этимон существительного *angina*, рекомендуется сравнить этот глагол с греческим существительным *ἄχωνη* (*anchone*) [23, с. 129]. Видимо, на основании данной рекомендации в некоторых словарях латинское *ango* приравнивают к греческому *ἄγχω* (*ancho*) [8, I, с. 92], а это наталкивает на предположение, что латинское *angina* может быть заимствованием из греческого *ἄχωνη* (*anchone*). Данная версия действительно находит подтверждение в этимологическом словаре латинского языка Вальде–Гофмана, где заимствование *angina* из *ἄχωνη* допускается через промежуточный гипотетический вариант *ancīna* [22, с. 47]. Такой вариант теоретически возможен, если учесть, что *angina* в латинском языке появляется только в языке комедий Плавта (III–II вв. до н. э.), в котором очень много заимствований из греческого, а эти заимствования начались еще с самой ранней истории латинского языка (VIII–VII вв. до н. э.) при непосредственных тесных контактах древних италийцев с жителями греческих колоний [12, с. 125–130]. Наиболее подробно состав греческих заимствований в латинском языке классического периода рассмотрен в исследовании Оскара Вайзе «Die griechischen Wörter im Latein» [22]. Однако в нем мы не находим слова *angina* среди греческих заимствований, определенных автором данного исследования. В этимологическом словаре латинского языка Эрну–Мейе версия заимствования *angina* из *ἄχωνη* отвергается на том основании, что в греческом языке со времен Гиппократов уже существовало название болезни, понимаемой сегодня как «ангина», в форме *συνάγχη* (*synanche*), в то время как существительное *ἄχωνη* употреблялось не в медицинском значении, а в смысле «удушение» или «повешение» [19, с. 47].

Следует учитывать и то, что греческое *ἀχόνη* является производным не от *ἄχχω* непосредственно, а от глагола *ἀχχονᾶω* (*anchonao*), производного от *ἄχχω* [20, с. 17].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что на сегодняшний день, при отсутствии более убедительных доказательств заимствования латинское *angina* от греческого *ἀχχόνη*, данное слово следует считать производным от латинского глагола *ango, angere* — сжимать, сдавливать, беспокоить. Однако, определившись с этимологическим статусом существительного *angina*, попытаемся разобраться и с его статусом акцентологическим.

При просмотре слова *angina* в лексикографических источниках бросается в глаза разноречивость в оценке долготы его гласного *-i-* в составе суффикса *-in-*: в одних словарях [23, с. 129] этот элемент определяется как краткий, а в других [2, с. 58] — как долгий. В. Ф. Новодранова, анализируя словообразовательную продуктивность суффикса *-in-* в латинском языке классического периода, рассматривает вариант данного суффикса только с долгим гласным, в том числе и в тех случаях, когда этот суффикс в соединении с производящей глагольной основой образует название действия или его результата, напр.: *ruere* — рушиться, падать → *ruīna* — обвал, падение, *garere* — хватать → *garīna* — грабеж, захват [6, с. 121]. Однако, по данным этимологических словарей, в латинском языке немало существительных, образованных от глагольной основы настоящего времени с формантом *-in-*, в котором гласный краток, ср.: *angere* — душить, сдавливать, стеснять → *angīna* — горловая жаба, воспаление горла; *rangere* — вколачивать, вдавливать → *pagīna* — страница; *sarcere* — поправлять, снабжать → *sarcīna* — связка, тюк, индивидуальное снаряжение солдата [19, с. 722]. Таким образом, следует считать гласный *-i-* в составе слова *angīna* кратким и правильное ударение должно быть *ángīna*. Нам представляется, что включение существительного *angīna* в материал исследования В. Ф. Новодрановой с учетом как этимологических, так и акцентологических аспектов данной лексемы стало бы авторитетным ориентиром для создателей лексикографической литературы, и прежде всего для авторов медицинских словарей.

Перейдем к этимологии термина «фурункул», которым в медицине обозначают гнойное воспаление волосяного мешочка и окружающей его подкожной клетчатки. Этимон данного термина — существительное *furunculus* зафиксировано в словарях латинской лексики античного периода уже с тем же медицинским значением, с которым данное заимствование употребляется и в наши дни [2, с. 342; 23, с. 750]. Однако любопытно то, что в некоторых медицинских словарях латинский этимон данного термина *furunculus* переводится как «воришка» и рассматривается как деминутив от *fur, furis m* — вор [9, I, 700]. В латинско-русском словаре И. Дворецкого представлены две отдельные лексемы существительного *furunculus, i m*: I 1) воришка, мелкий вор; 2) боковой отпрыск на виноградной лозе; II чи-

рей, фурункул [2, с. 342]. Такое деление как бы подразумевает различную этимологию данных двух слов в первом и втором пунктах, иначе их можно было бы объединить в одной статье, предоставив все возможные виды значений. Но тогда закономерно возникает вопрос об этимологии латинской лексики **furuncūlus, i m** в значении «чирей, фурункул». По этому поводу в этимологических словарях латинского языка мы находим единое мнение: существительное **furuncūlus, i m** в значении «чирей, фурункул» действительно этимологически связано с существительным **fur, furis m** — вор [20, с. 403; 22, с. 569]. Однако эта связь не прямая, а опосредованная, так как **furuncūlus, i m** в значении «чирей, фурункул» рассматривался в античности первоначально как «нечто ворующее» в двух аспектах: 1) как ложный боковой побег на виноградной ветке, «похищающий» сок и силу из главной ветки, или 2) как мелкий хищный зверек хорёк, похищающий домашних птиц [20, с. 403]. Как форма десубстантивного деминутива, образованная с помощью суффикса **-uncul-** [23, с. 750], существительное **furuncūlus** имеет, по подсчетам В. Ф. Новодрановой, многочисленные аналоги в латинском языке (165 единиц) [6, с. 117]. В качестве примера можно привести такие деминутивы, как **homunculus** (человечек) ← **homo, hominis** (человек), **pedunculus** (ножка) ← **pes, pedis** (нога), **caruncula** (мясо) ← **caro, carnis** (мясо). Таким образом, термин фурункул (чирей) действительно восходит к латинскому **furuncūlus**, деминутиву существительного **fur, furis m** — вор, но в античное время это слово ассоциировалось не с малолетним или ничтожным воришкой, а с образованиями растительного или животного мира (побег на виноградной ветке, хорёк), которые по мелкому воруют нечто не принадлежащее им. В случае фурункула подразумевалось, видимо, то, что чирей «ворует» питательные вещества из прилежащих тканей.

Можно встретить еще две версии происхождения существительного **furuncūlus, i m** в значении «чирей, фурункул». Авторы некоторых словарей это слово связывают с глаголом **ferveo, fervēre** — кипеть, подразумевая первичную форму **fervunculus** [8, II, с. 692], или с прилагательным **furvus** — черный, подразумевая первичную форму **furvunculus** [1, с. 172]. Однако, проанализировав в этимологических словарях латинского языка Эрну–Мейе и Вальдэ–Гофмана значения и производные лексем **fervere** и **furvus**, мы не нашли среди них производных **fervunculus** или **furvunculus**, а поэтому считаем две указанные выше версии происхождения слова «фурункул» лингвистически необоснованными.

А сейчас рассмотрим этимологию слова «бакалавр» (устаревшее — баккалавр), получившем в наше время широкое распространение в связи с введением двухступенчатой системы высшего образования, в которой первая ступень — это бакалавриат, а вторая ступень — магистратура. Бакалавриатом (от новолатинского слова **baccalaureatus, us m**, см. об этом слове ниже) считается первая ступень высшего образования в странах Европы, участвующих в т. н. Болонском процессе, в том числе Беларуси и Украины,

при котором студент после первых 3–4 лет учебы получает степень и диплом бакалавра. Затем, продолжая учебу, он может получить степень и звание магистра. Такая организация учебы традиционна для западноевропейских университетов, и существует уже много столетий. Статут бакалавра позволял молодым людям в Западной Европе занимать довольно достойное положение в обществе, образ бакалавра часто встречается и в художественной литературе. Например, в знаменитом романе Сервантеса «Дон Кихот», выступает «высокоумный» ученый бакалавр Самсон Карраско, принимающий деятельное участие в исцелении главного персонажа романа от его рыцарских химер. Но среди лингвистов до сих пор нет единого мнения о происхождении слова «бакалавр».

Чаще всего в словарях иностранных слов, например в известном «Толковом словаре иноязычных слов» Л. Крысина, дается объяснение, что слово «бакалавр» — это производное от латинского **baccalaureus** — увенчанный лаврами [5, с. 110]. В «Этимологическом словаре русского языка» Макса Фасмера это объяснение уточняется: бакалавр — из лат. *vassalaureus*, первоначально *bassā laureatus* — увенчанный лавром [13, с. 100]. Однако «увенчанный лавром» в латинском языке античного периода — это только прилагательное **laureatus**, образованное от *laurea* (лавровое дерево) с помощью суффикса *-ātus* [22, с. 1010]. В соответствии с античной мифологией, лавровый венок впервые возложил на свою голову бог Аполлон, который воспылил страстью к нимфе Дафне и погнался за ней, но по просьбе нимфы боги превратили ее в лавровое дерево — латинское **laurus**. В память о любимой Аполлон стал носить на голове лавровый венок. Рассказав эту историю в «Метаморфозах» (I, 450–567), римский поэт Овидий не преминул вставить в уста Аполлона лестное для римлян пророчество, обращенное к изменившей форму Дафне:

Деревом станешь моим, — говорит — принадлежностью будешь
Вечно, лавр, моих ты волос, и моей любимой кифары.

Будешь латинских вождей украшеньем, лишь радостный голос

Грянет триумф и узрит Капитолий процессии празднеств.

И как моей головы вечно юн нестриженный волос,

Так же носи на себе свои вечнозеленые листья.

(Перевод С. Шервинского)

На античных скульптурных изображениях Аполлона отчетливо заметен его лавровый венок. В императорском Риме, поскольку ношение царской короны было под запретом, как и сам титул царя, императоры носили вместо нее лавровый венок. Из знаменитых римлян особенно любил носить венок из лавровых листьев Гай Юлий Цезарь. Историк Светоний говорит, что сенат разрешил ему, как пятикратному триумфатору, носить такой венок, когда ему захочется, но многие в Риме насмешливо говорили, что делает Цезарь это не ради славы, а для того, чтобы прикрывать свою лысину [10, с. 32]. Но лавровым венком в Риме, как и в Греции, также награждали

победителей в соревнованиях певцов, поэтов и музыкантов, и такой человек назывался в Риме **laureātus** — увенчанный почетным лавровым венком. Отсюда слово **лауреат** в русском языке — человек, награжденный почетной премией, например, лауреат нобелевской премии или нобелевский лауреат. Употребляется также выражение «почивать на лаврах», то есть заслуженно пожинать плоды своей славы, добытой в какой-то сфере деятельности. Однако если **laureātus** уже по своему значению a priori может предполагать какую-то связь с награждением почетным лавровым венком соискателя первой университетской степени — бакалавра, то какое отношение к слову *vassalaureus* имеет слово *басса* (= *basca*)?

В словарях латинского языка античного периода слово *басса* (= *basca*) имеет значение «ягода» или «плод», а еще в сочетании *basca Minervae* (ягода Минервы) — значение «олива», т. е. «оливковое дерево» [2, с. 32; 23, с. 222], но не «лавровое дерево», а тем более не «лист» или «ветка лавра». Венки в античности составлялись только из веток с листьями лавра, но без примеси ягод этого дерева [25], да и ни на одном из античных изображений лаврового венка не заметно ягод этого дерева, как и не сохранилось свидетельств в античной литературе о размещении плодов лавра на венках. Изображение лаврового венка без ягод, кстати, присутствует на гербе современной Греции. Кроме того, выражение *bassā laureatus* не выдерживает правил синтаксиса латинского языка и вообще трудно поддается буквальному переводу (буквально было бы что-то вроде «увенчанный лавром ягодой»). Поэтому правы те лингвисты, которые считают, что сближение гипотетического выражения *bassā laureatus* с **baccalaureus** — это так называемая народная этимология, не имеющая научных оснований [17, с. 14].

Обзор других версий этимологии слова «бакалавр» довольно подробно представлен в статье «Баккалавр» Энциклопедического словаря Брокгауза–Ефрона [16, с. 736–737]. Наиболее обоснованной из них мы считаем версию происхождения и эволюции средневекового латинского слова **baccalaureus** — бакалавр, предложенную французским филологом Шарлем Дюканжем (Charle du Cange), приведенную в указанном выше энциклопедическом словаре и обоснованную в трехтомном «Словаре средневековой и варварской латыни (*Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis*)» этого ученого [19]. Он считает, что первоисточником слова **baccalaureus** стало название «*baccalarius*» («*bacalarius*»), которое в средние века давалось молодым неженатым людям — владельцам небольшого сельского имения с пастбищем — баккаларием, по латыни *baccalaria* (от испанского варианта произношения латинского **васса** — корова). Затем, считает Дюканж, с мелкого сельского обывателя название «*baccalarius*» перешло на деревенских мелкопоместных дворян, которые за недостаточностью средств являлись в ополчение одни, без подчиненных им вассалов. Звание «*baccalarius*» присваивалось и лицам духовным: «церковными» баккалариями (*baccalarii Ecclesiae*) называли лиц всех духовных низших ступеней. В смысле академического

звания слово «*baccalarius*» уже в форме «*baccalaureus*» — «бакалавр» стало употребляться в европейских университетах с XIII в. Первоначально звание это было введено в богословский факультет Парижского университета папой Григорием IX (1227–1241 гг.) для обозначения тех студентов, которые выдержали соответствующее испытание и защитили великопостный диспут, и вследствие этого получали право носить красную камилавку. Со временем это звание перешло и в другие факультеты и из Парижа распространилось по всей Западной Европе. В XV в. бакалаврами (*baccalaureus*), а также в национальных версиях (франц. *Bachelier*, англ. *Bachelor*, итал. *Bacceliere*, исп. *Bachiller*) называли всех студентов западноевропейских университетов, выдержавших первое испытание, необходимое для достижения высших научных степеней — лиценциата, магистра, доктора при обучении на богословском, юридическом, медицинском и прочих факультетах.

На основании этого обширного экскурса в статью энциклопедии Брокгауза–Ефрона, текст которой в достаточной мере обоснован ссылками на научную литературу, мы считаем возможным предположить, что в стенах средневековых университетов, в которых не прерывалась античная традиция награждения лавровыми венками победителей соревнований, в том числе и победителей во всевозможных диспутах, включая самый важный великопостный диспут («детерминацию»), а также награждение лавровым венком получателей ученых степеней, произошло сближение и объединение слов ***baccalarius*** и ***laureatus***. В частности, Дюканж в своем упомянутом выше словаре в статье *BACCALARII* называет магистрами тех, которые последовали за «лаврами звания доктора наук» (*magistri iidem sunt, qui Doctoris laurea consecuti sunt*). Слово *laurea* (лавр), которое здесь приведено, уже явно употреблено в значении символа и награды соискателя ученой степени как синоним выражения «лавровый венок». А первоначальным итогом объединения слов ***baccalarius*** и ***laureatus*** вполне могло стать слово ***baccalaureatus*** — бакалавриат, низшая академическая степень, которой удостоивался носитель этой степени — ***baccalaureus*** или ***bacalaureus*** (бакалавр). Естественно, мы не можем исключить и такой версии, что ***baccalaureatus*** явилось образованием, возникшим на основе ***baccalaureus***. Со временем последнее слово утратило смысловую связь со своим первоначальным социально-сословным значением ***baccalarius***, и закрепилось исключительно за сферой университетского образования. Такова, на наш взгляд, наиболее достоверная история происхождения наших современных понятий «бакалавр» и «бакалавриат». Поэтому надеемся, что, ознакомившись с результатами нашей работы, авторы научных трудов больше не станут толковать слово **бакалавр** как «увенчанный лаврами», а тем более не станут выводить это слово от латинского (!?) *bachelier* — молодой рыцарь [11, с. 109].

Содержание нашей статьи может в очередной раз засвидетельствовать тот факт, что этимологические разыскания требуют не только знания классических языков, но и кропотливой работы с этимологическими словарями

и лексиконами этих языков. Если же пренебречь этими правилами, то в результате могут появиться такие работы, как, например, «Этимологический словарь. Античные корни в русском языке» А. Г. Ильяхова [4], в котором можно найти огромное количество ошибочных сведений по этимологии лексики античного происхождения. Перечень этих ошибок и их исправление могли бы составить материал для многих статей. Например, слово «дрожжи» А. Г. Ильяхов выводит от несуществующего греческого глагола draggo, слово клоака выводит не от латинского cluo — чистить, а от греческого klyso (!?), слово «метр» — не от греческого metron, а от латинского metro, et caetera, et caetera. Удивляться этому не приходится, поскольку в библиографическом списке к этому словарю не представлены этимологические словари ни русского, ни латинского, ни греческого языков [4, с. 441–442]. И будет очень жаль, если словарь А. Г. Ильяхова, содержащий большое количество ошибок не только лингвистического, но и культурно-исторического плана, станет источником дезинформации для многих читателей. Ведь как может автор этого словаря всерьез утверждать, например, что греческий поэт Пиндар, «занимаясь недомоганиями человека, разделил их на два сезона: зиму и лето, и причислил ангину к зимним болезням» [4, с. 35]. Ведь греческий поэт Пиндар, живший, кстати, не в I веке до н. э., как утверждает А. Г. Ильяхов, а в VI–V веках до н. э., был певцом олимпийских состязаний и доблести их победителей, и ни в одном из его произведений, судя по их переводу на русский язык, выполненному М. Гаспаровым [7], нет упоминаний о каком-либо заболевании. Поэтому еще раз подчеркнем: этимологические или семантические исследования лексики, имеющей античные корни, должны вести специалисты, не только знающие античные языки и реалии античной истории и культуры, но и умеющие пользоваться этимологическими словарями этих языков. Точность должна быть не только «вежливостью королей», но и первейшей обязанностью каждого исследователя в любой сфере науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Медицинская терминология на пяти языках: Latinum, Russicus, English, Francicus, Deutch* / авт.-сост. Г. Д. Арнаудов. – София : Медицина и физкультура, 1964. – XXIV. – 1029 с.
2. *Дворецкий, И. Х.* Латинско-русский словарь: ок. 50 000 слов. – 3-е изд., испр. / И. Х. Дворецкий. – М. : Рус. яз., 1986. – 840 с.
3. *Дворецкий, И. Х.* Древнегреческо-русский словарь: ок. 70 000 сл. : в 2 т. / И. Х. Дворецкий. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1958. – 2 т.
4. *Ильяхов, А. Г.* Этимологический словарь. Античные корни в русском языке / А. Г. Ильяхов. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГ, 2016. – 448 с. (Настол. слов. рус. яз.)
5. *Толковый словарь иноязычных слов: наиболее употребительная иноязычная лексика, вошедшая в русский язык в XVIII–XX и начале XXI века: ок. 25 000 сл. и словосочетаний* / авт.-сост. Л. Н. Крысин. – М. : Эксмо, 2009. – 939 с. (Б-ка словарей)
6. *Новодранова, В. Ф.* Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии. *Laterculi vocum Latinarum et terminorum* : монография / В. Ф. Ново-

дранова ; РАН, МГМСУ, Ин-т языкознания. – М. : Яз. славян. культур, 2008. – 321 с. (Studia philologica)

7. *Пиндар, В.* Оды. Фрагменты / В. Пиндар ; изд. подг. М. Л. Гаспаров. – М. : Наука, 1980. – 503 с.

8. *Українсько-латинсько-англійський медичний тлумачний словник: близько 33 000 термінів* : в 2 т. / за ред. М. Павловського, Л. Петрух, І. Головка. – Львів : Словник, 1995. – Т. 1. – 651 с.; Т. 2. – 786 с.

9. *Рудзитис, К.* Латинско-русско-латышский словарь медицинских терминов : в 2 т. / К. Рудзитис. – Рига : Лиесма, 1973–1977. – 2 т.

10. *Светоний, Т. Г.* Жизнь двенадцати цезарей / Т. Г. Светоний ; пер. с латыни М. Л. Гаспарова. – М. : Правда, 1988. – 512 с.

11. *Смирнова, Е. Д.* Повседневность Средневековья = Medium Aevum Quotidianum / Е. Д. Смирнова. – Минск : Изд. Центр БГУ, 2010. – 152 с.

12. *Тронский, И. М.* Очерки из истории латинского языка / И. М. Тронский. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1953. – 272 с.

13. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1987. – Т. 1 А–Д. – 576 с.

14. *Цисык, А. З.* К проблеме важности и достоверности этимологических справок в современной словарно-справочной литературе по медицинской терминологии / А. З. Цисык // Теория и практика профессионально ориентированного обучения иностранным языкам : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 10–12 мая 2018 г. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол.: Н. С. Кухаренко (гл. ред.), Н. А. Круглик. – Минск : МИТСО, 2018. – С. 180–183.

15. *Историко-этимологический словарь современного русского языка* : в 2 т. / авт.-сост. П. Я. Черных. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 2001. – Т. 1 А – Пантомима. – 624 с.

16. *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона* / под ред. проф. И. Е. Андреевского. – СПб. : Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1891. – Т. 2 Ауто – Банки. – С. 736–737.

17. *Этимологический словарь русского языка* : в 2 т. / МГУ, Филол. фак. ; авт.-сост. Н. М. Шанский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1965. – Т. 1, вып. 2 : Б. – 270 с.

18. *Duboi, J.* Dictionnaire étymologique et historique du Français / J. Duboi, H. Mitterand, A. Dauzat. – Paris : Larousse, 2007. – 893 p.

19. *Glossarium mediae et infimae Latinitatis* : in 6 vol. / Du Cange [et al.]. – Niort : L. Favre, 1883–1887. – Vol. 1. – URL:<http://ducange.enc.sorbonne.fr> (дата обращения: 15.03.2020).

20. *Ernout, A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine: histoire des mots / A. Ernout, A. Meillet. – Paris : Éd. C. Klincksieck, 1939. – XXI + 1184 p.

21. *A Greek-English Lexicon* / comp. by H. G. Liddell and R. Scott. – Oxford : Clarendon Press, 1996. – 2042 + 320 p.

22. *Lateinisches etymologisches Wörterbuch* / von A. Walde. – 3, neubearb. Aufl. von J. B. Hofmann. – Heidelberg : Carl Winter's Univ. Verl., 1938. – Bd. 1 : A–L. – 872 s.

23. *Oxford Latin Dictionary* / comp. by P. G. W. Glare. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1968. – XXIII + 2126 p.

24. *Weise, O.* Die griechischen Wörter im Latein / O. Weise. – Leipzig : Hirzel, 1882. – VIII + 546 s.

25. *Энциклопедия знаков и символов*. – URL: www.symbolarium.ru/index.php/Лавр (дата обращения: 17.03.2020).

Впервые опубликовано: Классические языки в современном профессиональном образовании : сб. ст. / Казан. гос. мед. ун-т ; сост. И. А. Россохина ; под. ред. Н. Г. Николаевой, А. В. Ермошина. – Казань : ФГБОУ ВО Казан. ГМУ, 2022. – С. 8–18.

ЭТИМОЛОГИЯ НА ЗЛОБУ ДНЯ

Пандемия коронавируса, постигшая нашу планету, оказалась воистину эпохальным событием, накладывающим отпечаток на все сферы жизни, в том числе и на сферу высшего образования. И хотя большинство ее учреждений переходит на дистанционную форму обучения, каждое учебное подразделение не прекращает методической и научной деятельности. Принимая решение о традиционном участии в данной научной конференции, мы при выборе лингвистической темы данного доклада посчитали актуальным представить исследование этимологии важнейших понятий, связанных с коронавирусной пандемией. В число исследуемых понятий мы включаем не только те, которые часто звучат в средствах массовой информации в контексте известий о пандемии, но и некоторые термины медицинского характера, связанные с предупреждением болезни, ее определением и лечением. Думается, что материал статьи будет интересен не только преподавателям-латинистам, но и преподавателям других специальностей, а также сможет быть использован в различных видах работы со студентами.

Итак, начнем с ключевого слова нашей работы — термина «коронавирус». Его название состоит из двух частей. В первой части — известное всем слово «корона», которое присутствует в названии из-за шиповидных отростков, на оболочке вируса и напоминающих корону солнца при его затемнении. Слово «корона» пришло к нам из латинского языка, в котором **corōna** имело значение «венец», а римляне заимствовали это слово из греческого **korōnē** со значением «венки», «венец» [2, т. 1, с. 431]. Интересно, что у древних греков для обозначения венка было также слово **stéphanos** [4, с. 1642], послужившее этимологом имени Степан и других его разновидностей в европейских языках.

Вторая часть интересующего нас термина — «вирус» — также пришла к нам из латинского языка, в котором слово **virus** употреблялось в значении «яд» [5, с. 2074]. В современном значении «вирус» данное латинское слово ввел в научный обиход голландский микробиолог Мартин Байеринг в 1898 г. для обозначения некоего микроскопического биологического агента, отличного от микробов, который способен вызывать инфекционную болезнь. В интернете можно найти множество фантастических фильмов, в которых человечество сражается с различного рода смертоносными вирусами на земле и в космосе. Но один из таких фильмов, на наш взгляд, особо впечатляет. Это фильм «Вирус» режиссера Джона Бруно, снятый в 1999 г. В нем инопланетный разум, попавший на корабль с людьми в океане и готовящийся к захвату нашей планеты, называет людей вирусом, от которого нужно освободить землю. В этих ужасных словах, к сожалению, есть и доля истины, ибо за распространением коронавируса и гибелью многих сотен тысяч людей, несомненно, стоит или чья-то злая воля, или чья-то личная безответственность. И даже если человечество сейчас и преодолет последствия ко-

ронавирусной инфекции, то нет гарантии, что в будущем наша прекрасная планета не погибнет из-за каких-либо других антропогенных факторов.

Слово «пандемия» появилось во французском языке в XVIII в. (**pandémie**) [3, с. 585] и затем (возможно, через немецкий язык) в конце XIX в. вошло в русский лексикон. Оно возникло по образцу известного во французском языке с XII в. слова **épidémie** — эпидемия [3, с. 280], которое было заимствовано из средневековой научной латыни (**epidemia**). В латынь же слово **epidemia** вошло из древнегреческого языка, где слово **epidēmía** употреблялось уже в трудах Гиппократов [4, с. 630]. Слово **epidemia** в древнегреческом языке было создано на основе прилагательного **epídemos** — распространенный среди народа или довлеющий над народом и подразумевало синтаксическую и смысловую связь с существительным **pósos** — болезнь, т. е. болезнь, распространенная среди народа. С точки зрения морфологии прилагательное **epídemos** состоит из приставки **epí-** со значением «на», «над» и основы существительного **dēmos** — народ. Путем замены приставки **epí-** на **pan-** (греч. весь) и было создано французское слово **pandémie** — пандемия, буквально обозначающего «болезнь всего народа» или «болезнь всех народов», которое вошло в общеевропейский латинский медицинский лексикон.

Слово «инфекция» — латинского происхождения, восходящее к глаголу **inficere**, **inficere**, **inficere**, **inficere**, которое первоначально имело значение «пропитывать ткань краской», «окрашивать», а впоследствии приобрело значение «пропитывать ядом», «отравлять» [5, с. 898]. Именно на основе последнего значения отглагольное существительное **infectio** в научной латыни XIX в., когда с развитием бактериологии и вирусологии стали понятны причины заразных болезней и механизм их возникновения, приобрело значение «зараза» или «заражение», а в интернациональной лексической форме — **infection** — инфекция. Глагол «инфицировать» т. е. «заражать инфекцией» пришел в русский язык из латинского **inficere** через посредство немецкого глагола **infizieren**. Подобным образом через немецкий язык от формы глагола **desinfizieren**, образованного от средневекового латинского глагола **desinficere** (приставка **de-** со значением «удаление» + **inficere**) в русский язык пришло и слово «дезинфицировать».

При определении того, инфицирован ли человек коронавирусом или нет, применяются специальные тесты. Слово «тест» пришло к нам из английского языка (**test**), в котором оно имеет значение «испытание», «исследование». Английское же **test** восходит к старофранцузскому слову **test** — названию специального сосуда, с помощью которого по объему вытесненной воды проверяли драгоценные металлы и камни [3, с. 824]. Это слово, в свою очередь, восходит к латинскому **testum, in** (глиняный сосуд), которое одного корня с существительным **testa, ae f** (сухая земля или обожженный кирпич). Важно отметить, что анализ семантики слов **testum** и **testa**, как и их производных [5, с. 1931-1932] свидетельствует о том, что эти слова

не имеют этимологического родства с существительным **testis, is m** (свидетель, очевидец), лежащим в основе таких известных слов как «аттестат» или «аттестация» [1, т. 1, с. 58-59], так как *testis* восходит к архаичному латинскому числительному *tris* (три) и глаголу *stare* (стоять) [5, с. 1931-1932]. Таким образом, *testis* первоначально воспринимался как «посредник» или «третейский судья». Это подтверждает и тот факт, что латинское существительное *testimonium, i n* (свидетельство), восходящее к *testis, is m*, стало этимологом французских слов *temoin* (свидетель), *temoignage* (свидетельство) и *temoigner* (свидетельствовать) еще в XII в., в то время как *test*, заимствованное из английского языка в значении «доказательство», «экзамен», фиксируется во французском языке только с 1895 г. [3, с. 819, 824]. По образцу многих заимствованных через немецкий язык глаголов (инфицировать, регулировать, стимулировать *et caetera*) в русский лексикон в прошлом веке вошло и слово «тестировать».

В связи с повсеместным распространением эпидемий в Европе с XIV в. начали вводить карантин. В русский язык это слово пришло через французское **quarantaine** от итальянского **quarantena** — сокращения от *quaranta giorni*, букв. «сорок дней» [1, т. 1, с. 379]. Именно в итальянской Венеции в XIV веке был впервые введен карантин для кораблей, прибывающих из стран, охваченных эпидемиями. В случае карантина корабли должны были сорок дней оставаться на якоре в море на определенном расстоянии от причала, а их экипажам запрещалось любое общение с берегом. Считается, что именно такое количество времени было определено по образцу поста Иисуса Христа, который, согласно Евангелиям, перед началом проповеднической деятельности на сорок дней в пустыне изолировал себя от всяческого общения с людьми.

Состояние карантина тесно связано с изоляцией или самоизоляцией людей, т. е. с лишением их возможности непосредственного общения с другими людьми и с окружающей средой. Слово «изоляция» заимствовано от французского **isolation** (изоляция, лишение возможности общения со всеми окружающими), которое восходит к итальянскому глаголу **isolare** (заключить на острове), поскольку данный глагол восходит к существительному *isola* (остров), образовавшемуся из латинского слова **insula** (остров) [3, с. 433]. Кстати, в наше время многие слышали о слове «инсулин» — препарате гормона поджелудочной железы, жизненно необходимом при сахарном диабете, а название этого препарата образовано от латинского слова *insula* (остров), поскольку данный гормон вырабатывается клетками островков Лангерганса поджелудочной железы.

Во время эпидемий нередко применяется **обсервация** — изоляция в специально приспособленных помещениях людей, прибывающих из местностей, где наблюдались случаи заболевания, для медицинского наблюдения в течение двух недель. Цель такой обсервации — определить наличие заболевших. Это особо актуально в наше время, когда тысячи лю-

дей возвращаются из деловых поездок или отдыха в странах, где замечены случаи заболевания коронавирусной инфекцией. Слово «обсервация» заимствовано из латинского языка (**observatio**) и буквально обозначает «наблюдение» [5, с. 1221].

Чтобы избежать заражения коронавирусной инфекцией, настоятельно рекомендуется соблюдать меры профилактики заболевания. Профилактикой считается совокупность предупредительных мероприятий, позволяющих избежать заражения и заболевания, а слово «профилактика» образовано на основе древнегреческого прилагательного **prophylaktikós** (охраняющий, предупредительный). Субстантивированная форма множественного числа среднего рода древнегреческого прилагательного **prophylaktikon** — **(ta) prophylaktiká**, букв. «(все) профилактическое», «предохраняющее» через латынь и, возможно, через польский язык (*profilaktyka*) вошла в лексикон русского языка. По такому же образцу созданы десятки известных названий, пришедших к нам из древнегреческого языка: ботаника, клиника, математика, фармацевтика, физика и др. [1, т. 2, с. 514]. В данном случае мы исключаем прямое заимствование из французского или немецкого языков, поскольку в них эквивалентами понятия «профилактика» являются несколько иные лексемы, созданные на основе древнегреческого **prophylaktikós**: *prophylaxie* во французском [3, с. 671] и заимствованные от данного слова *Prophylaxe* или *Prophylaxis* в немецком. Впрочем, в том и другом языке для понятия «профилактика» в последнее время употребляются слова *prévention* и *Prevention* соответственно, восходящие к латинскому глаголу *praevenio*, *praeveni*, *praeventum*, *ire* (предупредить, упредить) [5, с. 1449].

Для профилактики заражения на протяжении эпидемии коронавируса настоятельно рекомендуется применять антисептические средства. Слово «антисептический» обычно употребляется в значении «относящийся к антисептике» или «обладающий обеззараживающим действием». Антисептикой же называется комплекс мероприятий, направленных на уничтожение микроорганизмов-возбудителей инфекционных заболеваний с помощью антисептиков — специальных средств, обладающих свойствами обеззараживания (йода, борной кислоты, марганцовки и др.). Термин «антисептический» пришел в русский язык из французского, где в XVIII в. на основе греческой приставки *anti-* (противо-) и древнегреческого прилагательного *septikós* (гнилостный) было образовано прилагательное **antiseptique** — антисептический или противосептический [3, с. 760].

Одно из правил антисептики во время эпидемии — надевать на лицо маску для недопущения инфицирования. Слово «маска» заимствовано в начале XVIII в. из французского языка, где слово **masque** образовалось из итальянского *maschera*, восходящего к арабскому *máskhara* — насмешка [1, с. 180]. Интересно отметить, что европейские языки не ассимилировали ни древнегреческого слова *prosopéion* [4, с. 1533], ни латинского слова *persona* [5, с. 1356] в значении «маска», несмотря на многовековую историю

театрального искусства в Европе, основанную на античных традициях использования театральных масок.

Весьма важным фактором, позволяющим остаться здоровым во время массовых вспышек болезней, является надлежащий уровень иммунитета организма. В медицине **иммунитет** понимается как невосприимчивость (устойчивость) организма к инфекционным и неинфекционным агентам и веществам. Данный термин пришел в русский язык в середине XIX в. как заимствование от немецкого Immunität, образованного от формы родительного падежа immunitatis латинского существительного **immunitas**, букв. «освобождение, льгота от повинностей» (im- приставка со значением «отрицание», munus — обязанность, услуга) [2, т. 1, с. 344]. Слово «иммунитет» получило современное медико-биологическое значение в русском языке, как и в его западноевропейских эквивалентах, с конца XIX в., когда науке стали более понятны сущность и функции иммунитета в жизни организма человека.

Одним из показателей заболевания коронавирусной инфекцией является высокая температура заболевшего человека. Термин «температура» восходит к латинскому существительному **temperatura**, которое в античное время имело значение «надлежащее смешение», «правильное соотношение составных частей», «соразмерность» производному от глагола tempĕro, temperāvi, temperātum, āre со значениями «умерять», «подогревать или охлаждать», «смешивать в надлежащем соотношении» [5, с. 1913]. В XVI в. во французском языке слово **temperature**, образовавшееся из латинского temperatura, приобрело значение «степень (уровень) тепла» [3, с. 819], а затем в значении «величина, характеризующая тепловое состояние какой-то системы», использовалось в XVII в. в работах французского физика Эдма Мариотта и англо-ирландского физика Роберта Бойля. С XVIII в. слово «температура» входит в русский язык.

Интересно отметить, что слово «температура» и по морфологическому составу, и по своим латинским истокам тесно связано со словом «темперамент». Мало того до XVII в. в трудах европейских ученых латинские слова temperature и temperamentum были равнозначны по смыслу. В наше время слово «темперамент» понимается как «совокупность психических свойств человека, характеризующих степень его возбудимости и проявляющихся в его отношении к окружающей действительности и его поведении» [2, т. 2, с. 235]. Как известно, понятие о темпераменте человека возникло еще в древнегреческой медицине. Гиппократ (VI в. до н. э.) предположил, а Гален объяснил темперамент как индивидуальное отношение внутренних химических систем человеческого организма, с преобладанием одного из «жизненных соков» (четырёх элементов) — слизи (греч. phlégma), крови (лат. sanguis), желчи (греч. cholé) и «черной желчи» (греч. melaina cholé). Слово «темперамент» восходит к латинскому существительному **temperamentum** — надлежащее соотношение частей, соразмерность, и является

производным глагола *tempĕro, temperāvi, temperātum, āre*, который, как мы указали выше, составил производящую основу существительного *temperatura*. Следует также отметить, что античная концепция четырех темпераментов до сих пор оказывает влияние на литературу, искусство и науку. Причина «живучести» теории Гиппократ–Галена в том, что они впервые описали четыре типа поведения, действительно связанные с дисбалансом в нейрохимических системах, которые проявляются как психиатрические профили. Эти профили узнавались человечеством более 2500 лет и отражены в международных классификациях психических расстройств. Кстати, считается, что сангвиники легче всего переносят трудные жизненные ситуации, в том числе и времена массовых эпидемий.

Коронавирусная инфекция вызывает тяжелую форму пневмонии, то есть острого инфекционного воспаления легких. Слово «пневмония», которое образовано от основы древнегреческого существительного *pneúmon* (легкое), встречается в лексике древнегреческого языка (**pneumonía**) в значении «лёгочная болезнь» [4, с. 1424]. Затем данный термин вошел в медицинский лексикон средневековой латыни и был воспринят практически всеми европейскими языками. Во французском языке, в частности, это слово (*pneumonía*) фиксируется с начала XVIII в. [3, с. 641], и в XIX в. через французский или немецкий язык оно вошло и в русский медицинский лексикон.

Обнаружение болезни в тяжелой форме требует немедленной госпитализации — помещения в стационар больницы. Слово «госпитализация» заимствовано в конце XIX – начале XX вв. из французского языка (**hospitalisation**), где оно фиксируется с 1866 г. [3, с. 403]. История этого слова начинается с латинского существительного *hospes, hospitis m* (гость), от основы которого образуется прилагательное *hospitalis, e* (гостевой, относящийся к гостю), выражения *domus hospitalis* (дом для приема гостей) и существительного *hospitium, i n* (приют, пристанище) [5, с. 806-807]. В средние века из латинского *hospitium* и прилагательного *hospitalis* во французском языке образуются существительное *hospice* со значением «приют», «богадельня», «больница» и прилагательное *hospitalier* со значением «больничной, госпитальный». На базе этих слов в начале XVIII в. возникает глагол **hospitaliser** (госпитализировать, помещать в больницу) и несколько позже, как было указано выше — и существительное **hospitalisation** [3, с. 403].

При первых признаках какого-нибудь респираторного заболевания мы или спешим в поликлинику по месту жительства, или вызываем из этой поликлиники своего участкового терапевта. Слово «поликлиника», которое сегодня определяется как «медицинское учреждение, обслуживающее проходящих больных, а также по вызову и на дому врачебной помощью по различным специальностям» [2, т. 2, с. 52], в русском языке заимствовано в середине XIX в. из французского языка (**polyclinique**). Данное слово было образовано на основе древнегреческих слов **pólis** (город) и **klinikē** (*technē*)

(искусство лечения лежачего больного) [3, с. 644]. Интересно отметить, что первоначальный вариант *policlinique* в последнее время во французском языке уже оформляется как **polyclinique**. Но эта замена гласной **i** на **y** — это не просто смена орфографии, а изменение смысла первой части слова, включающего данный гласный. В варианте *policlinique* отражалась первоначальная ситуация с организацией поликлиник как исключительно городских учреждений для врачебной помощи заболевшим, причем эту помощь оказывал только один врач — специалист «на все случаи жизни». Однако в XX в. лечебные учреждения начинают появляться и в сельских местностях, а во-вторых, врачебная помощь в поликлиниках все больше дифференцируется, когда терапевт для определения правильного диагноза посылает пациента к невропатологу, урологу или к другому специалисту узкого профиля. Видимо, именно по этой причине первая часть слова **poli-** была заменена на **poly-**, поскольку последний словообразовательный элемент, заимствованный из древнегреческого, имеет значение «многий», «многочисленный». В результате этой замены французское *polyclinique*, как и английское *polyclinic*, сейчас толкуется как «лечебное заведение по многим медицинским специальностям» [2, т. 2, с. 52].

Мы упоминали о терапевте, как о враче первой инстанции, с которым мы обычно общаемся при простудных и других заболеваниях. Терапевтом считается врач, специализирующийся на лечении внутренних болезней человека без хирургического вмешательства. Название этого медицинского специалиста пришло в лексикон русского языка в конце XIX в. через французский язык (**thérapeute**) и восходит к древнегреческому существительному **therapeutēs** — заботящийся о ком-то или чем-то, в том числе и о больном, а затем и лечащий больного [3, с. 826].

При посещении поликлиники каждый пациент (от латинского **patiens, patientis** — страдающий, терпящий) [5, с. 1308] на приеме у врача-терапевта ждет от него постановки диагноза своей болезни. Слово «диагноз» обозначает «определение болезни на основании исследования больного». В русском языке данное слово появилось в середине XIX в. из французского (**diagnose**) или из немецкого языка (**Diagnose**). Истоки данного слова — в древнегреческом языке, где слово **diagnōsis** имело значение «распознавание», «различение» [1, т. 1, с. 249–250].

Таким образом, наш краткий обзор основных слов и понятий, связанных с постигшим весь мир пандемией коронавируса, показал, что все они восходят к лексике Античной Греции и Рима. И в связи с этим еще раз хотелось бы напомнить всем, насколько мир современных понятий обязан их античным первосоздателям, и как важно не только профессионалам-медикам, но и всем образованным и просвещенным людям помнить об истоках современной науки. Эпидемии приходят и уходят, но связь звеньев единой науки от античности до современности должна сохраняться всегда, пока будет существовать человечество.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Историко-этимологический словарь современного русского языка* : в 2 т. / авт.-сост. П. Я. Черных. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 2001. – 2 т.
 2. *Этимологический словарь русского языка* / авт.-сост. И. М. Шанский. – М. : Прозерпина, 1994. – 399 с.
 3. *Duboi, J. Dictionnaire étymologique et historique du Français* / J. Duboi, H. Mitterand, A. Dauzat. – Paris : Larousse, 2007. – 893 p.
 4. *A Greek-English Lexicon* / comp. by H. G. Liddell, R. Scott. – Oxford : Clarendon Press, 1996. – 2042 + 320 p.
 5. *Oxford Latin Dictionary* / comp. by Clare P. G. W. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1968. – XXIII + 2126 p.
- Впервые опубликовано: Теория и практика профессионально ориентированного обучения иностранным языкам : материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 29 мая 2020 г. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол. : О. А. Мясникова (гл. ред.), В. Б. Скроблевич. – Минск : МИТСО. – С. 140–146.*

ЯВЛЕНИЯ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ АНГЛОЯЗЫЧНЫМ УЧАЩИМСЯ АНАТОМИЧЕСКОГО И ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО РАЗДЕЛОВ КУРСА ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА

Межъязыковая интерференция — явление, которое присутствует в преподавании любого иностранного языка. Особенно возрастает роль этого явления в тех случаях, когда контактируют языки, которые сходны в отношении и орфографии, и лексики. Именно таковыми являются латынь и английский: английский оформляется графически на основе латиницы, а его лексика по количеству заимствованных латинизмов может конкурировать с романскими языками. Поэтому неудивительно, что любой курс латыни на английском языке всегда будет сталкиваться с фактами межъязыковой фонетической и лексико-грамматической интерференции: ведь общеизвестно, что в английском языке даже в группе самой употребительной лексики из двух тысяч слов содержится больше 50 % слов латинского происхождения [1]. Но количество таких слов значительно возрастает в английской медико-биологической лексике, в том числе в анатомической и фармацевтической. И здесь латинисту, преподающему курс латинского языка на английском, рано или поздно приходится задуматься над тем, способствуют ли сходные графологические и лексические факторы двух языков в преподавании учебного материала или, может, в какой-то мере они препятствуют этому? Из опыта преподавания анатомического и фармацевтического разделов англоязычного варианта курса медицинской латыни, которое осуществляется на основе англоязычного пособия для студентов специальности «Лечебное дело» в течении более десяти лет [2, с. 75–112], попытаемся выделить наиболее типичные случаи проявления таких интерференционных явлений и оценить их роль в освоении студентами учебного материала.

Усвоение правил фонетики латинского языка и их закрепление на материале анатомической терминологии помогает студентам корректировать в том или ином контексте произношение и письменное оформление семантически эквивалентных лексических структур латинского или английского языка. В этом плане им немало помогает англоязычный курс нормальной анатомии, даже если он и носит преимущественно устный характер, в отличие от курса латинского языка, где весь лексико-терминологический материал вводится и контролируется преимущественно в письменном виде. Однако в курсе анатомической латыни при огромном количестве визуально сходной латинской и английской лексики всегда существует проблема фонетической дифференциации такого рода лексем. Так, очевидно, что латинские термины **caecum**, **incisor**, **vagina** и их английские эквиваленты, совпадающие графически, будут звучать в устном произношении совершенно по-разному. К этой ситуации примыкают и те многочисленные случаи, когда латинские термины в аналогичной или слегка измененной форме употребляются в роли соответствующих английских эквивалентов, ср.:

Латинский вариант	Английский вариант
arbor vitae	arbor vitae
m. adductor digiti minimi brevis	adductor digiti minimi brevis
sinus venarum cavarum	sinus of venae cavae
sulcus corporis callosi	sulcus of corpus callosum

Нам представляется, что было бы намного целесообразнее и проще как для студентов, так и для всех других пользователей английской части Международной анатомической номенклатуры, если бы английские эквиваленты латинских терминов создавались и приводились на основе английской лексики, заимствованной из латыни и адаптированной к графическим и лексическим нормам английского языка. А в приведенных выше примерах терминов, которых в английском эквиваленте Международной анатомической номенклатуры очень много, мы видим некий странный гибридный новояз, который сбивает с толку и преподавателя-латиниста, и студента, лишая их четких и фонетических, и грамматических, и смысловых критериев.

Но даже и тогда, когда латинская лексика ассимилирована и выступает в английском варианте, англоязычному студенту нередко нужно уметь правильно корректировать финальную часть слова, которое в первой его половине графически идентично латинскому или близко к нему, ср.:

Латинский вариант	Английский эквивалент	Латинский вариант	Английский эквивалент
arteria	artery	margo	margin
cartilago	cartilage	mastoideus	mastoid
coccygeus	coccygeal	tendo	tendon
externus	external	ventriculus	ventricle

И особенно много проблем у англоязычных студентов вызывают те случаи, когда нужно правильно идентифицировать форму латинского или английского термина, пользуясь знанием соответствующих грамматических правил, если слова в обоих языках совпадают или почти совпадают, ср.:

Латинский вариант	Английский эквивалент	Латинский вариант	Английский эквивалент
sinus frontalis	frontal sinus	sinus frontales	frontal sinuses
nervi et suturae craniales	cranial sutures et nerves	glandulae salivariae minores	minor salivary glands
ossicula auditoria	auditory ossicles	divisiones anterior et posterior	anterior et posterior divisions
nuclei vestibulares	vestibular nuclei	termini generales	general terms

И здесь, естественно, к проблемам лексико-грамматическим, обусловленным интерференционными явлениями, добавляются и проблемы синтаксического порядка, связанных с отличиями в расположении существительных и прилагательных в многословном термине того и другого языка.

Таким образом, в анатомическом разделе курса латинского языка к положительным факторам межъязыковой интерференции можно отнести, скорее всего, только один: создание зрительных предпосылок для дальнейшего логического осмысления увиденной лексической формы. Но этот фактор в полной мере сработает только тогда, когда у студента на данный момент имеются уже определенные грамматические знания, предусмотренные данным уровнем изучения программного материала.

В понятийно и лексически новом для студентов-выходцев из стран Азии и Африки фармацевтическом разделе программы возникают и несколько иные области действия межъязыковой интерференции, отличные от тех, которые присутствуют в анатомическом.

Прежде всего, в фармацевтической латыни значительно возрастает роль орфографического фактора, так как безошибочное написание отдельных терминов и рецептов является основным требованием к качеству знаний студентов. В частности, приходится обращать внимание студентов на новые для них случаи несовпадения произношения сочетаний некоторых гласных и согласных в фармацевтической латыни и в английском языке. Это касается, прежде всего, произношения сочетания гласных **eu**, заимствованного из греческого языка, которое в латинском языке произносится как один слог [эу], подобно белорусскому [эў], а в английском так, как буква **u** в словах **university, use**. Соответственно нужно следить за правильным произношением таких латинских слов, как **Eucalyptus, Euphyllinum, seu** и других. Требуется внимания и соблюдение надлежащего произношения в латинском тексте сочетания **ch**, которое в латыни передается как русский звук [х], а в английском — как русские звуки [к] или [ч], сравним лат. **chloridum** и англ. **chloride**, лат. **chinensis** и англ. **Chinese**.

Среди латинских фармацевтических терминообразующих элементов (их в учебной литературе обычно называют частотными отрезками) встречаются элементы, образованные от древнегреческих слов, содержащих сочетания **ae** и гласный **y**. Эти сочетания встречаются, в том числе, в частотных отрезках **aeth-**, **oxy-**. Однако в английских эквивалентах латинских терминов с такими частотными отрезками сочетание **ae** упрощается до монофтонга **e**, а буква **y** заменяется буквой **i**, сравним:

лат. **aethylicus** – англ. **ethylic**

лат. **hydroxydum** – англ. **hydroxide** (но: лат. **Oxygenium** – англ. **oxygen**).

Орфографических несоответствий в семантически эквивалентной латинской и английской лексике немало. Поэтому следует уделять достаточно внимания вопросам сходства и различий орфографии в латинских и английских семантических эквивалентах терминов и предупреждению орфографических ошибок в каждом занятии.

Весьма часто встречаются проявления лексической интерференции, связанной с морфологическими изменениями латинских слов при их ассимиляции в английском языке. Отсюда у студентов возникают сложности с правильной передачей с английского на латынь слов, довольно близких по звучанию в обоих языках, ср.:

Латинский термин	Английский эквивалент	Латинский термин	Английский эквивалент
ascorbinicus	ascorbic	Iodum	iodine
emplastrum	plaster	rhizoma	rhizome
salicylas	salicylate	infusum	infusion

Система грамматических склонений и наличие грамматического рода существительных и прилагательных в латинском языке — основные две проблемы для англоязычных студентов из стран Азии и Африки, осваивающих основы латинской терминологии сквозь призму английского языка. Многие студенты даже после прохождения анатомико-гистологического раздела программы далеко не сразу понимают грамматические и смысловые отличия между похожими друг на друга формами фармацевтических терминов, например, лат. **suppositoria** (суппозитории) и англ. **suppository** (суппозиторий), между латинской формой **solutio** и английской **solution**. С другой стороны, многие студенты с трудом улавливают лексическую и смысловую общность между массой практически идентичных графически латинских и английских слов, например лат. **simplex** и англ. **simple**, лат. **spongia** и англ. **sponge**. И только к концу фармацевтического раздела в этом отношении замечается определенный прогресс.

Однозначно конструктивную роль межъязыковая интерференция должна играть в тех случаях, когда сравниваются латинские и английские названия лекарств. И здесь действует очень простая закономерность, которая тоже далеко не сразу становится аксиомой для студентов: для образова-

ния именительного падежа латинской однословной формы лекарства к форме английского названия достаточно добавить латинский конечный элемент **-um**, не забыв, естественно, что в латинской системе фармацевтической терминологии названия лекарственных препаратов (лекарств) следует записывать с большой буквы, сравним:

англ. **alcohol** — лат. **Allocoholum**

англ. **phthalazol** — лат. **Phthalazolum**.

При изучении латинской химической терминологии межъязыковая интерференция может играть и положительную, и отрицательную роль. Положительную роль мы усматриваем в том, что английское название термина уже задает определенные лексические ориентиры в тех случаях, когда сравниваются латинские и английские названия большинства химических элементов и химических соединений, которые употребляются в фармацевтике, сравним:

Английский термин	Латинский эквивалент	Английский термин	Латинский эквивалент
folic acid	Acidum folicum	Barium sulphate	Barii sulfas
Hydrogen peroxide	Hydrogenii peroxydum	Ethylmorphin hydrochloride	Aethylmorphini hydrochloridum

Как видно из данной таблицы, в английских и латинских названиях кислот, оксидов и солей морфологическая и синтаксическая структура этих разновидностей терминов далеко не идентична. Но преподаватель целенаправленно должен добиваться осознанного понимания студентами этих различий и закреплять это понимание на соответствующих упражнениях. Этим можно снизить негативные аспекты и орфографической, и лексической интерференции, служащей источником ошибок.

Таким образом, межъязыковая интерференция и в анатомическом, и в фармацевтическом разделе учебной программы для англоязычных студентов — весьма существенный элемент и дидактики, и методики проведения занятия, который должен обязательно учитывать преподаватель-латинист при работе с учебным материалом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Махлин, П. Я. Сколько латинских слов в английском языке? / П. Я. Махлин. — URL: fidel.net.ua/index.php?option=com_contentview=articleid=153 (дата обращения: 28.04.2020).

2. Цисык, А. З. Латинский язык = The Latin Language : учеб.-метод. пособие / А. З. Цисык. — 3-е изд., перераб. — Минск : БГМУ, 2018. — 202 с.

Впервые опубликовано: Теория и практика профессионально ориентированного обучения иностранным языкам : материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 29 мая 20020 г. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол. : О. А. Мясникова (гл. ред.), В. Б. Скроблевич. — Минск : МИТСО, 2020. — С. 67–71.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
Слово от автора-составителя сборника.....	4
Раздел I. Вопросы фонетики, акцентологии и орфографии латинских терминов. Вариативность некоторых согласных в русских медицинских терминах-транслитератах латинского и греческого происхождения.....	5
К вопросу об ударении в латинских медицинских терминах, созданных на основе греческой лексики и ее словообразовательных элементов.....	8
Некаторыя праблемы арфаграфічнай адаптацыі грэка-лацінскіх каранёвых тэрмінаэлементаў у беларускай медыцынскай тэрміналогіі	15
Об акцентологической адаптации греческих слов и морфем в составе латинских медико-биологических терминов.....	23
Об орфографической унификации в латинских эквивалентах современной медико-биологической лексики с финалями -зировать / -зывать / -зирующий / -зующий / -зированный / -зованнй / -зация.....	38
О транслитерировании латинских дифтонгов «au» и «eu» в контексте афористики и медицинских терминов.....	44
Раздел II. Вопросы истории, этимологии, семантики и функционирования латинских медицинских терминов. Глагол «fascere» и его деривационные формы в античной общелитературной и постантичной медицинской латыни	52
Греко-латинские лексические и морфологические элементы в русских заимствованиях последних десятилетий.....	57
Греческие изосемантические лексемы в медицинской терминологии.....	66
Древнегреческий суффикс -ιστ- в историко-лингвистической диахронии.....	71
Изображение подагры в античной поэзии	75
Из опыта работы над словарем греческих лексических элементов в современной международной анатомической терминологии	83
Из опыта работы над этимологическим словарем групповых названий лекарственных средств	90
К вопросу об образовании неологизмов и их унификации.....	95

К историческим и лингвистическим истокам анатомического термина «testis» (тестикула).....	99
К понятийным и лексическим истокам термина «инсульт» и его латинского эквивалента «insultus»	107
К историческим и лингвистическим истокам латинского имени «franciscus» и его белорусских эквивалентов	111
К проблеме важности и достоверности этимологических справок в современной словарно-справочной литературе по медицинской терминологии	116
Латинизация и релатинизация как способ создания латинских эквивалентов русских фармацевтических терминов	119
Латинская терминология в последнем издании международной гистологической номенклатуры.....	124
Лексическая вариативность и некоторые особенности синтаксиса в английских эквивалентах международной анатомической номенклатуры.....	133
Морфологическая структура и семантика латинских прилагательных в составе стоматологических анатомических терминов.....	139
Названия болезней в творчестве римских поэтов Катулла, Горация и Марциала	144
Некоторые заметки о терминологизации античной лексики	149
Некоторые замечания по поводу этимологических справок к терминам греческого и латинского происхождения в «Большом энциклопедическом словаре медицинских терминов» под редакцией Э. Г. Улумбекова.....	152
Некоторые замечания по поводу латинской лексики и терминологии в международной гистологической номенклатуре	158
О лексико-морфологических истоках некоторых номинативных медицинских терминов	163
О лексико-грамматическом статусе латинских эквивалентов терминов-существительных с финалями -ант/-ент	168
Словообразовательные элементы и слова древнегреческого происхождения в «Словаре иностранных слов»	172
Словообразовательный элемент -phren- в медицинской терминологии и современный взгляд на историю его значения.....	179
Современный взгляд на историю происхождения термина «сифилис».....	183

Функционально-семантические и этимологические аспекты анатомо-гистологического латинского термина «fenestra»	191
Об этимологии некоторых терминов, созданных на основе античной лексики	195
Этимология на злобу дня.....	204
Явления межъязыковой интерференции в преподавании англоязычным учащимся анатомического и фармацевтического разделов курса латинского языка	211

Научное издание

Цисык Андрей Зиновьевич

ЛАТИНСКАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ, АНТИЧНОСТЬ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник избранных научных трудов, опубликованных
доцентом кафедры латинского языка БГМУ А. З. Цисыком
за 50 лет научной и педагогической деятельности

В двух частях

Часть 1

Ответственная за выпуск Н. А. Круглик
В авторской редакции
Компьютерная вёрстка Н. М. Федорцовой

Подписано в печать 14.11.25. Формат 60×84/16. Бумага писчая «Снегурочка».
Ризография. Гарнитура «Times».
Усл. печ. л. 12,79. Уч.-изд. л. 14,7. Тираж 30 экз. Заказ 831.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования
«Белорусский государственный медицинский университет».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/187 от 24.11.2023.
Ул. Ленинградская, 6, 220006, Минск.

